

Всакое воспроизведение этого портрета безъ моего разрѣшенія воспрещается. Виновные будутъ преслѣдоваться по закону.

Я родился на лошади или лягушѣ,
Жизнь моя дала подѣлку изображенной четы...
И весь міръ для меня полонъ счастья и грезъ,
А душа у меня—трамъ для вылазокъ нечесты...

А. Бахчанянъ

А. Н. Емельяновъ-Коханскій.

„Обнаженные нервы“.

Третье, просмотрѣнное авторомъ и дополненное
изданіе

ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ 1902—1904 Г.

СЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПОРТРЕТА, КРАТКОЙ АВТОБИОГРАФІИ
И ОСОБАГО ШУТЛИВАГО ОТДѢЛА:

„Слезы плѣшиваго черта“.

(ЮМОРЪ И САТИРА.)

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНОВА
Леонтьевскій переклочъ, домъ № 5
1904

ОПЫТЪ КРАТКОЙ АВТОБИОГРАФИИ.

Я родился—какъ и всѣ вообще люди—отъ женщины.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Искренно благодарю всѣхъ, кто добрымъ или худымъ словомъ (для меня это безразлично!) *почтилъ* первое и второе изданіе настоящей книги.

Меня интересуетъ только то, что я *сказала*, а не то, что про меня сказали....

„Награду, клевету пріемли равнодушно“ и... и...

Нѣтъ, я заикаюсь: я не могу дальше продолжать безъ... комментаріевъ.

По-моему, выраженіе: «не сспаривай глупца» относится до... нашихъ критиковъ...

А развѣ среди критиковъ, въ особенности либеральныхъ, имѣются глупцы?! Положительно невозможно...

Если вѣрить въ это, то, чего доброго, допустишь, что земля стоитъ на трехъ китахъ!

Однако будетъ...

Еще разъ благодарю своихъ враговъ и друзей...

Но благодарности одной мало.

Въ знакъ своей особой *признательности*, я выпускаю въ свѣтъ третье изданіе своеї

книги «Обнаженные нервы» и добавляю сюю
произведеніями 1902 — 1904 г.

Ихъ, положимъ, мало, особенно стихотво-
реній.

Всего четырнадцать..

Но не въ количествѣ дѣло.

Я увѣренъ, что по прочтениіи этой книги
меня назовутъ если не *солнцемъ*, то *мъсяцемъ*
серъезной и шутливой поэзіи.

Сатири, но только не либеральную, я также
причисляю къ поэзіи...

Нашъ либерализмъ, какъ всякое человѣко-
ненавистничество, мнѣ совершенно чуждъ.

Человѣконенавистники прежде всего малѣ-
грамотны въ самомъ широкомъ значеніи этого
слова.

Настоящее ихъ призваніе должно было бы
заключаться только въ сыскѣ: кто правильно,
а кто неправильно употребляетъ букву «ѣ»;
они же *ползутъ* «въ царство мысли, гдѣ
сіяеть вѣковѣчный день»...

А что имъ, спрашивается, тамъ дѣлать?

Красота—богиня, а не лицепріятная, льсти-
вая на чужія средства, дама.

Авторъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Н. С. Е.

Изъ дневника.

За жалость я отвѣчу вамъ презрѣньемъ.
А за презрѣнье—преступлѣнъ!...

Клеопатра.

(отрывокъ изъ поэмы).

Разсвѣтъ вѣщаетъ о разлукѣ...
Блѣднѣй царица мертвѣца

И онъ ласкалъ въ предсмертной мукѣ
Черты небеснаго лица.
Всю ночь царица отдавалась,
Всю ночь былъ слышенъ страстный стонъ...
Всю ночь царица оскорблялась,
И замиралъ отъ страсти онъ...
Онъ былъ на грани райской сѣни:
Онъ грудь царицы обнажалъ...
И смерть всходила на ступени
И рабъ ее благословлялъ...

Смерть.

Я чую смерти ледъ, но мучаетъ сознанье,
Что не смирилась ты... Огонь твоихъ рѣчей
Зажечь не можетъ вновь уставшее страданье:
Я—мертвый океантъ, а ты—живой ручей.
Я долго мучился, но грубая мученья
Испепелили мозгъ и взяли юный пыль;
И я забыть всѣ свѣтлыхъ стремленья,
И я забыть, кѣмъ стала и кѣмъ когда-то была.
Смирись: я трупъ давно, мнѣ не страшна могила!
Я для тебя не другъ, а самый злой палацъ...
Къ тебѣ вернется вновь надорванная сила,—
Вотъ душить смерть... Прощай!! И радуйся, не
плачь!

Красота.

Есть красота въ болѣзненныхъ припадкахъ,
Въ терзаніяхъ земныхъ небеснаго лица...
Есть красота въ безчисленныхъ заплаткахъ
Одежды жалкаго по виду мудреца.
Есть красота въ рукѣ казнящей и казнившей
И въ упоеніи губительной мечты,
И въ кандалахъ надежды отслужившей,
И въ пылкой правотѣ развратной наготы.
Есть красота въ груди окровавленной
За процвѣтаніе спасительныхъ идей;
Есть красота надъ пропастью бездонной
Въ глухомъ безмолвіи томительныхъ ночей.
Нѣть красоты—сумѣй ея дыханье
Во всемъ—въ добрѣ и злѣ мгновенно отыскать. —
Пигмаліонъ въ пылу стихійнаго желанья
И статую заставилъ трепетать.

Трудъ.

Священный трудъ! Нѣть жизни безъ тебя!
Одинъ лишь ты несешь отдохновенье,
Одинъ лишь ты смягчиши тому мученья,
Кто трудится, живеть не для себя.
Но кто хранитъ твои плоды отъ всѣхъ,
Боясь за жизнь—не жизнь, а прозябанье.
Кто презираеть мысль о состраданыи,
Живя всегда для собственныхъ утѣхъ;
Кто потомъ тяжкимъ не польеть своимъ
Цвѣты добра съ восторженнымъ усердьемъ.
Не смоеть слезъ, смѣясь надъ милосердьемъ—
Тотъ трудъ не чтить, кощунствуетъ надъ нимъ.
Тому не дастъ забвенья никогда
Священный трудъ,—его онъ уничтожить,
Страданія и горести умножить
И истомить сильнѣе, чѣмъ нужда.

М у з а.

(Изъ Гартмана).

Нѣть, я не звалъ тебя, о музѣ! Но ко мнѣ
Явилась ты... Зачѣмъ?! Повѣдать про печали?!

Ты улыбаешься?! И взоръ твой не въ огнѣ?!

Скажи мнѣ: грудь твою несчастья заласкали?

И миртовая вѣтвь въ рукахъ твоихъ дрожить,
Мелодіей звучить твоя святая лира,
И нѣть съ тобою юнца, и мечъ твой не горить:

Не съ поля битвы ты ко мнѣ пришла, а съ пира.

Ты мнѣ поешь про міръ, а на твоихъ ногахъ
Надѣты и звенять позорныя оковы!

Я вижу горькихъ слезъ слѣды въ глазахъ свя-
тыхъ,

Уста же говорять о примиренъ слово!
Нѣть, муга, замолчи! Я вторить не могу
Мелодіи—она взята насилиемъ грубымъ!
И эта пѣснь, пойми, хвалебный гимнъ врагу...
Онъ силенъ, мы сильны безсиліемъ сугубымъ!
Побѣда честная лишь съ равными въ бою!
Мои враги стоятъ съ перунами Зевеса,
Но вѣрь, что лиру я со злобой разобью,
Иль съ твоего лица навѣкъ спадеть завѣса!

Изъ Гёте.

Пѣснь любви, ручеекъ!
Ты вливаешься въ море забвенья,
Лишь пустой мотылекъ
Ищеть въ страсти отъ жизни спасенья.
Строгихъ юношей ты
Не прельстишь красотою напѣва,
И завѣтной мечты
Не повѣрить тебѣ даже дѣва.
И чѣмъ волны сильнѣй
Сердце пѣсней твоей опьяняли,
Тѣмъ промчится скорѣй
Страсть: ее на водѣ начертали.

Древне-греческий пиръ.

(ФРЕСКИ).

Порогъ *еј* дома усыпанъ цвѣтами и кровью полить,
И тѣсно кощунственной пѣснѣ въ богатомъ ве-
селиемъ храмѣ,
И рвется на воздухъ изъ оконъ она и безумно
палить
Прохожихъ, забывшихъ о чести, о правдѣ, о тре-
петномъ срамѣ...

Всѣ гости упились... Раскрылись бесстыдно наряды
у женъ...
Склонившись на плечи героевъ, вакханки забылись
въ дремотѣ...
Одинъ только юноша не былъ дыханиемъ пира
сожженъ:
Вакханка дразнила его и дрожаль онъ отъ страстной
заботы...

Они вынимали изъ усть другъ у друга устами
плоды;
Изъ чаши одной они пили вино и оно проливалось,
И красными каплями пышная грудь у нея оро-
шалась.
Онъ, что рубины, катились по ней... Какъ пустын-
никъ воды,
Любовникъ желалъ эти капли схватить и втянуть
ихъ губами,
И ранилъ, забывшись въ истомѣ, атласное тѣло
зубами.

Къ 100-лѣтію дня рожденія А. С. Пушкина.

Священный близокъ день, день памяти поэта!
Мы знаемъ всѣ кругомъ, кого вѣнчаемъ мы:
Такъ преисполнимся волшебнаго завѣта,
Которымъ жилъ поэтъ, дыша въ страшной
тѣмнотѣ!

Онъ былъ для насъ всегда звѣздою путеводной,
И чудный свѣтъ ея намъ души очищалъ,
Но скоро мракъ порвалъ нить жизни благородной,
Но живъ и не погасъ поэта идеалъ!

И не умреть вовѣкъ! Ни ненависть ни время
Не могутъ затемнить его святыхъ лучей;
Такъ обновимся мы, покажемъ всѣмъ, что сѣмѧ,
Посѣянное имъ, живить сердца людей...

Сплетемъ ему вѣнокъ изъ дружбы и участья
Къ народу, родинѣ, которыхъ онъ любилъ,
Которымъ жизнь свою и силы, и все счастье,
И мысли свѣтлые отдалъ и посвятиль.

Ободримъ падшаго, вдохнемъ въ него надежды,—
Не тщетно жъ звалъ поэтъ къ свободѣ и любви,
Не тщетно утомлялъ угаснувшія вѣжды,
Не тщетно пѣсни пѣлъ, рожденныя въ крови!

Изъ Феликса Дэрмена.

Люблю я болѣзненно-томный
Нарцисъ съ окровавленнымъ ртомъ,
Взглядъ женщинъ преступно-некромонный
И души, сожженныя зломъ.
Люблю я смотрѣть на движенія

Холодныхъ и слизистыхъ змѣй,
Люблю похоронное пѣнье
И стоны родныхъ и друзей.
Люблю я зеленый, надменный
Смарагдъ на любимыхъ рукахъ,
Лучъ мѣсяца грустный и плѣнныи
Межъ скаль на морскихъ берегахъ.
Люблю я все страшное, злое...
Ищу, выбиваясь изъ силь
Все странно и дерзко больное,
Чего бы никто не любилъ.
Люблю я мой умъ, напоенный
Безумнымъ коварствомъ идей,
И ужасъ, въ груди затаенный,
На гибель ничтожныхъ людей.

Призрачное зло.

Мой другъ, нельзя все отрицать,
Миръ презирать и расточать проклятья...
Но ты сумѣй прекрасное понять
И въ каждомъ душу разгадать
И всѣмъ открыть обѣятья!..
Всѣ люди!.. Сердце есть у всѣхъ—
Не обвиняй, мой другъ, неосторожно...
Все, можетъ-быть, въ твоемъ кумирѣ ложно...
А истина, повѣрь, у тѣхъ...
Что въ мірѣ невозможноС?!

И знай, что ты считаешь зломъ,
То, можетъ-быть, мечты твоей ошибки.
Ты ложь зовешь не ложью, а добромъ,
Но правда чуть войдеть съ мечомъ—
И на устахъ улыбка.

* * *

Изъ Верлена.

Все погибшее на свѣтѣ
Возвращается опять...
Такъ, воды испивши въ Летѣ,
Шла къ землѣ героевъ рать...
Подъ угрозами ненастя
Въ день сомнѣній и потерь
Смѣло жди улыбки счастья,
Гордо въ будущее вѣрь!

Стонъ.

Я не зналъ цѣломудренной ласки,
Я не видѣлъ невинныхъ очей,
Я не слышалъ таинственной сказки,
Но испилъ всю отраву страстей...
Я узналъ все удушіе зноя,
Чуялъ нѣгу въ сіянны луны,
И навѣять не смѣли покоя
На меня сладострастные сны.
Предо мною открыта могила...
Я схожу постепенно съ ума...
Страсть, разсудокъ, какъ солнце, закрыла
Безпроглядная, смутная тьма...

Изъ дневника.

Мой мозгъ горить: въ немъ Магометовъ рай...
Въ душѣ блестить огонь безумнаго желанья,
А демонъ злой вдали мнѣ шепчетъ: „умирай
„Въ минуты дерзкихъ ласкъ, въ минуты обладанья...“
Нѣть, не смуцай меня, всесильный сатана!
Я врагъ безумія, врагъ дѣла и движенья!..
Фантазія моя, какъ бурная волна,
Несеть мои мечты изъ дебрей преступленья...

Галлюцинація.

Черви чернымъ покрываломъ
Осаждаютъ грудь мою...
Сердце бьется звукомъ вялымъ,
Не стремяся къ бытію...
Очи черныя чаруя,
Черви пиршество даютъ...
Отъ любви ихъ, поцѣлуя
Раны крѣпнуть и растутъ...
Черви черные гніеньемъ
Наслаждаются моимъ,
Какъ безсмысленнымъ сомнѣньемъ
Опьяненный пилигримъ...
Постепенно гаснетъ тѣло,
Черви черные толпой
Проникаютъ въ сердце смѣло
Безпрерывною каймой.

Г р о з а.

Полюбила изверга нѣжное созданіе,
Нѣжное созданіе, дѣвушка-дитя;
Онъ поранилъ дѣвушку лезвіемъ лобзанія,
Лезвіемъ лобзанія отравилъ щутя...
И злодѣйство лютое въ сердцѣ поселилося,
Въ сердцѣ поселилося дѣвицы-души,
Отъ коварства страстнаго mestію забилося,
Местію забилося средь ночной тиши...
И убила изверга дѣвушка прекрасная,
Дѣвушка прекрасная съ розою-душой;
И—забава нѣжная, гибельно-опасная,
Гибельно-опасная кончилась грозой...

Наступленіе весны.

Этотъ пыль перепутанныхъ травъ,
Трепеть зорьки, царицы стыдливой,
Этотъ шопотъ влюбленныхъ дубравъ,
Смѣхъ волны безмятежно-игривой...
Этотъ крикъ утомившихся птицъ
Безконечною жаждой желанья...
Эта страсть отуманенныхъ лицъ
И порывистый вѣтеръ лобзанья...
Эта прелесть блистающихъ горъ,
Эти ландыши, полные грезы,
Безпокойный и мнительный взоръ
Расцвѣтающей только-что розы...
Эта пѣснь соловья... ароматъ,
Напоенный безумнымъ томленьемъ,
О прекрасной веснѣ говорять
И поють о любви съ наслажденьемъ...

Фіалка.

Томимая засухой лѣтней
Фіалка въ лѣсу погибала
И къ небу съ мольбою послѣдней
Свои лепестки обращала...
По небу суровая туча
Безъ капли дождя проносилась,
И молнія вспышкой могучей
Угрюмо по черни змѣилась...
Но стало ей въ рощѣ зеленої
Цвѣтокъ погибающій жалко—
И капельки влаги студеной
Упали надъ блѣдной фіалкой

Quasi una fantasia.

Она лежала умирая...
И сквозь разбитое оконце
Струило свѣтъ прощальный солнце,
По тѣлу блѣдному играя...
Грудь тихо-тихо поднималась...
Любви таинственной корона,
Понявъ бесиліе закона,
Надъ неї незримо опускалась.
И голосъ дикаго позора
Не смѣгъ накинуть покрывала
На ту красу, что вдохновляла
И омывалася отъ взора.
Истомой приковалось тѣло...
Ждало насильственныхъ объятій,
А пытка дѣственныхъ проклятій,
Мгновенно скрывшись, отлетѣла.
И боль борьбы и ножъ злодѣя

Все ради страсти позабыто...
Душа вся нъгою повита
И грудь горить вся пламенъя.
Она привстала... Звонъ червонца
Казниль ес продажей ночи.
Изъ раны кровь залила очи,
И скрылся лучъ горячій солнца...

З и м а.

Зима наступила... Покрылась земля
Блестяющимъ ковромъ.
Лѣса опустѣли; замолкли поля...
Объято все сномъ...
Сурово и мертвенно стало кругомъ,
Ни звука—тоска!..
Прозрачнымъ и крѣпкимъ сковавшимся льдомъ
Застыла рѣка...
Деревья въ сомнѣнїи: придетъ ли весна,—
Печально стоять,
Не зная, вернетъ ли, какъ прежде, она
Ихъ пышный нарядъ?..
И сердце застыло... покрылося льдомъ,
Лишилося грезъ.
И бившую кровь непрерывнымъ ключомъ,
Похитилъ морозъ...
Разсталась навѣки со мною она,—
Жить стало не въ мочь!..
Блаженства и нѣги и счастья волна
Отхлынула прочь...
Промчалося время свиданій и розъ...
На сердцѣ тоска!..
Глаза потускнѣли, погасли отъ слезъ...
Могила близка!..

Листки изъ дневника.

I.

Я хочу умереть подъ аккорды небесныхъ созвучий.
Пусть далекія звѣзды ласкаютъ меня,
Пусть смѣется луна и играеть со встрѣчною тучей
И пусть дѣвы поютъ, никого не кляня.

II.

Я хочу умереть подъ рыданія злобныхъ желаній,
Созерцающихъ власть и побѣду добра,
Пусть угрюмая тѣни насилия и лишнихъ страданій
Уничтожить зари и свободы пора.

III.

Я хочу умереть при сопутствіи ласки мятежной,
Пусть, горя сладострастемъ, угаснутъ глаза,
И въ моментъ перехода въ міръ жизни безбрежной
Пусть промчится надъ кровлей мою гроза.

Совѣсть.

Чуть забрезжилъ разсвѣтъ... заалѣла заря...
Послѣ оргіи шумной бреду я домой
И, стихійною страстью томясь и горя,
Проклинаю себя съ непонятной тоской.
Что мнѣ дѣлать?! Гдѣ силу и волю найти!?
Какъ унять овладѣвшій душою развратъ!?
Какъ смягчить безысходную муку въ груди,
Когда въ сердцѣ и совѣсть и стыдъ не молчать?

Какъ мнѣ тяжко! Не въ силахъ волшебную нить
Навсегда оборвать смѣлой, сильной рукой,
И не въ силахъ волненѣе въ крови загасить,
И безумный развратъ овладѣлъ всей душой!
Такъ зачѣмъ же, когда никакая борьба
Отъ паденія меня не спасеть и отъ зла...
Такъ зачѣмъ же въ душѣ у меня—у раба
Безпощадная совѣсть, терзая, жила?
Отъ всесильныхъ страстей, отъ безумныхъ утѣхъ
Не спасеть эта совѣсть, я знаю, меня!..
Такъ зачѣмъ же въ часы наслажденій и нѣгъ
Обвинять она, безпощадно кляня.

* * *

Я пѣснью была вдохновенной и звучной...
Съ мелодіей свѣтлой вдвоемъ неразлучно
Неслись мы съ балкона аллеями сада,
Ласкала насъ чудно ночная прохлада...
Но вотъ подъ махровой завѣсою ели
Забился несчастный на мшистой постели...
Горятъ и во снѣ неизмѣнныя раны,
Разбитыя грэзы, погибшіе планы.
Съ послѣднею чарой приникла къ нему я,
Старалась утѣшить огнемъ поцѣлую,
Вернуть упованья улыбкою страстной,
Но пѣснь до него доносилась не ясно...
Не вѣдалъ онъ, кто его грустью томился,
Прохладѣ и звукамъ во снѣ онъ молился;
А звуки скользили аллеями сада
И мимо струилась ночная прохлада.

Некуда.

Что связывает насъ?! Давно мы надоѣли
Другъ другу, какъ порой наскучиваютъ намъ
И соловынныя рыдающія трели,
Когда не любимъ мы, а страждемъ по ночамъ.
Притворная любовь промчалась безъ возврата!
Волшебныхъ силъ своихъ мы не могли сберечь;
Страсть изсушила насъ... Не для любви—разврата
Сошлися мы съ тобой; онъ насть сраилъ, какъ мечъ!..
И ненависть вошла неслышною стопою
Въ сердца остывшія и истерзала насть...
Къ чѣму же медлимъ мы? Зачѣмъ навѣкъ съ тобою
Мы не разстанемся, презрѣнны—сейчасъ!
Мы заклеймили все другъ къ другу уваженье!
Проклятъ слышатся въ отрывистыхъ рѣчахъ;
Уста не ищутъ усть, и страшное презрѣнье,
Взамѣнъ любви, у насъ сіяеть на глазахъ!
И сколько разъ съ тобою хотѣли мы спасенія
Искать, забывъ про страсть, измучившую насъ,
Но сладострастья цѣль была крѣпка, и звенья,
Ея не оборвавъ, сходились каждый разъ!
И вновь животная, безумная, слѣпая
Страсть волновала насъ и горячила кровь...
И наслаждались мы, про все позабывая,
Чтобъ послѣ презирать сильнѣй другъ друга вновь!

— — —
* * *

Ледъ не таетъ отъ жгучихъ лобзаній мороза...
Отъ страданій смѣлѣй загорится мечта;
Не погубять ее ни нужда ни угроза,
Но сильнѣе заблещеть ея красота;

И на злобу людскую безъ тайного гнѣва,
А съ слезой всепрощенья посмотреть она—
Зло исчезнетъ подъ звуки святого напѣва
И проснутся сердца отъ преступнаго сна.
И надолго разбудить ихъ пѣснь всепрощенья
И утихнетъ безумно вскипѣвшая кровь;
Всѣ сознаютъ, что самое сладкое мщенье
За обиды и муки—добро и любовь.

Изъ Бодлера.

Врагъ смерти, жизни вѣрный другъ
И рабъ съ закрытыми глазами,
Не обольщай свой трезвый слухъ
Моими страшными рѣчами,
Когда на оргіи бѣсовъ
Ты о приличьи вспоминаешь:
Ты не поймешь завѣтныхъ сновъ,
Больнымъ избранника признаешь.
Но если умъ твой открываетъ
Во алѣ добро и красоту,
Безумно любить и лобзаетъ
Въ крови рожденную мечту,
Тогда въ жестокомъ вдохновеньи
Найдешь ты грозное забвенье.

Поэзія вездѣ.

Поэзія вездѣ... въ безумьи наслажденій
И въ ласкѣ матери, свободной отъ страстей,
И въ звонѣ тягостномъ томительныхъ цѣпей,
Надѣтыхъ на себя за правду убѣжденій.
Поэзія вездѣ: и въ пиршествѣ веселомъ

И въ грустной тишинѣ у смертнаго одра,
Въ сомнѣньяхъ разума надъ властію добра,
Сокрытаго отъ всѣхъ подъ мрачнымъ ореоломъ.
Поэзія вездѣ... Вокругъ, во всей природѣ,
Ея дыханіе пойми и улови!
Въ житейскихъ мелочахъ, какъ въ призракѣ любви,
Въ мерцаніи фонаря, какъ въ солнечномъ восходѣ!

Бредъ умирающаго.

Розы! Красавицы-розы!

Сердце воскреснетъ и снова забытъ,
Слыша дыханіе страстное ихъ,
Взоръ красотой неземной упьется,
Чувство проснется въ тотъ сладостный мигъ!..
Розы! Безсмертныя розы!

Жизни смягчится безрадостный гнетъ...
Снова воскреснутъ въ груди моей грезы,
Снова забуду я тяжесть заботъ...
Розы! Красавицы-розы!..

Совѣтъ.

Взгляни на источникъ, моя дорогая,
Который несется вонъ тамъ—за горою,
Играя сребристой и ясной волною,
Ни горя ни счастья пустого не зная...
Онъ вѣчно шумитъ, извиваясь змѣю,
И побить холодной, живительной влагой
Лѣса и долины и, съ равной отвагой,
Встрѣчая лучъ солнца и тучу съ грозою...

Такъ будь ручейкомъ, чтобы злоба людская
Тебя миновала... Оставь безъ отвѣта
Насмѣшки... И образомъ милимъ поэта
Ты будешь, подруга моя дорогая...

* * *

Путь блудницы усыпать цвѣтами
Жаждаль я за позоръ огневой...
Смыть всю грязь я пытался слезами
Съ баядерки моей молодой...

Я хотѣлъ путь усыпать цвѣтами,
Чтобъ ея вспыхнулъ радостью взоръ...
Я хотѣлъ убаюкать рѣчами
И смягчить злой судьбы приговоръ.
Я хотѣлъ путь усыпать цвѣтами...
Но погибла вакханка моя...
И я могъ, только могъ со слезами
Трупъ осыпать цвѣтами ея.

Привидѣнія.

Сладострастные шопотъ и стоны
Нервнымъ слухомъ ловя въ тишинѣ,
Я читаю, читаю законы,
Отъ страданья горя, какъ въ огнѣ...
Льется потъ, напоенный мечтою,
Съ бѣлосѣжно-прекраснаго лба,
И внимая горячemu бою,
Жду рыданья царя иль раба...
Сладострастные стоны все крѣпишь,
Рвутся выше—туда, къ небесамъ...

Стыдъ и совѣсть стремительно слѣпинуть
И курится любви єиміамъ...
Слышны вздохи, упреки, рыданья,
Остываетъ живительный пылъ.
Трепетъ стихъ... И угасли желанья,
Только голосъ крови не остылъ.

Часы.

Я часы узнавалъ по глазамъ,
По глазамъ моей милой газели,

Такъ по солнечнымъ яснымъ лучамъ
Время ясно въ земной колыбели.
Если очи, восторгомъ горя,
Такъ невинно и нѣжно сіяютъ,
То восходитъ на небѣ заря,
Тѣни мрачныя стонутъ и таютъ...
Если глазки сіяютъ огнемъ,
Что зовутъ къ упоенію страсти—
Это полдень въ величыи своемъ
Держить землю въ плѣнительной власти...
Если очи, волненъя не въ мочь
Пересилить, подернутся тѣни—
Наступаетъ холодная ночь
Съ сномъ томленья и влажною лѣнью.

Измѣна.

Истомленный тяжелой борьбой
Я надѣялся счастье найти,—
Отдохнуть на завѣтной груди
У подруги своей молодой...
Но злой рокъ надѣ мою мечтой
Посмѣялся жестоко; давно
Ея сердце другимъ отдано
Съ страстью пылкой души молодой...
И остался одинъ я; порой
Мнѣ приходитъ на память любовь,
И тоскую о счастьи я вновь
И о жизни своей молодой...

Тризна по красотѣ.

(Сонетъ).

Она къ нему вошла, сіяя красотою,
Больной мертвѣцъ воскресъ, казнившій мыслью міръ,
И вдругъ за этою предательской стѣною
Раздался смѣхъ и визгъ... Начался смѣлый пиръ...
О, юность свѣтлая—любовница младая!
Ты вѣтрена, какъ другъ!.. Свободна, какъ судьба!
Давно ли ты жила, проклятіемъ живая...
Но, чу! Раздался стонъ и стихнула борьба...

И грустно стало мнѣ... Одной своей мечтѣ
Царя любовь, я зналъ: за этою стѣною
Могильный гимнъ поютъ священной красотѣ!..
Гдѣ страсть кипитъ всегда безумною волною,
Навѣкъ прощай, мечты! Прощай, красивый стыдъ,
Что жизнь въ несчастіи и счастіи хранить...

Призывъ смерти.

Душа истомилась, а умъ изнемогъ
Подъ тяжестью зла и волненій,
И только одинъ избавитель бы могъ
Спасти отъ жестокихъ мученій?..

Но кто-жъ избавитель? кого я зову?
Кто можетъ унять мои муки?
Одна только смерть! и во снѣ, наяву
Я все простираю къ ней руки...

О, нѣты!.. не могу я надеждою жить,—
Не вѣрю я большие надежды!..
И счастія жизнь мнѣ не можетъ сулить:
Любовь не по силамъ, какъ прежде...

И если бы знать, за кого, наконецъ,
Всѣ муки и горести сносишь,—
Все-бѣ легче, чѣмъ тяжкій терновый вѣнецъ
Не знать за кого переносишь!..

Довольно, довольно, мнѣ жизнь не нужна
Безъ вѣры, любви и привѣта...
Давно я созналъ, что ужасна она,
Какъ темная ночь безъ разсвѣта.

Ч у в с т в о.

Было тихо... Луна золотая
Не сияла съ высокихъ небесъ...
Намъ свѣтила любовь молодая,
Уносила въ міръ грезъ и чудесъ...
Волны тихо журчали и пѣли...
Съ ней мы плыли на быстромъ челнѣ...
Соловьиная чудная трели
Раздавались въ ночной тишинѣ...

И, меня обвивая руками,
Трепетала отъ страсти она,
И блистала своими глазами,
Вся желанья и нѣги полна...
И въ безумномъ слѣпомъ упосенны
Мы отбросили весла давно,
И несется нашъ челнъ по теченью...
Но куда?.. Но не все ли равно!..
И въ объятьяхъ, про все забывая,
Мы живемъ нашимъ чувствомъ святымъ,
И могучая страсть молодая
Будеть нашимъ всегда рулевымъ!

Н а г р а д а.

Онъ смертельно раненъ, милая наяда,
Кровью истекаетъ... Онъ тебя любилъ...
Ты въ моихъ объятьяхъ... Ты моя награда...
Я его отправилъ въ міръ другихъ свѣтиль.
Грудью бѣлоснѣжной ты ко мнѣ прижалась;
Губки зло смѣялись и шептали мнѣ:
„Какъ съ тобою, прежде съ нимъ я наслаждалась,
„А теперь отъ раны онъ горитъ въ огнѣ.
„Ты его убійца—смѣлый и влюблennyй,
„Смѣлый и влюблennyй въ милую свою...
„Лучшій мой любовникъ—кровью озаренный,
„Нѣгой награжденный въ гибельномъ бою.
„Если жь ты измѣнишь, дорогой убійца,
„За измѣну смертью мнѣ заплатишь ты...
„О, какъ сладко будетъ кровью мнѣ упиться,
„Увидать во прахѣ мертвяя черты“!..

Ф е б ъ.

Октавы.

Полная истомы ночи сладострастной,
Не осилить Эость утренней дремоты,
А ея любовникъ, свѣжій и прекрасный,
Ждетъ вооруженный, скоро ли ворота
Пріотворять Горы, чтобы на путь опасный
Мчаться въ колесницѣ для дневной работы...
И, какъ знакъ прощанья, онъ на груди томной
Напечатлѣваетъ поцѣлуй нескромный...

Предчувствія.

„Потерпи, милый другъ“,—такъ писала она,—
„Наступаетъ конецъ непосильной разлуки,
„Я примчуся къ тебѣ, страсти пылкой полна,
„И съ тобой расплачусь я, повѣрь мнѣ, за муки!“
Нѣть, не любить меня—изъ письма я рѣшилъ--
И смѣется, какъ всѣ, надъ мою судьбою,—
И горячей слезою письмо окропилъ
И остался одинъ съ безысходной тоскою...
И опять потекла моя жизнь безъ любви,
Безъ надежды, безъ ласкъ и привѣта...
И я ей написалъ и молилъ: обнови
Жизнь мою и любовь не оставь безъ отвѣта...
Долго, долго я ждалъ, и письмо наконецъ
Получилъ и не понялъ я смысла простого,
И скитаюсь по міру, какъ страшный мертвецъ,
И прошу разъясненъя письма дорогого.
„Не кори, милый другъ“,—такъ писала она,—
„Что для нашей любви наступила могила:
„Я тебя не люблю... И блаженства полна
„Отдалась я другому—тебѣ измѣнила“.

Л ю б о в ь.

Я пришелъ къ тебѣ весь въ ранахъ,
Жалкій, блѣдныи и больной!..
Я въ *объятіяхъ-обманахъ*
Образъ твой забытъ святой!
Ты ни слова не сказала
И слезами смыла гной,
И къ ногамъ моимъ упала,
Отирая кровь косой...
Заживляла поцѣлуемъ
Раны смертныя мои...
И, раскаяньюемъ волнуемъ,
Я не вѣрилъ той любви!..
Я пришелъ къ тебѣ весь въ ранахъ,
Жалкій, блѣдныи и больной...
Я въ *объятіяхъ-обманахъ*
Образъ твой забытъ святой!

М р а къ.

Спускался мракъ отрадныи,
Курилися поля,
И съ лозой виноградной
Лобзалася земля...
Ко мнѣ припавъ стыдливо,
Съ слезами на глазахъ,
Шептала ты игриво:
„Я вся твоя, мой врагъ...“
Вершинами качая,
Шептали пальмы намъ
Про радости ихъ края,
Про вѣрность небесамъ...

И пѣло грозно море,
Смѣялася волна...
Далеко было море,
Близка была она...
И сумракъ страстный нѣжно
Проникъ въ нашъ мозгъ стрѣлой,
И съ милой безмятежно
Забылъ я рокъ земной...

Любовь вѣтра.

Полюбить вѣтеръ дѣвицу, красну-дѣвицу черно-
окую,
Заласкалъ ее въ мятелицу лаской жгучей и же-
стокою.
Онъ узналъ, что съ жизнью горькою красна-дѣвица
спознается,
Съ дряхлымъ старцемъ этой зорькою его любушка
обвѣнчается...
Онъ въ союзъ позвалъ непогодушку и не могъ
унять страсть мятежную,
И на смерть обрекъ онъ лебедушку, зазнобивъ ей
грудь бѣлоснѣжную.
И красавица простудилася и дошла домой черезъ
силушку...
Съ бѣлымъ свѣтомъ распростилася и ушла навѣкъ
спать въ могилушку.
Полюбить вѣтеръ дѣвицу, красну-дѣвицу черно-
окую,
Заласкалъ ее въ мятелицу лаской жгучей и же-
стокою.

* * *

Если ты не знаешь, что страдаютъ розы
Въ вазѣ драгоцѣнной, какъ въ неволѣ лютой,
Если ты не видишь, что онѣ льютъ слезы,
Грустно угасая съ каждою минутой;
Если ты не слышишь, какъ рокочутъ волны,
Прижимаясь съ пѣгой ко скалѣ угрюмой,
Какъ онѣ смѣются—воли, счастья полны,
Незнакомы съ горемъ, незнакомы съ думой;
Если ты не чуешь, что скала страдаетъ,
Слушая тѣ пѣсни вольности великой,
Какъ она печально, тягостно вздыхаетъ
О свободѣ чудной и о жизни дикой;
Если ты не вѣришь, что тоскуетъ небо,
Созерцая горе, муки и обманы;
Плачетъ, если видитъ: ницій просить хлѣба,
А ему наносять злые люди раны;
Если ты не знаешь, что мятутся ели,
Видя, какъ морозы губятъ зелень сада...
Какъ страдать со всѣми елочки бѣ хотѣли,
Но ихъ иглы свѣжи, а въ груди отрада;
Если ты смѣешься, зная, что позоромъ
Щеки дышать женщинъ, падшихъ отъ разврата,
Если смѣешься бросить въ нихъ своимъ укоромъ—
Ты мертвѣцъ и слова не достоинъ брата.

Цвѣты.

И убиль я се за безуміе сновъ,
И смѣялся надъ ней... Какъ на морѣ волна,
Замирала она при дыханыи цвѣтовъ,
И горячую кровь освѣщала луна...
Закатились глаза... Обнажилася грудь...

Далеко отлетѣла голубка-душа.
Звонъ оковъ... Обезсиленный злобою путь...
Я глядѣлъ на нее, я глядѣлъ не дыша,
Мнѣ казалось, что я—не она умерла...
Вотъ сжимается горло... Дыханія нѣть...
Руки ужасъ связалъ... Сердца нѣть у орла...
Что въ глазахъ ея—жизнь, что въ глазахъ ея свѣтъ...
Я очнулся и къ ранѣ приникъ головой...
Кровь прилипла къ моимъ охладѣвшимъ устамъ...
Сердце вновь окрылилъ вдохновенный покой...
Съ вѣстью смерти понесся мой хохотъ къ цвѣтамъ.

Грусть.

Я заклейменъ навѣкъ позорнымъ преступленьемъ.
Бреду всегда одинъ по скорбному пути...
Всѣ смотрѣть на меня съ безмолвнымъ отвра-
щеньемъ...
Я умеръ... Для себя мнѣ счастья не найти.
Но сколько, сколько разъ, раскаявшись глубоко,
Я руки простираль, чтобы вамъ помочь,—врагамъ,
Но, лицемѣріемъ волнуемы жестоко,
Уплыть стремились вы къ безгрѣшнымъ берегамъ.
Противно вамъ мое сердечное участье,
Не признаете вы добра въ душѣ моей...
Ужель преступнику нельзя смягчить ненастье
И отереть слезу съ заплаканныхъ очей?!

Послѣднее вдохновеніе.

Случалось вамъ свершить такое преступленье,
Которому не могъ препятствовать законъ,
И, приходя домой, смотрѣть изображеніе,
Какъ на крестѣ въ крови страдаетъ тихо Онъ.
И не казалось вамъ, что раны Спаса больше,
Что взглядъ Христа горитъ печальнѣе и горише?!

И не смотрѣть на васъ все тотъ же образъ чудный
Спокойно и свѣтло, когда, прия домой,
Вы знаете, что въ часъ отчаяннаго и труднаго
Вы близкимъ помогли, болѣя ихъ тоской...
Не замѣчали-ль вы, что раны не зіяютъ
И менѣе за васъ глаза Христа страдаютъ?!

Прощаніе съ міромъ.

Нѣть въ жизни ни свѣта ни прелести въ волѣ,
Когда и любовь я могу пріобрѣсть
За грязно-добытый червонецъ, безъ боли
Могу осквернить имъ невинность и честь.
Когда молодежь, нашей жизни опора,
Развратъ называетъ источникомъ благъ
И ищетъ блаженства въ притонахъ позора
И смотрѣть на муки со смѣхомъ въ глазахъ.
Нѣть, въ этомъ болотѣ мнѣ жить невозмѣжно...
Умъ душатъ міазмы... Мракъ очи слѣпить...
Скорѣе въ обитель! На свѣтѣ все ложно...
Быть-можетъ природа мой духъ воскресить.

Русалки.

(Сонетъ).

Русалки играютъ съдою волною
И дѣвушекъ чистыхъ тоскливо зовутъ:
„Бросайтесь, кто жилъ непорочной мечтой,
„Кого оскорбленья любовниковъ ждутъ!
„Въ дворцахъ у насть нѣть ни тоски ни обмана:
„Мы дѣвушекъ юныхъ въ объятья зовемъ...
„Скорѣй... И дыханье густого тумана
„Васъ свѣтлымъ и чуднымъ омощь огнемъ.
„Позоръ не коснулся прелестнаго тѣла,
„Вы съ грудью весталокъ достанетесь намъ,
„И съ нашимъ блаженствомъ спознаетесь смѣло:
„Въ объятіяхъ мы подражаемъ богамъ,
„И вѣчно горимъ безнадежнымъ желаньемъ,
„Но будемъ любить васъ безкровнымъ лобзаньемъ!“

Весталка.

О, если бъ онъ вошелъ, когда въ постели я.
Окно растворено; воздушная струя,
Втекая въ комнату, несетъ благоуханье,
А нѣжный лучъ зари—роскошное сіянье...
Но слышень ли при мнѣ весенній ароматъ?
Нѣть! дѣвичья постель душистѣй во сто кратъ,
И никогда заря такъ жарко не горѣла,
Какъ отъ любви горитъ весталки нѣжной тѣло...

Прочь женщину!..

(Изъ С. Прюдома).

Прочь женщину! Въ святилищѣ искусства
Она лишь страсть оцѣнить и поиметь!
Въ ней воли нѣть, нѣть искренняго чувства—
Она кошмаръ для генія и гнетъ,

Ей чуждо все въ святынищѣ искусства..
Орфей бродилъ съ пантерой опьяненной...
Она за нимъ слѣдила точно рокъ,
Но чуть своей ступнею обнаженной
На шинь отъ розъ наколется, изъ ногъ
Звѣрь кровь сосетъ, лишь кровью опьяненный.
Поэтъ любви! Бѣги восторговъ женскихъ,
Пантеру не влечеть чарующій напѣвъ...
Позоръ любви, стонъ муки твоихъ геенскихъ
И сердца кровь утѣшить нѣжныхъ дѣвъ...
Поэтъ любви! Бѣги восторговъ женскихъ...

Непонятное влеченіе.

(Сонетъ.)

Я родился на ложѣ изъ лилій и розъ,
Жизнь мнѣ дать поцѣлуй новобрачной четы...
И весь міръ для меня полонъ счастья и грезъ,
А душа у меня—храмъ для пылкой мечты...
Мнѣ противно дыханье нужды и заботъ,
Не прельщала меня никогда суета,
Жизнь дала и даетъ мнѣ одна красота,
И она лишь одна въ сердцѣ пылкомъ живетъ.
Я боюся любви, какъ таинственныхъ змѣй...
И мнѣ чужды истома и нѣга ночей...
Въ страсти все—только нѣть красоты.
Отчего-же вся сила святой чистоты
Не вольна погасить мракъ блестящихъ очей,
Не прильнувши къ груди молодыхъ палачей?

Скука.

Вътеръ тихо болѣзnenной ставней стучитъ,
И бессильно усталой листвой шевелитъ,
Какъ разбитый—весь въ ранахъ бандитъ,

Умирая, хрипить:

„Изъ насилия слить

Мои щитъ“...

Пощади—приходи! Цѣпи рабства въ груди...
Свѣть въ глазахъ... Духъ горитъ... Смерть, приди...
Смерть, приди!

Много жизни и муки впереди;

Мысль не можетъ цвѣсти

На кремнистомъ пути...

Смерть, приди!

Безъ выхода.

Гроза не страшна мнѣ, когда духъ свободный
Мечтаетъ всѣ тайны умомъ побѣдить
И голось науки, отъ знанья голодный—
Стремится узнать иль порвать жизни нить...
Но тщетно; устануть орлиныя крылья,
Желанье зажжется въ крови молодой,
И стану искать я нектаръ отъ бессилья
Въ сліяны съ прекрасною женской душой.
Но горе! избранницы заживо тлѣютъ
И выйти боятся изъ кельи своей,
А пошлыя дѣвы любить не умѣютъ,
А я не умѣю уйти отъ страстей...
Тогда-то начнется борьба безъ надежды
И страстныя думы охватятъ мой духъ,

И сонъ не обниметъ усталыя вѣжды,
И буду искать хоть подобье подругъ,
Чтобъ жажду унять въ ихъ объятьяхъ порочныхъ,
Иллюзію счастья въ развратѣ найти
И чистую прелесть въ лобзаньяхъ полночныхъ
Разсѣять на грязномъ и смрадномъ пути.

Предупреждѣніе.

Безумство и порокъ! Сгинете вы до тла
И не узнаете, что значить мощь и счастье?!

Что жизни нѣтъ въ волнахъ безсмысленаго зла;
Что духъ добра цвѣтеть въ безмолвіи ненастія.
Пускай клеймять меня бессильною враждой...
Мысль отъ страданія становится священѣй...
Пусть издѣваются, смѣяся надъ мечтой—
Она взбунтуется смѣлѣй и дерзновеннѣй...
Сколоченъ гробъ... Иду... Вашъ приговоръ суровъ...
Но, если зло задушить васъ позоромъ,
И вы осмѣлитесь принести на гробъ вѣнковъ...
Воскресну и сомну ихъ съ яростнымъ укоромъ.

Умершему сыну.

(сонетъ).

Отстрадалъ ты, птенчикъ, малчикъ ненаглядныи!..
И лежиши покойно въ гробикѣ въ цвѣтахъ.
Мать стоять у гроба, устремивъ взоръ жадный
На тебя, надѣясь встрѣтить жизнь въ глазахъ.
Дорогой мой мальчикъ! Мой сыночекъ милый!
Часто обижалъ я маму и тебя.
Позабудь обиды и своей могилой
Умоли ты маму все простить, любя.

Маленькие братья, смутно понимая,
Удивленно смотрять и зовутъ съ собой
Братца дорогого, поиграть желая.

Умоли же маму, птенчикъ мой святої,
Чтобы ради братьевъ мать мнѣ все простила,
И навѣкъ помирить насть твоя могила.

Эпикуреецъ.

Баловнемъ былъ я счастливой судьбы съ колыбели...
Шелкъ и парча мнѣ одеждой безсмѣйно служили,
Горе съ заботой мнѣ въ сердце закрасться не
смѣли,

Мысли мой умъ, какъ труды моихъ рукъ, не гряз-
нили...

Баловнемъ былъ я счастливой судьбы съ колыбели.
Стоны и муки людскіе меня забавляли —

Я сознавалъ свою силу и благо богатства.

Мнѣ небеса улыбались, мерещились свѣтлныя дали...
Мнѣ не понятень былъ символъ притворнаго
братства —

Стоны и муки людскіе меня забавляли.

Всю мою жизнь покорили однѣ беззавѣтныя грезы...
Я полубогъ былъ и жилъ не земной красотою.

Я, безъ сомнѣнія, смѣло грязнилъ неповинныя
слезы,

Только бъ достигнуть сліянныя съ царицей-мечтою...
Всю мою жизнь покорили однѣ беззавѣтныя грезы.

Пѣсня о труде.

Въ труде вся жизнь и ясное блаженство,
Трудъ есть звѣзда, дающая всѣмъ свѣтъ.
Въ труде: любовь, наука, совершенство,
Гдѣ нѣть труда, тамъ капли жизни нѣть.
Трудъ—женщина святая безъ одежды,
Стоящая предъ наглою толпой.
Что ей позоръ и глупые невѣжды?!
Она чиста, гордяся красотой...
Пускай въ нее бросаются каменья,
Пускай ее вѣнчаетъ лишь позоръ,—
Она чиста. Нападки и глумленья
Несуть врагамъ смертельный приговоръ...
Трудъ есть цвѣты, сулящіе съ избыткомъ
Роскошные и чудные плоды...
Трудъ—злая смерть червямъ всѣмъ и улиткамъ,
Гнетущимъ порчею сады.
Трудъ—истинный источникъ вдохновеній,
Трудъ—мощный лучъ и отблескъ божества,
Трудъ—колыбель, гдѣ возрастаєтъ геній,
Трудъ—честь ума и символъ торжества.
Трудъ—вѣрный путь изъ мрачнаго забвенья
Житейской лжи и пошлой суеты...
Трудъ—вѣра въ жизнь и свѣточъ наслажденія,
Трудъ—миръ добра и чистой красоты.
Любовь и трудъ—признанье человѣка...
Трудъ и любовь—вы жизни всей краса!..
Позорить трудъ лишь нравственный калѣка,
И то, пока не явится гроза.

Ганимедъ.

(с о н е тъ).

О, Ганимедъ, свѣтло-кудрый красавецъ, любимецъ
прекрасный Зевеса!

Ты побѣдилъ всю природу свою волшебно-чудесной
красой...

Туча, увидѣвъ тебя, исчезаетъ за пологомъ темнаго
лѣса:

Ей такъ прискорбно смутиТЬ твое нѣжное сердце
грозой!

Розы-царицы трепещутъ, замѣтивъ твой взоръ
лучезарно-глубокій,

Мигомъ смиряютъ шипы и такъ молятъ о
смерти на нѣжной груди!

Видя тебя, замираетъ въ блаженствѣ и звѣры
кровожадно-жестокій,

Тихо идетъ за тобой и, ласкаясь, хранить онъ
тебя на пути.

Страстно трепещетъ земля, по которой идешь
ты совсѣмъ обнаженный,

Воды къ ногамъ твоимъ лѣнутъ говорливо,
когда ты стоишь у ручья,

Солнце съ небесъ облака прогоняетъ, чтобъ
видѣть твой образъ священный...

Всѣ тебя любятъ, но ты недоступенъ!.. И жизнь
твоя будетъ ничы!..

Зевсу ты только покоренъ, и жены, сгорая
напрасно желаньемъ,

Смотрѣть на тѣло твое и на очи съ грустно-
нѣмымъ упованьемъ.

Христосъ Воскресъ!

Христосъ, Христосъ воскресъ!—гудятъ колокола,
И люди имъ всегда восторженно внимаютъ...
Воистину воскресъ! Заря любви взопла,
Тоска и ненависть навѣки замираютъ.
Христосъ, Христосъ воскресъ! Ликиуетъ вся земля,
Спасенная навѣкъ страданіемъ Христовыимъ...
Несется эта вѣсть и въ дальня поля —
И зеленѣютъ тѣ... Все дышитъ счастьемъ новымъ.
Христосъ, Христосъ воскресъ! Живительнымъ лу-
чомъ
Воскресшаго Христа и солнышко встрѣчаетъ,
И все, объятое тяжелымъ зимнимъ сномъ,
Подъ лаской солнышка мгновенно оживаетъ.
Христосъ, Христосъ воскресъ! И чудная весна
Привѣтствуетъ Христа волшебными дарами...
„Воистину воскресъ!“—вѣщаетъ всѣмъ она
И осыпаетъ міръ прелестными цвѣтами.

Сожалѣніе.

(романсъ).

Забудь меня... мои всѣ обѣщанья...
Не обвиняй за горечь словъ моихъ...
Смягчить твои не въ силахъ я терзанья...
Страсть замерла... Потокъ любви затихъ...
Навѣкъ связать судьбу свою съ твою
Я не могу: я разлюбилъ тебя
И о блаженствѣ прошломъ не жалѣю,
Твою любовь и молодость губя...
Я виновать: въ душѣ любовь застыла
И рая нѣть чудеснаго вдали,

И замерла таинственная сила,
Дни юности погасли и зашли...
Мнѣ тяжело съ тобою разставаться...
Но тьма кругомъ... Не блещетъ лучъ зари...
Я не люблю... Постыдно притворяться!..
Забудь же все... Забудь и не кори...

Портретъ.

Вмѣсто глазъ у нея васильки,
Вмѣсто кость извиваются змѣи...
Ея сердце горитъ отъ тоски:
Въ немъ царить знойный сумракъ аллеи...
Ея нѣга—волшебные сны,
Сладострастныя грезы вакханки;
Ея перси желанья полны...
Страсть сквозить въ ея пышной осанкѣ...
И когда пылко любить она,
Колдовствомъ ея искрятся очи,
Отъ стыда замираетъ луна
Въ влажномъ сумракѣ дремлющей ночи.

Все кончено!

Она пришла ко мнѣ... Прелестной головою
Поникнувъ на мою истерзанную грудь,
Вся отдавалась мнѣ и тѣломъ и душою,
Желая облегчить и жизнь ко мнѣ вернуть...
Но я лежу съ лицомъ спокойнымъ и суровымъ,
Недугъ сковать уста, линшиль волшебныхъ силь,
А умъ, стремясь узнать, что будетъ въ мірѣ но-
вомъ,

Мою, мою любовь, какъ страсть земли, гасить.
Я вижу, какъ она ломаетъ скорбно руки;
Я слышу, какъ она рыдаетъ, и конца
Ея страданьямъ нѣтъ... Но крикъ ея и муки
Не трогаютъ меня,—живого мертвца.

Изъ дневника.

Обвиняютъ меня, что я смѣлыи Пріантъ,
Звѣрь съ красивымъ лицомъ человѣка,
Что я тихій, но мстительный рабъ...
Больной сынъ ненормального вѣка...
Но смиришься, ханжи: передъ вами мертвецъ
Съ обнаженной и смѣлой душою;
Онъ надѣлъ на себя добровольный вѣнецъ
И смеется надъ глупой толпою.
Вы, я знаю, готовы томленье оковъ
Наложить на того, кто воркуетъ,
Кто безстыдно снимаетъ покровъ
И публично идею цѣлууетъ.

Мольба къ ночи.

Не медли, ночь! На небесахъ туманныхъ,
Какъ сонмъ духовъ, мятутся облака!
Какъ свѣтлыи умъ съ тоскою греТЬ желанныхъ,
Они плывутъ, волнуясь, какъ рѣка!
Не медли, ночь! Отъ жаркихъ усть Цирцеи
Кольцомъ давно согнулся крѣпкій станъ!
Она горитъ отъ сладостной затѣи
И грудь ея бушуетъ какъ вулканъ!
Не медли, ночь! Какъ алчная тигрица,
Она весь выпить сокъ дыханіемъ своимъ!

Отъ нѣги никогда она не отрезвится:
Убивъ меня, забудется съ другимъ!
Не медли, ночь! Блистаютъ подъ глазами,
Какъ радуги, жестокіе круги,
И я шепчу лиловыми устами,
Предъ нею ничто и страшные враги.
Не медли, ночь! Смущенный сатаною,
Я трепещу въ объятьяхъ огневыхъ
И напоенъ я лаской, какъ росою
Всѣ вѣнчики цвѣточковъ полевыхъ.
Не медли, ночь, иль тучу къ намъ съ грозою,
Скорѣе съ молніей-царицею прицли!
Пускай лицо мое освѣтить и съ тоскою
Укажеть ей, что смерть стонть вдали!
Что я мертвѣцъ, но страсти адской пламень
Мнѣ загасить, любя ее, не въ мочь,
И нѣжно замиратъ она заставитъ камень.
Не медли, ночь! Быстрѣй исчезни прочь!..

Послѣдняя мольба.

Приди ко мнѣ, послѣднимъ поцѣлуемъ
Уста мои холодныя согрѣй;
Любовью пылкою, страстною волнуемъ,
Я въ гробъ сойду подъ звукъ твоихъ рѣчей!
Прошу тебя—послѣднія желанія
Исполни, другъ мой милый,—не забудь...
Затихнуть всѣ тяжелыя страданья,
Когда склонишь головку мнѣ на грудь...
Въ душѣ моей воскреснуть снова силы;
Я буду жить и чувствовать тотъ мигъ
И, позабывъ объятія могилы,

Оконч'у жизнь въ объятіяхъ твоихъ...
Приди жъ ко мнѣ, ирелестное созданье,
И освѣти страдальческій мой путь...
Не нужны мнѣ ни слезы ни рыданья...
Позволь сильнѣй къ груди твоей прильнуть.

Музыка.

Я истомленъ былъ звуками любви,
Пришелъ къ тебѣ съ усталою душой,
Но ты, склоняясь курчавой головой,
Играли и пробуждалъ волненія въ крови...
И музыкой святой отравленный кинжалъ
Въ моей душѣ озлобленной точилъ.
Я былъ опять исполненъ страстныхъ силъ,
Опять въ груди моей источникъ закипалъ,
Источникъ не любви святой—о, нѣть!
Казался мнѣ опять ничтожнымъ міръ
И страсть звала меня на смертный пиръ...
Опять въ глазахъ моихъ струился свѣтъ...
Свѣтъ не добра, а пропасти и зла
Душилъ меня томительнымъ огнемъ,
И ночь опять въ величіи своемъ
Къ объятіямъ и гибели звала.

* * *

Я амбrozіей нѣги фіаль
Наполнялъ безразсудною злостью...
Я цвѣты упоенія вдыхалъ,
И игралъ ея чувствомъ, какъ костью.
Хохотала, рыдала, она,
Трепетала, какъ нѣжная рыбка...

То безумья, то свѣта полна
Появлялась на губкахъ улыбка.
Искажала смиренья печать
Ея лицико, полное ласки,
А глаза вновь стремились лобзать,
Снять притворство безмысленной ласки.
И, летая, губительный сонъ
Погружалъ насъ въ красоты созвучій...
Ожидалъ насъ болѣзnenный стонъ,
За потокъ сладострастья кипучій.
И какъ небо сливалось вдали
Съ безконечно-грѣховной землею,
Такъ устами въ кровавой пыли
Мысливались съ безумной тоскою.

Отрывокъ изъ поэмы „Весна“.

Онъ страдалъ
Передъ смертью ужасной три дня
И меня умереть умоляль
Вмѣстѣ съ нимъ... Послѣ клятву съ меня,
Угрожая, таинственно ваяль!..
А повсюду царила весна!
Пробуждалась природа отъ сна...
Цвѣлъ нашъ садъ, поднималась все выше
Травка въ полѣ... А онъ угасалъ...
Сердце билось все тише и тише.
Приближалася смерть... Онъ стихалъ,
А въ саду свои чудныя трели
Напѣвали цвѣтамъ соловьи:
Про любовь и про счастіе пѣли,
Услаждая восторги любви...
И онъ умеръ... Сіяла природа
Въ день печальныхъ его похоронъ,
Передъ нимъ развернулась свобода,
обнаженные нервы.

Миръ насталъ, и блаженствуешь онъ...
Щебетали, рѣзвились птицы,
Нѣли гимны съ восторгомъ веснѣ...
И у самой почти колесницы
Шла я твердо... Всѣ чувства во мнѣ
Будто замерли... сердце застыло.
Мнѣ казалось, что вижу во снѣ
Похороны... Когда жъ у могилы
Забивать стали гробъ, межъ людей
Протолкнувшись, что было силы,
Обняла гробъ рукою своей
И лишилась чувствъ. Безъ сознанья
Долго билась... О, смерть поскорѣй
Приходи, уничтожь всѣ страданья:
Я терзаюся цѣлый ужъ годъ,
Берегу память друга я свято,
Но весна меня мучить и жжетъ,
Какъ добытое кровію золото...
Тотъ, кто любить, повѣрь, не забудеть,
Не забудеть любовь до конца;
Онъ себя, свое счастье загубить,
Чѣмъ измѣнить любви мертвѣца...
Клятва—слово и жалкое слово,—
Никого не удержить она,
Кто захочетъ развратничать снова,
Кровь бурлить у кого какъ волна?!
Всѣ воскресли... Веселыя лица
Предо мною повсюду снують;
Истомленный тревогами людъ
Радъ приходу весны. Чаровница
Всѣмъ вселила надежду въ сердцахъ,
Что настало чудесное время...
Радость блещетъ у всѣхъ на глазахъ;
Съ плечъ усталыхъ свалился бремя;
Бодрость слышится въ громкихъ рѣчахъ...
Веселилась и я... И сяло

Солнце счастья, блаженства... Но вдругъ
Смерть надѣла свое покрывало
На меня, когда умеръ мой другъ...

Жжетъ и мучить весна. Съ сокрушенемъ
Я скитаюсь по миру какъ тѣнь...
Не приводить меня въ восхищеніе
Беззаботный и радостный день...
Нахожу я во всѣхъ недостатки,
Внѣ себя посылаю укоръ
Небесамъ... И въ безумномъ припадкѣ
Я ломаю все руки... Мой взоръ
Мечеть искры. И въ страшномъ волненьи
Я рыдаю, рыдаю, кричу;
Мстить хочу, но кому—въ озлоблены
Я не знаю и знать не хочу!
Что мнѣ дѣлать, искать гдѣ подмоги?!.
Я сойду непремѣнно съ ума,
И страданья ни люди ни боги
Уничтожить не могутъ... Сама
Я найду избавленіе, но мать?!.
Что съ ней будетъ? Довольно; рѣшенія
Не измѣнить никто и отъ бѣдъ
Сразу лучше избавить... мученія
Сократить. Ей со мной много лѣтъ
Вѣдь придется терзаться, томиться,
Понапрасну пролить столько слезъ..
Жаль старуху, но вѣра забыться
Ей поможетъ. Оконченъ вопросъ...
Рѣшено!. Наступаетъ расплата...

Напрасная мечта.

Нѣть, не вини меня—любить я не умѣю,
Мнѣ непонятна чистая и свѣтлая любовь!

Оставь, забудь, мой другъ, безумную затѣю,
Во мнѣ течеть, пойми, бушуетъ страстно кровь.
Въ твой тихій мирный домъ, какъ въ клѣтку зо-
лотую,

Я буду навсегда тобой заключена,
Могилу въ ней найду, безъ воли затоскую,
Безумія, любви и знойныхъ ласкъ полна.
Я убѣгу къ себѣ назадъ домой—въ притоны,
И буду жить, сгорать отъ нѣги какъ въ огнѣ,
И, заглушивъ въ себѣ проклятія и стоны,
Отброшу стыдъ, найду забвеніе въ винѣ...
Позорная любовь... порочныя обѣяния...
Дыханье знойное... трепещущая грудь...
Сулять блаженство мнѣ и страстныя проклятія:
Безъ нихъ мнѣ тяжело и скученъ жизни путь.
Забудь, забудь меня... Я для тебя ненастье!
Я не люблю тебя, товарищъ дорогой!..
Безстыдная любовь, вино и сладострастіе—
Въ нихъ только жизнь моя, блаженство и покой.

Двойственность.

Въ моей душѣ—напѣвы тризны,
Въ груди—напѣвы бытія:
То шлю я къ небу укоризны,
То въ жизнь я вѣрю какъ дитя...
Разсвѣтъ съ улыбкой погребальной
Встрѣчаю съ тучей на челѣ,
А вечеръ, какъ обрядъ вѣнчальный,
Люблю съ восторгомъ на землѣ;
И отдаюся ласкамъ снѣжнымъ
И пью блаженство безъ конца,
Сжигаю кровь съ волненiemъ нѣжнымъ,
Забывъ про участіе мертвца...

Но вотъ въ окно глядится утро,
Огонь становится болынмъ,
Глядя на капли перламутра,
И становлюся я инымъ...
Въ душѣ такъ много ощущеній,
Ихъ счасть, какъ звѣздочки, нельзя,
И смѣхъ надменный измѣненій
Грудь душить, гибелью грозя...

Загробная месть.

Мнѣ звѣзды вѣщають про смерть...
Нирвана навстрѣчу мнѣ мчится...
Прощай! покидаю я твердь...
Прощай! предо мной колесница...
Зоветъ изъ обѣятій твоихъ
Сатурнъ—богъ свободы суровый;
Лобзай! будеть вѣчностью мигъ,
Онъ мнѣ обѣщасть міръ новый...
Прощай! мое тѣло горитъ...
Сатурнъ закрываетъ свѣтъ солнца...
Ты можешь жить чувствомъ Харитъ,
Любить за сіянье червонца.
Въ обѣятіяхъ помни меня
И съ духомъ моимъ наслаждаися...
Страдай, не жалѣя огня,
Но только любить не пытайся...
Смотри: не отдайся хоть разъ
Волненіемъ здороваго тѣла...
Подъ блескомъ плѣнительныхъ глазъ,
Дрожать, обвиваяся смѣло...
Забудешь меня—прокляну,
Обманешь меня, такъ за это
Тебя обовью, какъ жену,
Проклятьемъ надзвѣзднаго свѣта...

Въ ночь страшной измѣны,—птенца
Зачнешь ты; онъ будеть—проклятье...
Ты будешь страдать безъ конца,
Какъ мать, искупая обѣтъя...

Какъ только положишь дитя
Къ груди своей пышной, вамиромъ
Приникну къ сосцамъ я, слетя,
Невидимый мертвеннымъ міромъ...
И все молоко изъ грудей
Я выпью незримой струею...
Ты знаешь печаль матерей?
Ребенокъ угаснетъ съ зарею...

Мнѣ звѣзды вѣщаютъ про смерть...
Нирвана навстрѣчу мнѣ мчится...
Прощай! покидаю я твердь...
Прощай!—предо мною колесница.

* * *

Всѣ помыслы свои любви я отдавалъ
И жизнь свою дариль волненіямъ природнымъ...
Смѣшонъ быль для меня туманный идеальъ:
Я жить всегда хотѣлъ любовникомъ свободнымъ...
Но вотъ угасла страсть... Какъ гнусный фарисей,
Зачѣмъ шептать врагамъ притворныя проклятья,
Какъ прежде, на пиры я не зову друзей,
А громко смерть зову въ угасшія обѣтъя...
И блѣдное лицо свидѣтельствуетъ вамъ,
Что чудный сокъ любви я пиль всю жизнь за-
исомъ,

И нѣгѣ кровь дарилъ, какъ воду облакамъ
Дарить земля порой, палимая вся зноемъ...
Такъ сорванный цвѣтокъ, валяясь на пути,
Обѣять смертельную и радостную влагой...
Онъ жизнь свою за мигъ блаженства на груди
Красавицѣ отдалъ съ безумною отвагой.

Невѣдомая драма.

Ночь настала... въ безумныхъ обѣятыхъ,
На мгновенье забудусь опять;
Позабуду о страшныхъ проклятияхъ,
Буду страстью сгорать и лобзать...
Буду жить, упиваться паденьемъ
И смѣяться надъ жертвой своей...
Буду ей говорить съ наслажденьемъ,
О потерѣ промчавшихся дней...
И она содрогнется отъ муки,
Какъ открою ей раны свои,
Будетъ въ гнѣвѣ ломать свои руки
И рыдать о погибшей любви...
Будетъ страстно просить о пощадѣ
И напрасно взывать къ налачу;
Расскажу я о страшномъ ей адѣ
И открою, что сдѣлать хочу.
И она ужаснется, и снова
Привлечетъ меня нѣжно къ груди,
И, полна упоенія быаго,
Вновь за мною захочетъ пойти...
Вновь запросить свиданья и встрѣчи,
Снова будетъ просить: „не кори...
„Прекрати безконечныя рѣчи
„И цѣлуй и ласкай до зари“.

Настроенье.

Я дышу дыханьемъ жабъ...
Миръ въ глазахъ моихъ болото.
Я преступникъ, но не рабъ,
Миѣ невѣдома забота—
Я таинственный Пріапъ.
Мысль моя, какъ острый мечъ,
Смѣло губить предразсудки,
Но моя смолкаетъ рѣчъ
У волосъ моей малютки,
Ниспадающихъ до плечъ...
Жизнь безпутна какъ кошмаръ,
Люди—вазы омерзѣнья...
Я, какъ мстительный анчаръ,
Доставляю имъ мученя
Рѣчью злобною какъ жаръ...
И огнемъ горящихъ глазъ
Я вакханокъ оживляю
И въ свиданья лютый часть,
Какъ плѣнительному маю,
Имъ дарю любви алмазъ...

Въ гаремѣ.

Невинная женская грудь
Томится въ темницѣ-чертогѣ,
И солнце не можетъ взглянуть
На тѣло ея безъ тревоги...
Луной очарованный путь...
Всѣ въ пѣнѣ рѣчные пороги...
Не можетъ на небо взглянуть

Она безъ печальной тревоги.
У солнца крадеть она свѣтъ...
Онъ виденъ въ глазахъ ея страстныхъ...
Съ ней жить самъ пророкъ Магометъ
Въ минуты припадковъ ужасныхъ...
Она отравляетъ любя,
Грудь сохнетъ отъ бурь ежечасныхъ...
Она убиваетъ себя
Въ минуты припадковъ ужасныхъ...

Н о с т и г п о.

Я боюся дневного сіянья,
Чернь ночей я люблю какъ сова...
Звуки, тоны и даже молчанье
Нѣжать сердце сильнѣй, чѣмъ слова.
Очарованный сумракомъ зыбкимъ,
Я живу и томлюсь по ночамъ
И стремлениемъ тихимъ, но гибкимъ
Мысль дарю какъ ничтожнымъ рабамъ...
И рабы, не понявъ моей рѣчи,
Называютъ безумнымъ меня...
Ждуть, какъ милая — милаго встрѣчи,
Адски-рѣзкаго, свѣтлаго дня...
Но заря какъ на небѣ проглянетъ,
Сонъ меня обнимаетъ крыломъ,
Мысль при солицѣ тотчасъ же увиаетъ
И погаснетъ при свѣтѣ дневномъ...

Краснорѣчивое молчанье.

(Изъ Верлена).

Въ этомъ старомъ паркѣ, мрачномъ для любви,
Двѣ фигуры рядомъ только-что прошли.
Въ ихъ глазахъ нѣть жизни, не трепещутъ руки
И едва лиши слышны словъ нѣмые звуки.
Въ этомъ старомъ паркѣ, мрачномъ для любви,
Вызывали тѣни мигъ святой зари...
— Въ этомъ паркѣ помнишь клятвы, дорогая?—
— Почему же нынче вспомнить ихъ должна я!
— Въ сердцѣ, какъ и прежде, ты таишь отвѣтъ
— И меня ты видишь въ своихъ грезахъ?— Нѣтъ!—
— Помнишь мигъ небесный былъ съ тобою прожить...
— Въ первомъ поцѣлуѣ міръ слился.— Быть-можеть...
— Какъ сіяло солице! Какъ мечта звала!
— Посмотрите: все здѣсь скрыла ночи мгла.
Или они такъ рядомъ въ этомъ паркѣ скуки,
И лишь ночь узнала словъ нѣмые звуки...

Памяти Росси.

Доброе слово нетлѣнно,
Пламенемъ вѣчнымъ горитъ;
Слава артистовъ небренно:
Гений ихъ сердце живить...
Смерть перервать вдохновеніе,
Вѣція смолкнуть уста,
Но не замреть, вѣтъ сомнѣнья,
Сказанныхъ словъ красота:
Какъ зароненное пламя,
Вѣчно намъ будетъ свѣтить
И, развѣваясь какъ знамя,
Намъ о добрѣ говорить.

* * *

Если все истощилось терп'ніе
И вдали ты не видишь зари,
И одно тебя ждетъ лишь мученіе—
Умри!..

Если сердце полно страстью знойной
И сгораешь отъ пылкой любви,
То, про участъ забывъ беспокойную—
Живи!..

Если знаешьъ, что всѣ ожиданія
Истощаются разбитую грудь,
То, отбросивъ пустыя мечтанія—
Забудь!..

Если видишьъ, что правду священную
Поизираютъ ея палачи,
То, прервавъ свою рѣчъ вдохновенную—
Молчи!..

* * *

Я ловлю межъ лучей пѣснопѣній
Силуешьъ голосовъ позабытыхъ
И межъ звуковъ, въ гармоніи слитыхъ,
Упованія блѣдныя тѣни,
И душа подъ таинственной лаской
Стала зеркаломъ нѣги и счастья.
Въ немъ земная тоска и нечастье
Отразятся волшебною сказкой.
Умереть! пока грезы сѣдны
Молодое желанье лобзаютъ,
Пока чувства любовь понимаютъ,
Пока люди всѣ—братья родные.

Современная женщина.

Она всѣхъ убѣдить! Красиво и умѣло
Всѣхъ завлечь, впустивъ болѣзни страшной ядъ,
И въ Тартаръ поведеть и безъ стыда тамъ смѣло
Навѣкъ забросить всѣхъ, гдѣ змѣи нѣгъ кишать...
Я изучилъ ее! Могу всѣ нападенья
Я отразить умомъ и силой моцныхъ рукъ...
Она—безуміе! Горнило упоенья!
И создана она для рабства и для мукъ.
Какъ демонъ злой всегда глядить она съ улыбкой!
На сладострастіе прикованныхъ очей,
И уклоняется сама отъ почвы зыбкой,
И наслаждается лишь гибелю людей...
Нѣтъ, не раба она! Она теперь царица!
Въ груди у ней кипить, волнуясь, океанъ,
И утопить весь міръ она въ немъ согласится,
Чѣмъ роды перенестъ и замарать свой станъ...
Она теперь—не мать! Другое назначенье
Она въ нашъ нервный вѣкъ сумѣла отыскать...
Въ душѣ ея одно, одно теперь стремленье:
Жизнь отнимать, но только не давать...

* * *

На балѣ чопорномъ, среди холодныхъ дамъ,
Узнавъ случайно ту, что молодымъ годамъ—
Лѣтъ двадцать пять назадъ—любви дарила грезы,
Узнавъ поэзію за новой маской прозы,
Былую красоту подъ красками румянъ
И въ пышной талии полу воздушный станъ,—

О, счастливъ будешьъ ты, когда воспоминанья
Не оживять въ душѣ тяжелаго сознанья,
И смѣло подтвердить минувшаго мечта,
Что молодость твоя не даромъ прожита.

* * *

Не боюсь я вакханокъ красивыхъ,
Но люблю ихъ я всею душой,
И въ объятьяхъ безумныхъ и лживыхъ,
Нахожу я и страсть и покой...
Не терплю я невинныхъ созданій,—
Ихъ глаза не чаруютъ меня,—
Нѣть въ минуты и первыхъ лобзаній
Въ нихъ порочнаго, злого огня...
Только та, кто страдаетъ на ложѣ,
Страсти кровь всю свою отдаетъ,
Сердце чье на пустынью похоже,
Мои смягчаетъ губительныи гнетъ.

К о ш м а р ъ.

Луна сіяла... Мы блестѣли,
Стремились плыть по вздохамъ водъ...
Топазной пылью колыбели
Одѣтъ былъ звѣздный небосводъ.
Рѣзвились Эльфы надъ рѣкою,
Въ туманѣ плыть досчатый челнъ,
Глаза обрызганы росою,
Купались въ влагѣ смутныхъ волнъ...
Заря клубилася въ туманѣ,
Печаленъ отблескъ былъ зарницъ...

Я, задремавъ на гибкомъ станѣ,
Испѣялъ въ сердцѣ мертвыхъ жрицъ,
И млѣли всѣ онѣ отъ зноя,
Что затаенъ въ моей груди...
Я упивался болью гноя
На окровавленномъ пути.

Изъ Вильё-де Лиль Адама.

Въ темныя волны лживыхъ кудреи
Сладко зарыться мысли моей,—
Только разсудокъ злую рукой
Прочь увлекаетъ грезъ моихъ рой...
Взоры разудка ночи темнѣй,
Сердце тоскуетъ въ маскѣ своей:—
Черныя кудри лживой волной
Не закрываютъ грезъ моихъ рой.

Идеальная страсть.

Ты говоришь, что скованъ ты, герой,
Звеномъ любви и огненнымъ страданьемъ,
Что можешь ты въ мигъ власти надо мной
Убить меня отравленнымъ дыханьемъ...
Но не боюсь я взоровъ мертвыхъ грозъ
И жизнь свою, миражемъ признавая,
Я за уста прекраснѣй алыхъ розъ
Адъ полюблю и убѣгу изъ рая...
Нѣтъ, не пугай: испуганная лань
Быстрѣй въ тенета гибельная мчится!..
Напоминать о мукахъ перестань.

Поими, я лань, но въ то же время львица...
Забудь про смерть... Лобзай меня, лобзай,
Не нарушай счастливаго молчанья
И грудь мою дыханьемъ отравляй,
Не отравляй лишь пылкаго лобзанья...
За право называть тебя своимъ
Я заслужу въ грядущемъ униженья,
За часть любви съ волненiemъ золотымъ
Страданія сочту за наслажденья.

Изъ дневника.

Осѣненный крыломъ упоительныхъ сновъ,
Я любилъ до потери сознанья.
Какъ пчела пить дыханье цвѣтовъ,
Такъ я пиль ароматъ обладанья...
Безразсудную жертву губительныхъ грезъ
Я ласкалъ, цѣловалъ до наденъя,—
И въ душѣ не являлся ни разу вопросъ,
Что я извергъ любви - увлеченья...
Но предписывать страсти законъ
Кто, скажите, изъ юношей смѣеть?
Кровь—вода у него, и драконъ
На лицо его смертью повѣть.
И душа постоянно темна...
Совѣсть спитъ у него безиробудно,
А любовнику страсти не страшна:
Все въ ней чисто, красиво и чудно.

На поляхъ филиппийскихъ.

(Отрывокъ изъ поэмы).

Пологъ ночи землю покрылъ;
Темнѣй лагерь мирно почилъ...
Завтра ждеть рѣшительный бой,—
Нынче отдыхъ, нынче покой.
Мраченъ, полны сомнѣньями Брутъ,—
Сонъ и грезы мимо бѣгутъ;
Онъ отъ войска мыслю далекъ:
Душу давить старый упрекъ...
„Нѣть! горжусь поступкомъ моимъ!
„Вновь свободѣ отданъ былъ Римъ...
„Что другое съ нею сравню?
„Передъ чѣмъ главу я склоню?
„Пусть разсудокъ властвуетъ всѣмъ“...
Виденъ призракъ грозенъ и нѣмъ,
Сила власти въ строгихъ очахъ...
И передъ тѣнью Брутъ палъ во прахъ.

Раннее утро.

Сколько счастья! сколько нѣги!
Сколько радости въ очахъ!..
Чудно бываютъ въ быстромъ бѣгѣ
Кудри змѣйкой на плечахъ...
Щелкнулъ ключикъ... Слышенъ шорохъ:
Тамъ, за этой стѣной,
Сколько смѣлости во взорахъ,
Обольщенныхъ красотой...
Слышенъ смѣхъ, слышаще визги,
И какъ будто видишь самъ
Бриллантовыя брызги
По свернутымъ волосамъ.

Изъ дневника.

Нѣть! Напѣвомъ святыхъ вдохновеній
Вамъ не смыть оскверненья души,
Не туманомъ гуманныхъ ученій
Оживить нагноеніе глухи...
Передъ вами исчадіе тѣни,
Страшный геній томительныхъ сновъ,
Символъ смерти, разврата и лѣни—
Онъ всегда на злодѣйство готовъ.
Не пытайтесь обнять его сѣткой,
Сѣткой жизни и нѣгой труда:
Мелкой, гибкой и трепетной вѣткой
Дуба вамъ не свалить никогда.
Передъ вами чудовище зноя,
Онъ порыва и страсти дитя,
И лишить его грезъ и покоя
Могутъ только безумцы шутя.
Онъ—ребенокъ, но бойтесь—замѣтить
Ваши козни... И страшно, какъ левъ,
За насилие злодѣйствомъ отвѣтить—
Весь истома, весь гибель и гнѣвъ!

Сожалѣніе.

Закатились, какъ звѣздочки, глазки
И, какъ розы, уста отцвѣли...
Не дослушали юноши сказки
И ушли отъ соблазна земли;
Имъ навстрѣчу попалась невѣста
И хотѣла имъ путь освѣжить;
У ней въ сердцѣ для всѣхъ было мѣсто:
обнаженные нервы.

Она всѣхъ бы могла напоить.
Не безмолвною лаской могилы
Засушили невѣсту они:
И погасли усталыя силы,
И замолкли желанья огни...
Закатились, какъ звѣздочки, глазки
И, какъ розы, уста отцвѣли...
Не дослушали юноши сказки
И ушли отъ соблазна земли.

Фантазія.

(Отрывокъ.)

Фантазія моя коварная пантера
Съ душою пламенной, вакхической душой.
Блаженство истина--я любовь и вѣра,
Девизы счастья: борьба и грозный бой!
Фантазія моя, какъ нимфа молодая,
Отъ знойной радости смѣется и дрожитъ,
И пыткою любви, какъ молніей пылая,
И мертвѣцу она придастъ роскошный видъ.
Несчастенъ тотъ, кто ею соблазнится!
Она убьетъ его! И кровью страшныхъ ранъ
Она умоется, какъ властная царица,
И отомстить ему за дерзость и обманъ!
Я самъ ее боюсь! Я знаю, какъ ужасно
Всѣ прихоти ея и просьбы исполнять...
Ея мечты въ тиши я воспѣваю страстно,
Чтобъ тайно ей друзей коварныхъ соблазнять...

* * *

Зашумѣли печальные травы,
Встрепенулся тростникъ у рѣки,
И повѣяли мракомъ отравы
Озарившіе ночь огоныки...
Я иду очарованный садомъ,
Упиваюсь нѣмой тишиной,
Упиваюсь струящимся ядомъ...
Я дрожу... Никого нѣть со мною.
Предо мною предстала полянка...
Пьедесталъ, а на немъ въ полуснѣ
Утомленная страстью вакханка
Простираетъ объятья ко мнѣ.
О, какою невѣдомой властью
Обладаютъ движенья твои...
Вся душа загорается страстью,
Безграницымъ желаньемъ любви...
Я цѣлую холодныя камни,
Какъ любовница ты мнѣ близка,
Какъ утѣха ночей дорога мнѣ
И, какъ эта звѣзда, далека...
Нѣть отвѣта на иныя рѣчи,
И напрасно подъ шопотъ вѣтвей
Я цѣлую холодныя плечи
И безтрепетный мраморъ грудей...

Тоска.

Я усталъ; тоска безбрежная
Сердце снова въ плѣнъ взяла;
Даже ты, голубка нѣжная,
Не спасешь меня отъ зла...

Я люблю тебя, но трепета
Страстныхъ волнъ бѣжитъ душа...
Не выносить слухъ мой ленета,
Жить хочу я не дыша,
Мнѣ противенъ шумъ движенія,—
Не люби—забудь меня...
Мнѣ не нужны наслажденія,
Если ты полна огня,—
Вижу пропасть черноокую,
Шагъ одинъ, и я спасенъ.
Шагъ!... нѣтъ, бездною глубокою
Буду лучше... поглощенъ!

Изъ Гейне.

Смерть—безмятежная ночь,
Жизнь—полный горестей день,—
Пусть надвигается тѣнь,
Солнце пусть скроется прочь.
Звѣзды заблещутъ съ небесъ,
Тихо освѣтить луна
Царство волшебнаго сна
И очарованный лѣсь.
Будетъ въ ночной тишинѣ
Пѣть о любви соловей,
Я же подъ сводомъ вѣтвей
Сладко дремать въ полуснѣ..

На могилѣ И. С. Тургенева.

Я помню день: отверстая могила
Ждала твой прахъ въ объятія свои...
Клиръ пѣлъ, струили дымъ кадила,
Шептали всѣ „послѣднее прости“...
И слышались безумныя рыданья,
Святая Русь рыдала надъ тобою,
И вырывались тяжкія стеканья
О томъ, что смерть не знаетъ состраданья
И губить всѣхъ безжалостной косой...
Неслися къ небесамъ горячія моленья,
Просили даровать жизнь вѣчную тому,
Кто воспѣвалъ любовь и снисхожденіе,
Кто завѣщалъ великія творенія
Великому народу своему...

Монологъ сумасшедшаго.

Точите ножи повострѣе,
Терзайте меня, палачи!
Возьмите здоровье скорѣе,
Травите и рѣжьте, врачи.
На что мнѣ здоровье и сила!
На свѣтѣ одинъ я—одинъ!
Мнѣ мать дорогая—могила,
И въ ней я не рабъ—властелинъ!
Отцовъ, матерей воскресите,
Согрѣйте несчастныхъ сиротъ,
Страданья и смерть сократите,
Смягчите безрадостный гнетъ.

Не надо мнѣ крова и пищи,—
Я ъѣсть не могу, не могу...
Пока голодаетъ тамъ нищій,—
Здѣсь яства даются врагу.
О, дайтѣ же, милые, хлѣба,
Иль вѣрьте: онъ скоро умретъ,
И я передъ волею неба
За гибель его дамъ отчетъ...
И сколько ихъ—бѣдныхъ, голодныхъ.
Лишилъ я, несчастный, всего.
Я слышу стонъ сирыхъ, холодныхъ,
Что хуже, страшнѣе его!!
Сожгите меня, умоляю,
И ложемъ пусть будетъ мой прахъ...
Не надо мнѣ вашего рая,
Кровь близкихъ блеститъ на рукахъ,
Глаза ослѣпляеть, о Боже!
Смягчи, убѣди палачей...
Я все отдаю, такъ за что же
Я мучусь за грубость звѣреи?!..
Вонъ женщины цѣлой толпою
Меня соблазняютъ, зовутъ
И манятъ смертной мечтою;
Ихъ щеки какъ розы цвѣтуть,
Онъ всѣ дрожать въ упоснѣи,
Смѣются и счастье сулять...
Оставьте!.. Я врагъ наслажденья:
Въ объятіяхъ женщинъ самъ адъ!
Зачѣмъ своей пѣсней безумства,
Хотять заглушить онъ стонъ!..
Замолкните вошли кощунства,
Я вижу обрядъ похоронъ...
Опомнитесь, гибельны ваши
Объятия, и ядъ—поцѣлуй...
На свѣтѣ нѣть лучше и краше
Молчанья прекрасныхъ статуй,—

Мать наша въ страданьяхъ рождаетъ
Для мукъ и позора дѣтей:
И счастливъ изъ нихъ кто сгораетъ...
И ласки избѣгнетъ людей...
Оставьте! Несется стонъ чадомъ,
Кровь близкихъ ужаснѣй огня,
А жалость жизнъ дѣлаетъ адомъ!..
Терзайте и рѣжьте меня!

О ж и д а н ь е.

Невѣста томится... Трепещетъ на ложѣ
И ждѣть наслажденій... Что жъ медлить женихъ?!

„Какъ грустно и страшно, о праведный Боже!“
Лепечеть голубка... Пиръ въ домѣ затихъ.
Ещѣ жутко предъ тайной любовной святыни!
Грудь рвется изъ тканей навстрѣчу къ груди...
Свѣтъ лампы играетъ по тѣлу богини,
И шепчутся розы о брачномъ пути.
Вотъ стукнула дверь, и неслышной стопою
Предсталъ передъ нею супругъ молодой
И молча, съ безбрежной и тихой мольбою,
Прижалъ онъ невѣstu къ груди огневой...
И розы зардѣлись отъ страстнаго пыла:
Имъ больно, имъ стыдно, имъ радостно было.

ИЗЪ Ф. НИЦШЕ.

Полночь.

Мнѣ душно... Пропасть время поглотила...
Не умерщвлена ли я безстрастной тишиной?!
Земля мертва, какъ будто все могила
Насильно отняла чтѣ билося со мной.
Сонъ или смерть?! Потухшими глазами
На все глядить луна печальна какъ мертвецъ,
И есть-ли жизнъ на ней, объятой небесами?
Сатурнъ надѣлъ на все-забвенія вѣнецъ!
Быть-можеть, умеръ я, и взоръ мой—привидѣніе,
И странствуетъ душа въ невѣдомыхъ мірахъ,
Въ ней все слилось—и вѣчность и мгновеніе,
И мракъ и свѣтъ—въ одинъ безумный страхъ.
Нѣтъ, я дышу; я чую сердце живо,
Я слышу міра вздохъ, онъ вырвался какъ лучъ,
Полночный часъ смѣется такъ игриво
И говорить какъ міръ таинственный могучъ.

Одиночій.

Каркаютъ мрачно ворбы
Въ городъ летять на ночлегъ...
Скоро посыпется снѣгъ...
Счастливъ кто родины стоны
Чтить и имѣть ночлегъ.
Долго стоишь ты въ раздумыи,
Горестно смотришь назадъ...
Чувства въ душѣ говорятъ:
Холодъ и... въ путь! О, безумье!..
Нѣть, не вернуться назадъ...
Міръ—это двери; тревожно
Входять посредствомъ дверей

Въ сердце пустынныхъ степей...
Жить, потерявъ, невозможнo,
Планъ ускользнувшихъ дверей...
Вотъ ты стоишь одинокiй...
Къ небу стремишься какъ дымъ...
Будешь ты вьюгой казнимъ:
Путь предъ тобою жестокiй,
Въ высь ты стремишься какъ дымъ.
Каркай же, птица пустыни!
Смерть, приноси свой вънечъ!
Спрячь свое сердце, глупецъ,
Сердце распутной рабыни...
Смерть, приноси свой вънечъ!
Каркаютъ мрачно вороны,
Въ городъ летать на ночлегъ...
Скоро посыпется снѣгъ...
Счастливъ кто родины стоны
Чтить и имѣть ночлегъ!

Изъ дневника *).

Чѣмъ погибаетъ безвозвратнѣй
Мой духъ, прикованный къ страстимъ,
Тѣмъ мысль смѣлѣй и необытнѣй
Стремится къ вѣчнымъ небесамъ.
Такъ пальма, корни отрастая,
Чѣмъ глубже ранить землю въ грудь,
Тѣмъ, выше вѣтви простирая,
Яснѣе видить звѣздный путь.

*) Означенное стихотвореніе подъ псевдонимомъ Н. Р было помѣщено въ журналѣ „Ежемѣсячныя сочиненія“ И. И. Ясинскаго, за июль 1900 г. Заявляется это потому, что редакторъ „Ежемѣсяч. сочиненій“ безъ моего позволенія искасилъ мой переводъ, а именно вмѣсто строчки: „Такъ пальма корни отрастая“ поставилъ: „Такъ пальма жительница рая“ (?!). А. Е-К.

Новый Колумбъ.

Не върь Колумбу, дорогая,
Онъ смотрить въ даль и только въ даль...
Ему чужда страна родная,
Ему тебя совсѣмъ не жаль.
Мнѣ чуждый міръ, чѣмъ отдаленнѣй,
Тѣмъ ближе къ сердцу моему...
Я вижу берегъ посторонній,—
Какой земли—я не пойму?!

И я вхожу въ нее съ отвагой...
Безумье плыть домой—назадъ,
Волна у скалъ встрѣчаетъ сагой,
А нимфи счастье, смерть сулять.

Венеція.

Я стоялъ на мосту... Непроглядная ночь
Затянула весь міръ паутиной...
Пѣсни любви—упоенія страстнаго дочь
Проносилась надъ водной долиной...
И огни, и гондолы, и люди полны
Были пѣсни живой и бѣгущей волны,
Словно нѣжная лира душа у меня,
Къ ея струнамъ касаются руки...
Руки призраковъ, полныхъ блаженства огня,
Извлекаютъ бессмертные звуки...
Но слыхалъ кто-нибудь эти пѣсни души?
Я ихъ пѣлъ не въ пустынной, а людной глухи.

Б е з с и л і е.

Заснула жизнь въ объятіяхъ заботы...

Мой умъ, молчи!

Кругомъ все спить, живутъ враги дремоты
Одни ключи.

Душа моя, какъ ключъ, все хочетъ биться
Во тьмѣ ночной.

Какъ пѣснь любви, она всегда дивится
Себѣ самой!

Огонь любви! Какъ жажду я сіянія
Твоихъ очей!

Стихійный мигъ могучаго желанья
Въ груди моей.

Но солнце—я и въ свѣтѣ, какъ въ эфирѣ,
Всегда одинъ...

Когда-бы, о ночь, блистать въ твоей порфириѣ
Изъ мрака льдинъ.

Когда-бы я могъ и смѣль, о мракъ, сразиться
Съ твоимъ вѣнцомъ!

Когда-бы звѣзда могла въ меня влюбиться,
Лобзать огнемъ...

О, если-бы мнѣ изъ той груди волшебной
Весь выпить свѣтъ,

То міръ покрылъ фатой цѣлебной
Ея привѣтъ.

Но тщетно я стремлюсь сть священnoй страстью,
Къ тебѣ, о ночь!

Душа моя, влекома тайной властью,
Отходить прочь.

Она болитъ и ноетъ отъ заботы...

Мой умъ, молчи!—

И вторять ей среди дремоты
Одни ключи...

Д о ж д ь.

Безпрерывно громъ протяжно
Надъ землей шумитъ...
Дождь идетъ не уставая
Цѣлый день—съ утра,
Какъ педантъ онъ разболтался,
Нѣть конца словамъ.
День успѣлъ едва проснуться
И въ окно взглянуть,
Какъ ужъ дождь безъ перерыва
Началъ мнѣ вѣщать:
„Все такъ мелко, все ничтожно,
Жизнь вся—суета“.

С ч а с т i е.

Счастіе—добыча... Мы его такъ любимъ,
Счастье очень близко, но не такъ ужъ близко,
Чтобы къ нему возможно было прикоснуться:
Къ намъ оно стучится, но войдеть не сразу,
Постоить немножко... скажетъ: „завтра, завтра
„Я васъ обласкаю, только не сегодня“...
И поймать случайно счастье невозможно—
Счастье очень хитро: всѣ тенета видить!
Да, владѣть насилию счастьемъ грѣхъ великий,
Но насилие это кто-жъ грѣхомъ считаетъ!

Изъ дневника.

По тихимъ, чуть виднымъ дыханіямъ впавшаго въ
сонъ океана,
Взявъ небо единой защитой, какъ прежде, плыву я
въ членѣ одиноко...

И въ сердцѣ моемъ такъ тоскливо: такъ страшно
гнететь меня старая рана,
Что чу! океанъ пробудился, сочувствуя горю и му-
камъ пророка!

Изъ памяти властной встаютъ, какъ морскіе сѣдые
туманы, гробницы
И тѣни подходятъ ко мнѣ; среди нихъ я и горе
свое узнаю; отдохнуло
Въ могилѣ недолгой оно и опять на меня устре-
мило зѣницы

И снова напрасной, неконченной битвой на дряхлое
тѣло дохнуло,
Опять зародилась мысль и забилось усталое сердце
тревожно,

И трепетъ его достигаетъ опять до пророчески-
внѣтнаго слуха,

И снова я вѣрю, что битва, свирѣпая битва со тьмой
возможна.

О, гнѣвная, ясная мысль, воскрешенная злобой и
мрачною казнью,
Зачѣмъ ты меня окрыляешь надеждой и къ свѣту
стремишься такъ жадно?!

Тебя я боялся, но тяжко страдалъ и томился отъ
этой боязни,

И ты появилась, мученя смягчились—въ душѣ же
темно, не отрадно...

Я снова чего-то страшуся, иль часть мой не про-
билъ желанный и снова

Я путь потерялъ навсегда, не достигнувъ того без-
мятежнаго края,

Гдѣ мысли свой и мученя я могъ воплотить бы
въ бессмертное слово,

Величіе духа, свободу и тайны всего мірозданья
умомъ сознавая.

З а р я.

Природа проснулась, умылася солнечнымъ свѣтомъ.
Все полно такъ нѣги, все дышить невиннымъ при-
вѣтомъ...

Какъ злое видѣнье мерецится полдень вдали.
Я медлить не буду: за счастьемъ пока не пришли
Луна и блестяція звѣзды, мятель и морозы,
Пока не сгубило познанье наивныхъ грезы...
Плодъ — сердце мое и, какъ плодъ, оно тотчасъ за-
мреть,
Какъ только вблизи его вѣтеръ холодный вздох-
нетъ.

Среди враговъ.

Насъ мучить и терзать всѣ люди очень рады.
О, сколько гибнетъ насъ, заласканныхъ тюрьмой!..
Вотъ эшафотъ... народъ... язвительные взгляды...
Приходится и мнѣ прощаться съ головой.
О, безсловесное, безмысленное стадо!
Ужель мечтаешь ты убить того навѣкъ,
Кто самъ бы, самъ ушелъ изъ вашей жизни-ада:
Не тонеть, не горить отважный человѣкъ.
Богатства своего отъ васъ я не скрываю,
И зависть гложетъ васъ — убогихъ и больныхъ...
Мнѣ тяжко... мучусь я... жестоко я страдаю;
Но жизнь и смерть у васъ — одинъ безумный мигъ!
Я свою эшафотъ своею чистой кровью,
Но духъ мой не умретъ. И казнь моя, какъ дымъ,
Задушить тѣхъ калѣкъ, кто ханжеской любовью,
Какъ злобный людоѣдъ, безумно одержимъ.

Дерево осенью.

Я отцвѣло... Плоды созрѣли.
Я погрузилось въ сладкій сонъ...
И какъ глубокъ, какъ тихъ быль онъ,
Но вы, глупцы, вдругъ налетѣли,
Трясли меня и все шумѣли...
О, неужель нельзя сначала,
Медвѣди съ хоботомъ слона,
Меня бы пробудить отъ сна!
Я все бѣ отъ гнѣва задрожало
И вѣсъ плодами забросало.

Пиѳія и молнія.

Я выше животныхъ, я выше людей,
Скажу, и никто не услышитъ рѣчей.

* * *

Стремясь къ облакамъ, я росла одиноко,
Поэтому выросла такъ я высоко.

* * *

Я жажду, небеснаго жажду огня,
Чтобъ онъ поразилъ, уничтожилъ меня.

Къ идеалу.

Никто не дорогъ мнѣ, никто мнѣ сталъ не миль,
Какъ я узналъ тебя, возлюбленная тѣнь!
Душой владѣть моей тебя я допустиль—
Ты тѣломъ сдѣлалась, я сталъ похожъ на тѣнь.
И только глазъ тебя не видить и бранить,
Не признаетъ тебя мой старый скептикъ глазъ...
Ахъ, этотъ глупый! глазъ! Какъ сердитъ этотъ глазъ!

Изъ дневника.

Все заснуло сномъ могучимъ, даже море спить...
Ночь соткала саванъ крѣпкій, волны усмиривъ...
Валъ гремучій очарованъ, пѣной не бурлить,
И гранить не беспокоить подъ ночной мотивъ,
Но не спить и гнѣвно дышить море въ глубинѣ
И порою, не страшася злобной темноты,
Передасть мяtekъ свой скрытый дремлющей волнѣ.
И волна отринеть мигомъ чары слѣпоты,
И взреветь отъ гнѣва море... Отдыхать не въ мочь
Тѣмъ, кого томятъ видѣнья прежнихъ грозныхъ
битвъ...

Мраченъ сонъ вождей-титановъ и напрасно ночь
Имъ проклятія не шепчетъ, а слова молитвъ.
О, сожженное насилиемъ море, ты мой другъ,
Я постигъ твой вызовъ къ небу, муки скорбныхъ
грезъ
И хочу твои страданья, твой святой недугъ
Не смягчить, а смыть навѣки тѣкомъ мощныхъ
слезъ.

Къ дружбѣ.

О, дружбы нѣжное сіянье,
Надежда высшая моя!
Хвала тебѣ, ты упованье,
Ты счастья ранняго заря!
Мнѣ жизнь казалася безцѣльной
И безъ конца мой длился путь,
Но я съ тоскою безпредѣльной
Бродилъ... Не зналъ, гдѣ отдохнуть...
Но снова жить хочу я дважды,
Хотя жизнь давитъ какъ гора:
Во взорѣ дружбы я однажды
Замѣтилъ власть и мощь утра.

О т вѣтѣ.

Храни меня, Всесильный Боже!...
Я не стремлюсь теперь назадъ:
Тепло Германіи и ложе
Не нужны мнѣ, мой милый братъ!
Я здѣсь бы не былъ ни мгновенія...
Но я жалѣлъ нѣмецкій умъ:
Путемъ окольнымъ, внѣ сомнѣнья,
Идеть онъ къ истинѣ—безъ думъ.

О Гомерѣ.

Въ Базелѣ бодрый стою я...
Я одинокъ, какъ въ пустынѣ
Тамъ, гдѣ... но рокъ нась разсудить...
И о Гомерѣ кричу я.
ОБНАЖЕННЫЕ НЕРВЫ.

Мимо проходитъ народъ весь,
Уши имъ крикъ беспокоить...
Всъ надо мною смѣются.
Смѣхъ для меня ихъ невнятъ:
Грубаго смѣха не слышитъ
Духъ мой—избранниковъ сердце...
Всъ они слушаютъ молча
Крикъ мой и просьбы къ Гомеру,—
Шлю имъ въ награду—не чатно
Я благодарность за это.

„О человѣческомъ, слишкомъ
человѣческомъ“:

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ книга эта
Взошла на нивѣ мысли,
Тоска и стыдъ тревожать
Меня не уставая.
И муки не смягчатся,
Пока не расцвѣтеть
Подобное растеніе
Роскопнымъ, пышнымъ цвѣтомъ...
Теперь ужъ я вкушаю
То счастіе и слѣдомъ
Иду за тѣмъ, кто выше
Меня, моихъ твореній:
Онъ жатвой насладился,
Любуясь урожаемъ
Своихъ бессмертныхъ мыслей.

II.

Гдѣ воздухъ раіскій, гдѣ Сорренто?!

Благоуханія не слыхать,—

Повсюду холодъ, глуши и горы,

Сіянье солнца безъ любви...

Да, узнаю я въ книгѣ этой

Одну лишь часть моей души,

А часть прекрасную, святую

Я отдаю въ награду той,

Кто былъ мнѣ въ жизни безпросвѣтной

Подругой, матерью, врачомъ.

III.

Я отнялъ вѣру у тебя

Въ добро и идеалъ,

Но книгу эту я, любя,

Тебѣ, мой другъ, послалъ.

Я поклоняюсь ей... Я чту

Въ ней все, что написалъ.

Ее возвель я, какъ мечту

Боговъ, на пьедесталъ.

О с е н ь.

I.

Это осень стучится опять...

Вновь тебѣ она сердце встревожить.

Солнце грѣть насть, какъ прежде, не можетъ,

И ложится не во-время спать...

Это осень стучится опять...

Какъ поблекнуль, какъ замеръ весь міръ!..

Не натянуты струны у лиры,
Засушили природу вампиры,
И надежды окончился пиръ...
Какъ поблекнулъ, какъ замеръ весь міръ!..

II.

Это осень стучится опять...
Пролетай, пролетай поскорѣ!
Плодъ не держать деревья; сильнѣе
Стали вѣтки на нихъ трепетать...
Это осень стучится опять...
Плодъ! скажи мнѣ, шептала чтѣ ночь
И про тайны какія открыла?!
Она тайной тебя умертвила,
Пурпуръ сходитъ со щекъ твоихъ прочь...
Плодъ! скажи мнѣ, шептала что ночь?

III.

Это осень стучится опять...
Астра просить ее о пощадѣ,
Но нѣть жалости въ мертвенномъ взглядѣ...
Астра можетъ лишь тихо роптать...
Это осень стучится опять...
Астра ропщетъ на злую судьбу:
„Я людей утѣшаю собою,
„Ихъ мечты о веснѣ беспокою...
„Осень губить меня, какъ рабу“...
Астра ропщетъ на злую судьбу.

Кладбище въ Стальено.

О, дѣвушка, сбираюцая травку
Для этихъ маленькихъ ягнятъ!
Въ твоихъ глазахъ, незнающихъ ненастья,
Одни огни любви горятъ.
Ты такъ мила, что хочется мнѣ страстно
Слегка съ тобою пошутить...
Вблизи и издали невинна ты, какъ ангелъ,
Тебѣ такъ хочется любить!
Но кто порвалъ такъ рано эти цѣпи?
Кто сердце нѣжное смутить?
Любила ты... И что-же!? Неужели
Тебя избранникъ не любилъ?
Ты горести въ себѣ таишь, но слезы
Туманяты кроткие глаза,
Молчишь всегда... И гибнешь отъ желаній
И жжетъ тебя любви гроза.

Пѣсни и афоризмы.

Начало—такъ, конецъ же—риюма,
Взамѣнъ души—одно созвучье:
Такія выспренняя рѣчи
Зовутся пѣсней, иль короче
Пѣсни: вмѣсто музыки—слова.
У афоризма путь другой:
Онъ шутить, скачеть какъ безумный,
Не признаетъ совсѣмъ онъ такта:
Короче, онъ изображаетъ
Безъ пѣнья смыслъ и смыслъ безъ пѣнья.
О, смѣю-ль я вамъ преподнести:
Какъ афоризмы, такъ и пѣсни!

Гимны дружбы.

Утро промчалось и полдень
Мучить насть огненнымъ взглядомъ;
Сядемъ подъ тѣнью деревьевъ,
Будемъ пѣть гимны въ честь дружбы:
Дружба была намъ зарею,
Будеть и нашимъ закатомъ.

Coritatevole, amorosissima.

Люблю я мрачный, темный склепъ,
Люблю я надписи на камняхъ:
Ихъ позолоченная ложь
Мои насмѣшки воскрешаетъ.
Но я сегодня слезы лью,
Онѣ бѣгутъ ручьемъ на мраморъ,
Тревожать сонъ могильныхъ плитъ
И ложь на камняхъ подновляютъ...
Хочу я скрыть свои мечты...
Я цѣловалъ ужъ этотъ образъ...
Я цѣловалъ его за все...
Мы съ давнихъ поръ цѣлуемъ глину.
Но кто раскрылъ мой злой обманъ...
Я былъ обманутъ мавзолеемъ
И сознаюсь: я цѣловалъ
Его безсмысленную надпись...

Пѣсни Навзикаи.

Минуло мнѣ семнадцать лѣтъ,
Я сдѣлалась умна—
На стариковъ похожа я,
Хоть волосъ черенъ мой.
Вчера пришла мнѣ мысль на умъ...
На умъ! О, вздоръ какой!
Какой у насть—у женщинъ умъ,—
Богаты чувствомъ мы,
Не смѣемъ думать мы. Мудрецъ
Не даромъ говорить:
Идти по слѣду мы должны,
А не руководить...
А если думать будемъ мы,—
Пойдемъ мы въ путь одинъ
И вѣрить женщинѣ нельзя:
Она... она блоха.
Укусить васъ и ускользнетъ
И не найдешь ее,
И рѣдко думаетъ она,
Но думаетъ лишь вздоръ,
Я преклоняюся всегда
Предъ мудростю: она
Ужъ мною здѣсь приведена.
Но мудрость есть еще...
Заговорила, какъ всегда,
Она вчера во миѣ...
Она сказала мнѣ, что умъ
Мужчинамъ только данъ,
А что для женщинъ создана
Одна лишь красота.

В о л я.

Изъ тихой пристани отплыть я одиноко,
Для грозъ и бурныхъ волнъ, о жизни океанъ!
Я смѣлый мореходъ и путь держу—далеко,
Но свѣточъ истины несу я такъ высоко,
Что довезу его до грани новыхъ странъ.
Изъ тихой пристани отплыть я одиноко.
Мой парусъ — мысль моя, а кормчій — духъ сво-
бодный,
И гордо мой корабль плыветь по лону водъ,
И голосъ совѣсти, стихіи благородной,
Спасеть, спасеть меня: я съ силою природной
Одинъ иду на бой, и океанъ реветь...
Мой парусъ — мысль моя, а кормчій — духъ сво-
бодный...
И любо биться мнѣ съ противникомъ ужаснымъ.
Свободу чую я въ хору крылатыхъ бурь,
И не гадаю я: въ бою-ль погибну страстномъ,
Иль съ истинной святой въ объятіи прекрасномъ,
Увижу-ль новыхъ странъ волшебную лазурь...
И любо биться мнѣ съ противникомъ ужаснымъ.

На высокихъ горахъ.

О, полдень жизни! Лѣтній садъ въ цвѣту!..
Исчезни бремя...
Друзья мои, для васъ настало время...
Я жду къ себѣ васъ въ гости, какъ мечту,
Зоветъ поэтъ, влюбленный въ красоту.
О, какъ для васъ одѣлся глетчеръ мой—
 Теперь онъ въ розахъ!..
Журчить ручей, забывши о морозахъ,
Зоветъ ко мнѣ... И облака толпой

Встрѣчають вѣснѣ, скрывая солнца зной...
И высоко накрыть для вѣснѣ мой столъ:

Онъ съ солнцемъ рядомъ!

А мой чертогъ ни съ раемъ и ни съ адомъ
Сравнить нельзя—онъ всѣхъ ихъ превзошелъ!..
Мой сладкій медъ, но кто его нашелъ?..
А вотъ и вы... друзья, пришли ко мнѣ...

И изумленье?..

Вы не достигнули своихъ стремленій:
Другимъ я сталъ, въ надзвѣздной сторонѣ,
Перегорѣвъ въ таинственномъ огнѣ?..
Я сталъ другимъ? Сталъ грубо обладать
Чужой душою?!

Я побѣждалъ себя въ борьбѣ съ собою?..
Иль не хотѣлъ всѣмъ силы показать,
Иль, побѣдивъ, я сталъ свой мечъ бросать?..
Иль я усталъ, искавъ тѣхъ тайныхъ странъ,

Гдѣ на свободѣ,

Ласкаясь къ матери родной—природѣ,
Я забывалъ про боли старыхъ ранъ,
Гдѣ не сгибалъ мольбами я свой станъ!..
Я призракъ! Даже вы—мои друзья

Меня боитесь?..

Уйдите и любовью не гордитесь...
Здѣсь не взойдетъ на вѣчныхъ льдахъ заря,
Все дышить здѣсь, погибелью грозя...
Здѣсь можетъ жить лишь смѣлый человѣкъ!..

Я быстрѣ какъ серна...

Лукъ крѣпокъ мой, рука же мѣтить вѣрно...
Моя стрѣла богатырѣй навѣкъ
Сразить, не только васт.—полукалѣкъ!..
Такъ вы уходите!.. О, сердце, вновь,

Тебя ждуть муки!..

Но ты такъ молодо: часы разлуки
Перенесешь, другимъ друзьямъ любовь
Отдашь, отдашь имъ мысль, отдашь и кровь...

Искали мы спасеніе всегда
Съ тобою въ надеждѣ,
Она сіяеть въ жизни намъ, какъ прежде...
Но засвѣтить не можетъ, никогда
Упавшая, потухшая звѣзда!..
Друзья ушли... Вы—призраки друзей,
Я васъ не знаю...
Мольбы и просьбы ваши презираю:
Цвѣтокъ, лишенный стебля и корней,
Не можетъ долго украшать полей!..
Друзья мои—созданія моихъ
Дней пылкихъ, юныхъ!
Я вижу въ васъ теперь: рабовъ безумныхъ!..
Вы—*мертвецы*, погрязшіе въ своихъ
Мечтаніяхъ, отжившихъ и пустыхъ!..
О, полдень жизни! Лѣтній садъ въ цвѣту!
Исчезни бремя...
Друзей я новыхъ жду—настало время...
Я ихъ зову, какъ юную мечту,
Сюда къ себѣ—на эту высоту!..
Пѣснь кончена... Изъ сердца рвется крикъ...
Освобожденье!..
Сбылись мои волшебныя стремленья:
Пришелъ мой другъ, къ груди моей приникъ...
О, незабвенный наслажденія мигъ!..
Пришелъ, пришелъ ко мнѣ гость всѣхъ гостей...
Я торжествую.
Онъ—Заратустра!.. Съ нимъ я очарую
Весь міръ... И повѣнчается скорѣй
Со тьмою свѣтъ подъ говоръ двухъ друзей...

У ч е н ы м ъ.

Шлю привѣтъ вамъ съ тачкой люди!
Ею портили вы груди,
А отъ медленной дороги
Всѣ истерты ваши ноги...
Шутки, смѣха вы не знали,
Тупоуміемъ дышали
И боялися сознанья,—
Что-жъ велико-ль ваше „здание“?!

Афоризмы въ стихахъ.

Наставлениe.

Подрѣжь свои гордыя крылья
И бойся до неба взлетѣть:
Нельзя съ высоты безъ усилия
На пизкую землю смотрѣть.

Эгоизмъ звѣздъ.

О, если-бъ для другихъ жила я и свѣтила,
Стремилася любить, свершая трудный путь,
То солнце бы меня, безсильную, спалило
И отъ его лучей я не могла бъ вздохнуть!

Предостереженie.

Достигнуть славы хочешь ты!
Достигнешь! Только знаешь,
Добро и чувство красоты
Стремясь къ ней затеряешь.

Изъ дневника.

Для мукъ раскаянья мнѣ дайте преступленье,
Иль я умру отъ грозной пустоты...
Въ груди моей темно, какъ въ капищѣ сомнѣнья,
Гдѣ язва—мысль и жадный червь—мечты.
Не осуждай меня, мои порывы злости:
Я рабъ страстей и грозный бичъ ума...
Душа моя сгнила и вмѣсто тѣла кости...
Не осуждай!—свобода есть тюрьма.
Для мукъ раскаянья мнѣ дайте преступленье,
Иль я умру при свѣтѣ темныхъ тучъ...
Въ моей крови кипитъ безумство озлобленья,
Дыханьемъ жжетъ коварный демонъ-лучъ.

С т ы д ь.

Люби и не стыдись безумныхъ наслажденій,
Открыто говори, что молишься на зло,
И чудный ароматъ свирѣпыхъ преступленій
Вдыхай въ себя, пока блаженство не ушло.
Тотъ не раскаится, кто, убоявшись казни,
Таить въ себѣ самомъ всѣ помыслы свои,
И не спасется тотъ, кто, изъ пустой боязни,
Сокрывъ грѣхи свои, увидить свѣтъ зари.
Небесная заря повергнетъ въ дебри мрака
Того, кто хочетъ зло смягчить стыдомъ однимъ,
И гуще и грознѣй скопленная клоака
Задавить мысль и духъ величіемъ своимъ.

Презрѣніе.

Если ты презираешь себя,
То гордишься собою ты вѣчно,
Такъ огонь пожираетъ, губя
Все безъ жалости, что-жъ человѣчно
Не погибнуть шутя и безопасно.
Презиралъ себя, я всегда
Уважаю за это мышленіе...
Презирать и не мыслить бѣда,—
Расточать же разумно презрѣніе—
Подвигъ въ жизни мірской безъ значенья.

Изъ днѣвника.

Дай отстояться вину,
Слабое сердце въ плѣну
Крѣпче запутай въ тенета.
Духъ твой тогда воспаритъ,
Будетъ имъ міръ позабытъ,
Будетъ далеко забота.
Сердце не любить свободы:
Рабство отъ самой природы
Сердцу въ награду дано.
Выпустишь сердце на волю,—
Духъ проклянетъ свою долю,
Съ Богомъ порвется звено.

Страсть.

Чувственность загубить
Всѣ ростки любви...
Страсть любовь забудеть,
Вспыхнетъ пыль въ крови.
Ты мечтою жадной

Юности не тронь,
Иль огонь нещадный,
Чувственный огонь
Мужество расплавить
Въ пламенной крови,
Непла не оставить
Отъ твоей любви.

Милосердіе.

Никто изъ насть не правъ, когда не замѣчаетъ,
Какъ ранить та рука, которая щадить,
Какъ угнетаетъ мысль, какъ грубо удручетъ,
Взявъ милосердіе за самый вѣрный щитъ.
А этой щитъ плодить, лобзая, преступленье,
Насилье и порокъ и слабому грозить,
У истины береть и мудрость и значенье...
Нѣть, милосердіе не добрый—злобный щитъ!
Онъ преступленію развязываетъ руки,
Дамокловымъ мечомъ онъ честности грозить,
Смѣется надъ добромъ, когда наносить муки...
Да, милосердіе есть ненадежный щитъ!

Кошмаръ.

Ко мнѣ опять вливается волною
Въ окно открытое живая кровь...
Вотъ, вотъ равняется съ моей головою
И шепчеть: я—свобода и любовь.
Я чую вкусъ и запахъ крови слышу...
Волна ея преступдуетъ меня...

Я задыхаюся, бросаюся на крышу...
Но не уйдешь: она грознѣй огня.
Бѣгу на улицу... Дивлюся чуду:
Живая кровь царитъ и тамъ повсюду...
Всѣ люди, улицы, дома—все въ неї
И не слѣпить она, какъ мнѣ, очей,
И удобряетъ благо жизни люду,
Но душно мнѣ: я вижу кровь повсюду.

Р а б ы.

Я надѣлъ добровольно вериги,
Сталъ укоромъ проクリатой семьѣ...
Жизнь, какъ поплость безсмысленной книги,
Я отбросилъ: подобно ладъѣ
Я плыву по беспутному морю,
Безъ сочувствія счастью и горю.
Нѣть спасенія въ косности міра
Безнадежныхъ и жалкихъ рабовъ...
Вѣсть остатки съ безумнаго пира
Я не въ силахъ... О, сколько умовъ,
Ожидавшихъ тщетно свободы,
Погубили безмолвія годы.
Рабство хуже кошмара и казни.
Жизнь подъ гнетомъ оковъ—клевета!
Въ сердцѣ львиномъ смиренной боязни
Нѣть и не было... Мысль—суета
Въ царствѣ силы, гдѣ внѣшность пророка
Обвиняетъ за дерзость порока.
О, исчадіе тьмы безнадежной!
Вы не звѣри, вы хуже—рабы!
Ваши души во тьмѣ безмятежной
Сиять въ цѣпяхъ. Лишь удары судьбы
Васъ разбудятъ, какъ ревъ океана,

Въ часъ величья грозы-урагана.
Лицемъры! зачѣмъ вамъ пророки?
Злой морозъ ненавидить цвѣты!—
Вы—позорно и нагло жестоки
Къ проявленью свободы... Мечты
Умертвите вы рабскимъ дыханьемъ,
Заразивши пророковъ лобзаньемъ.

Расплата.

Топчи мое имя въ грязи! Позоръ и безчестье прощая,
Любовь пусть замучить меня! Топчи мое имя въ
грязи:

Я юность твою погубилъ, извлекъ изъ обителей рая!
Топчи мое имя въ грязи и смертью меня зарази!
Казни красотою своей, бросаясь на грязное ложе...
Въ объятьяхъ безумныхъ ночей казни красотою
своей,

И тѣло богини моей на падаль пусть будетъ похоже!
Казни красотою своей и смѣйся надъ жертвой
страстей!

Я все, все прощаю тебѣ, прости же меня, дорогая,
Забудь оскорбленья мои,—я все, все прощаю тебѣ,
Любовь пусть замучить меня и, ревностью страшной
сгорая,

Я все, все прощаю тебѣ, какъ злой и коварной
судьбѣ...

Изъ дневника.

Вѣкъ суждено мнѣ бороться,
Жить не могу безъ борьбы;
Видно, какъ въ пѣснѣ поется,
Мнѣ не уйти отъ судьбы,

Если враги вѣ убиты,
Снова хочу воскресить
Тѣхъ, имена чьи забыты,
Чтобы ихъ снова убить.
Страшно: боюсь, посмѣется
Злобно надъ сердцемъ судьба:
Биться съ собой мнѣ придется,
Рѣзать себя, какъ раба.

Идеаль.

Тѣмъ идеаль священенъ и великъ,
Что мы достичь его вершинъ не въ силахъ,
Но юноша, и дѣва, и старикъ
Перестаютъ томиться имъ... въ могилахъ.
Какъ радуга сияеть идеаль...
Мы знаемъ вѣ, что радуга—видѣнье,
Но идеаль такъ мощно-бѣ не блисталь,
Когда свои мы поняли стремленья...
Онъ навсегда, какъ метеоръ, угасъ,
Когда-бѣ мы вѣ пришли къ его вершинѣ...
И вѣра въ жизнь и свѣтъ исчезли въ насть,
И мы вѣ-бѣ умерли, тоскуя о святынѣ.

Мудрость.

Черепъ!
Мудрость глядитъ изъ зияющихъ впадинъ глазныхъ,
Тихо гнюща лобная кость говорить безъ тумана:
Нѣть наслажденія правдой въ волненьяхъ пустыхъ,
Нѣть красоты и ума вдохновеній въ пожарѣ обмана.
Рядъ обнаженныхъ зубовъ, искривленныхъ тоской,
Грустно смѣется надъ тѣмъ, что мы славимъ и
нагло позоримъ...

ОВНАЖЕННЫЕ НЕРВЫ.

Избранныхъ эта насмѣшка зоветъ на покой
Безъ упоенія призрачнымъ счастьемъ, иль види-
мымъ горемъ...
Правда — въ недвижномъ одномъ замирани, въ
гніенъи одномъ!
Тайна — нирвана; получить блаженство въ ней умъ
безнадежно-бессильный...
Жизнь — есть святое затишье, покрытое сномъ...
Жизнь — это мирно и тихо гніющій отъ свѣта мо-
гильный
Черепъ.

Одинокая любовь.

Одинокій колось, колось, а не нива,
И любовь къ подругѣ страсть, а не любовь;
Называть любовью страсть несправедливо,
Кровь не будетъ мыслю, мысль не будетъ кровь.
Даже чувство дружбы какъ-то сиротливо—
Я любить желаю всѣхъ иль никого;
Одинокій колось, колось, а не нива—
Дружба недостойна сердца моего.
Я всегда чуждаюсь страстнаго прилива—
Чувство къ одному я прогоняю прочь,—
Одинокій колось, колось, а не нива—
Дружба, сладострастье есть не день, а ночь.
Мнѣ противны звуки одного мотива,
Полюбивши друга, я забуду всѣхъ—
Одинокій колось, колось, а не нива...
Дружба надъ любовью есть глубокій смѣхъ.

Красота.

Чтобы совершить преступление красиво,
Нужно суметь полюбить красоту,
Или опошилить избитымъ мотивомъ,
Смѣлую мать наслажденія—мечту.
Часто, изранивъ себя безнадежно,
Мы оскверняемъ проступкомъ своимъ
Все, что въ могучемъ насилии мятеожно,
Все, что зовется прекраснымъ и алымъ.
Но за позоръ свой жестоко накажетъ
Злого желанія преступная мать,
Жрецъ самозванцамъ на нихъ же покажетъ,
Нужно, какъ жертвы, красиво терзать.

Врагу.

Ты меня изранилъ новой клеветою.
Что-жъ! Къ могилѣ виденъ мнѣ яснѣ путь!
Памятникъ, изъ злобы вылитый тобою,
Скоро мнѣ придавить трепетную грудь.
Ты вздохнешь... Надолго-ль! Сладкой местью очи
Снова загорятся къ новому врагу;
Будешь ты томиться напролетъ вѣсъ ночи,
„Жить не отомстивши“,—скажешь — „не могу“!
И теперь я знаю: изъ сырой могилы
Пожалѣю снова не свой грустный вѣкъ,
Не свои коварствомъ сломанныя силы,
А о томъ: зачѣмъ ты врагъ мой, человѣкъ!

ИЗЪ АДЫ НЕГРИ.

Работалъ - ли ты?!

Ты въ меня влюбился, сладкаго лобзанья
Ждешь въ отвѣтъ на чувства страстныя свои,
Хочешь ласки чистой, хочешь обладанья,
Жаждешь ты весенней, дѣвственной любви!
Но скажи, знакомъ ты съ думой и тревогой,
Ты сражался-ль храбро съ властною судьбою?!
И, какъ трусь, не падаль трудною дорогой,
Чтобъ не быть сожженнымъ страшиною грозой?!
На рукахъ могучихъ покажи мозоли,
И узнаю: честный любишь ли ты трудъ?!
Расскажи: страдалъ ты за людей до боли
И какіе въ сердцѣ помыслы живутъ?!
Ты молчишь тревожно... Прочь отъ груди зноіной,
Свѣтскіе досуги воскреси опять
И люби развратницъ съ думою спокойной:
Золото не въ силахъ мною обладать!
О, когда-бъ до крѣви были стерты руки
У тебя и чувствомъ радостнымъ богатъ,
Попросилъ бы ласки ты за трудъ и муки,
Попросилъ за подвигъ жизненный наградъ,
И съ разумнымъ смѣхомъ и съ тоской презрѣнья
Ты-бъ взглянула на счастье тупости людской;
А въ умѣ суровомъ мысль своимъ рожденiemъ
Стала-бъ состязаться съ утренней зарей,
И-бъ тобою гордилась и твоей нуждою
За твое несчастье грудь свою-бъ сожгла
И смягчила битву грозную съ судьбою
И тебѣ за горе жизни, бы отдала.
Ты же не трудился, свѣтскій обожатель,
И живешь и видишь даромъ солнца свѣтъ...
Ты и такъ заласкань, счастія искатель...
Уходи... Презрѣніе—для тебя отвѣтъ.

Подъ ножомъ.

Наукѣ досталось прекрасное тѣло,
И докторъ съ холоднымъ лицомъ
Терзаетъ и рѣжетъ увѣренно, смѣло
Меня безпощаднымъ ножомъ.

Часовня для мертвыхъ тѣсна и угрюма:
Не стыдно лежать безъ одеждъ.
Ученый! Ты видишь, что страстная дума
Моихъ не покинула вѣждъ.

Она говоритъ, что ребенкомъ забытымъ
Средь уличной грязи, одна
Росла я, ночуя подъ небомъ открытымъ,
Свободна, какъ въ морѣ волна.

Познала я стоять одинокихъ терзаний,
Соблазны преступныхъ ночей,
Всю страшную горечь чужихъ состраданій,
Ничтожность и злобу людей.

И вотъ, подъ конецъ, я очнулась въ больнице,
Мечтала хоть въ ней отдохнуть,
Но крылья израненной медленно птицы
Смерть мигомъ успѣла свернуть....

И я умерла въ ней ненужной бродягой,
Какъ старый и прогнивший песь...
Никто надъ несчастной и жалкой бѣднягой
Не пролилъ сочувственныхъ слезъ... -

Смотри, какъ беспомощно косы упали!
Но чистую прелестъ кудрей
Ничьи, замирая, уста не лобзали
Въ блаженствѣ безумныхъ ночей...

Хоть тѣло мертвѣ, но въ изрѣзанной груди
Отыщетъ духовный твой взоръ
Все горе и муки, которыми люди
Мнѣ смертный прочли приговоръ.

И, вынувши сердце безстрастной рукою,
Научный ты свѣтъ наведи,
И, въ тайну проникнувъ могучей мечтою,
Ты тайну страданья найди.

О, знаешь ли ты, что безмолвно-нагая,
Прекрасна, какъ гений святой,
Живу и теперь я, незримо страдая,
И твой нарушаю покой.

Ты вспомнишь не разъ, что навѣки застыло
Въ холодныхъ, стеклянныхъ очахъ,
И скажешь, что горе съ проклятиемъ жило
Въ лиловыхъ и скорбныхъ устахъ.

Къ портрету.

Нѣть, ты безсмертна, какъ волна,
И жизни смерть не обрывается...
И ты царишь тамъ не одна—
Тебя безсмертіе лобзаетъ.

Живеть на небѣ красота,
А ты всю жизнь ей посвятила,
И не погибнетъ чистота:
Тебя возвысила могила...

Но жаль, безумно жаль тебя:
Земныхъ ты жаждала желаній,
И смерть, тебя навѣкъ сгубя,
Не дастъ восторговъ обладаній...

* * *

Ей нравятся одни мистические лики
И окружающей ихъ сумракъ вѣковой,
Куда слова молитвъ, измученные крики
Несутся изъ груди, надломленной грозой.
Ни горя, ни страсти она не испытала,
Но грустью неземной она была полна;
Терноваго вѣнца, мученья идеала
На ложѣ дѣственномъ къ себѣ ждала она.
Блистая ангельской и чистой красотою,
Она покоила свой взглядъ на небесахъ,
Но дерановенный взоръ съ таинственной тоскою
Невѣдомый земной огонь зажегъ въ мечтахъ.
Онъ приковалъ ее съ таинственною властью
Къ земному божеству. Грѣховная заря
Взошла въ ея глазахъ и первой, юной страстью
Забилась грудь ея, желаніемъ горя.
И вновь пришла она на тайное свиданье,
Душой была его она въ дыму кадиль,
И пепломъ стать алтарь отъ страстнаго сіянья,
Лампада чистая горить среди могилъ.

Л ю б о в ь.

О, милый, грудь рвется навстрѣчу къ груди...
Не въ силахъ я сдерживать больше желанья,—
Я много терпѣла на тяжкомъ пути,
Я жажду объятій, я жажду лобзанья..

Прижмися къ груди!

Мы—боги, не люди, когда мы одни...
О, дай отдохнуть отъ тернистой дороги,
Пусть страстныхъ лобзаній сожгутъ нась огни...
Угаснуть печали, угаснуть тревоги...
Съ тобою мы одни.

Какъ птичка цвѣткомъ защищаетъ себя
И прячется въ листья отъ холода бури,
Такъ, снова я вижу, лобзая тебя,
Сиянье счастливой и ясной лазури,
Безумно любя!

Т у м а н ы.

Мрачно, какъ злые обманы,
Вижу вдали я селенья,
Не застилаютъ туманы
Мученья.

Воронъ, летящій высоко,
Каркаетъ какъ-то уныло,
Словно грустить: недалѣко
Могила.

Сосны скрипятъ, сосны просятъ
Духовъ безжалостной бури,
Но, какъ траву, до лазури
Ихъ скосять.

Я одинока. Жилища
Нѣть и никто не добудетъ,
Кровомъ надежнымъ кладбище
Мнѣ будетъ.

И не достигнуть мнѣ неба,
Небо шлетъ людямъ презрѣнье...
Крохи духовнаго хлѣба—
Мученье.

Фантазия.

Улетимъ на вершины блистающихъ горъ
И сокроемся въ дѣственныи снѣжныи покровъ,
И пусть солнцемъ любуется вѣчно нашъ взоръ
И цѣлуеть со страстью семью облаковъ.

Тамъ земля не унизитъ—возвысить нашъ духъ,
И до звѣздъ долетитъ и домчится мечта,
И ничто не встревожить божественный слухъ,
И забудемъ мы тяжесть земного креста.

Обновимся мы въ царствѣ таинственныхъ сновъ
И, безумной любовью другъ къ другу горя,
Обратимся мы въ царственныхъ, сильныхъ орловъ
И туда полетимъ, гдѣ восходить заря.

Здѣсь же мы отъ тоски по святымъ небесамъ
Никогда не постигнемъ и чувства любви!
Нѣть, подъ снѣжныи покровъ мы умчимся и тамъ
Мы узнаемъ про свѣтъ и про силы свои.

Уличный мальчишка.

Я вижу, какъ снуеть по улицѣ онъ людной,
Почти полунаагой и цѣлый день не ъвишій,
Мальчишка уличнаго, смѣясь надъ долей трудной,
Грязь знающій, не разъ и своровать сумѣвшій.
Должно быть у него родители въ темницѣ
Или работаютъ все время на заводѣ,—
Однѣ не занять онъ, и улицу теплицей
Считаетъ онъ, живя свободно на народѣ...
Бросаетъ камнями въ бѣгущихъ онъ животныхъ,
И сердце дикое ихъ мукой не смущалось...

П о л н о ч ь.

Дремлетъ садъ завороженный...
Тишина кругомъ,
Геній міра, въ ночь влюбленный,
Садъ покрылъ крыломъ.
Но тревожатъ страхъ и горе
Вѣтеръ и во снѣ.
И деревья сыплють слезы
Въ мрачной тишинѣ,
Вѣтеръ тронулъ горькимъ словомъ
Весь дремавшій садъ...
Сонъ исчезъ съ своимъ покровомъ—
Вѣтви говорятъ...
Вторятъ имъ цвѣты съ волненiemъ,
Слушаетъ ихъ мгла,

Подвергая осуждению
Злыхъ людей дѣла.
Плачеть мгла о мухахъ падшихъ,
Совѣсти больной,
И мечтахъ во тьмѣ увядшихъ
Въ битвѣ роковой.

Тѣни погибшихъ.

„Ты со мною, но волна беспокойной груди
Не ласкаетъ, какъ прежде, меня...
Страсть затихла... Ты хочешь уйти,
Поцѣлуи твои не сожгутъ безъ огня...
Я узнать не могу прежнихъ миныхъ очей,
Загасилъ ихъ какой-то туманъ,
Ты слѣдишь за полетомъ безылотныхъ тѣней
И обѣятій не просить твої станъ,
Грудь не ищеть груди... и кровавої тоской
Такъ зловѣще сіяеть твої взоръ.
Что-жъ случилось, скорѣе скажи мнѣ, съ тобої—
На лицѣ я читаю укоръ?!”
И ты мнѣ прошептала тревожный отвѣтъ:
„О, когда я тебѣ отдаюсь
И когда наслажденіе—одинъ мой завѣтъ—
Тѣни, тѣни вокругъ... Я боюсь...
Тѣни дѣвушекъ юныхъ, погибшихъ встаютъ,
Руки ихъ дорастаютъ до нась
И на головы наши проклятья зовутъ,
Говоря, что не прѣбить нашъ часъ!
Онѣ были прекрасны и косы змѣей
Ниспускались на мраморъ ихъ плечъ,
И сердца ихъ сгорали отъ страсти земной
И казнилъ ихъ желанія мечъ.
Суждены имъ всѣмъ были коварной судьбою”

Только горе безмысленныхъ слезъ,
Пзсушиль ихъ несчастія горькаго зной
И сгубили томления грезъ.
Вижу женщинъ безумныхъ, гасившихъ любовь,
Хоронившихъ мужей, сыновей,
Сознаю ужасъ тѣхъ, кто горячую кровь
Омывалъ съ лицъ родимыхъ людей.
И согнутыя бременемъ тяжкихъ невзгодъ
Тѣни идутъ ко мнѣ и грозятъ
И, желая укрыться отъ всѣхъ непогодъ,
Увлекаютъ себя въ грозный адъ.
Ты теперь понимаешь меня! Отчего
Я дрожжу обнимая тебя?!

Отчего мое дѣтское тѣло мертвѣ,
Когда ты забываешь себя?!

Тѣни мрачныя идутъ кровавої тропой,
Взглядъ ихъ ранить сильнѣе, чѣмъ ножъ...
И въ минуты, когда я твоя, а ты мой,
Шепчутъ мнѣ: „не уйдешь, не уйдешь!“

Памяти М. Башкирцевой.

Ты мертвая ближе ко мнѣ и до входа
Въ предѣлы святого искусства,
Чѣмъ эти живыя, но мертвыя тѣни народа,
И иѣть въ нихъ ни мысли ни чувства.
Но я не одна. И другіе жрецы воплотили
Всѣ грезы твои, всѣ мученія...
Давно мы въ могилу тебя опустили,
Но духъ твой даетъ наслажденія.
Но прежнему мысли твои такъ красивы,
Какъ яснаго лѣта сіянье,
И къ небу зовутъ насы святые мотивы,
Суля намъ съ свободої сліянье.

Несчастная.

Плачеть море, и слезы кипучей волною,
Прижимаясь къ скаламъ, журчать...
И безстрастное небо прониклось тоскою
И, нахмурившись тучей свинцовой, съ грозою,
Мечеть стрѣлами огненный взглядъ.
Плачеть море и трупъ молодой и прекрасный
На груди своей зыбкой несетъ,
Трупъ прелестный и чистый какой-то несчастной
И защиту нашедшей отъ жизни ужасной
Въ глубинѣ его гибельныхъ водъ.
Плачеть море... И слышны въ немолчныхъ
рыданьяхъ

Горесть муки, опозоренныхъ слезъ,
Жажда свѣта, любви и лобзанья,
И безумныя слышатся вопли страданья
И проклятья осмѣянныхъ грезъ...

М о л и т в а .

Въ промозгломъ подвалѣ на смрадной рогожѣ
Ребенекъ-подростокъ несчастный лежитъ...
Смягчи ему муки, о Праведный Боже,
Онъ всѣми, сиротка, заброшенъ, забыть!

Пошли ему радостныхъ грезъ и видѣній,
Избавь передъ смертью отъ горя и слезъ...
Онъ жилъ среди мрака, нужды, преступленья,
Онъ слышалъ упреки, шумъ фабрикъ, колесь.

Трудъ адскій сломилъ его силы, какъ колось,
Онъ палъ, убаюканный стукомъ машинъ...
Я знаю, о Боже, не падаетъ волосъ
Безъ воли Твоей! Ты—защитникъ Одинъ!

Смягчи же мученія!.. Пусть ангель-хранитель
Сиротку любовью согрѣть своеї,
Пусть мачеха-жизнь и пусть голодъ-мучитель
Исчезнутъ подъ звуки небесныхъ рѣчей.

Н и щ і й.

Ты просишь у меня, несчастный, подаянья!
Лохмотія твои не покрываютъ тѣла
Худая грудь твоя открыта, какъ страданье,
И крикомъ мнѣ нѣмымъ она такъ надоѣла.

Ты кое-какъ живешь; не мучаютъ раба
Брезгливые глаза, глядящіе съ участіемъ;
Къ тебѣ не такъ была безжалостна судьба—

Ты, можетъ-быть, богатъ, рисуешься несчастьемъ.
Я—нищая сама: любви и поцѣлуя
Я жажду и томлюсь отъ страстнаго желанья,
Но лучшіе соглашусъ я умереть тоскуя,
Чѣмъ гордости лишусь и попрошу лобзанья.

Брошенная.

Неволю, цѣлый день труда
Я вытерплю шутя,
Но только не отдамъ стыда
За малое дитя.

Умру пусть лучше отъ затратъ
Здоровія и силъ...
Я хороша; одинъ развратъ
Меня бы не сгубилъ.

Но не хочу я, чтобы мой сынъ
Позоромъ былъ вскормленъ,
И есть еще исходъ одинъ,
Но только страшенъ онъ...

Я сыну буду палачомъ,
Сама его убью,
Чтобъ онъ не проклять бы потомъ
Родную мать свою.

Пусть голость жалости въ груди
Моей совсѣмъ заглохъ,
Не вижу я совсѣмъ пути,
Такъ пусть поможетъ Богъ!

Надежда.

Грудь мою несчастье,
Словно жаломъ, ранить,
Но лишь умъ возстанеть
Ото сна, ненастье

Вихремъ злымъ умчится
Къ людямъ всѣмъ усталымъ,
Къ тѣмъ, кто съ духомъ вялымъ
Съ жизнью хочетъ биться.

Какъ орель, высоко
Мысль взлетить—за тучи,
Будеть съ страшной кручи
Вспоминать: далеко

Тамъ осталось горе;
Сердце, какъ и прежде,
Вновь нашло въ надеждѣ,
Какъ въ глубокомъ морѣ,

Жемчугъ и богатство,
Ласки想要 снова,
Ищетъ вновь покрова
У любви и братства.

Нашему вѣку.

Геніальность—преступленье
Для безмысленныхъ людей,
И мечтамъ одни мученья
Суждены въ странѣ страстей.

**
*

Мысль и трудъ толпу пугаютъ
И несчастья ей сулять;
Люди вѣка сжечь желаютъ
Умъ и сердце, словно ядъ.

**
*

Всѣ живутъ, подъ глупымъ рокомъ
Низко голову склоня...
Тяжко быть средь нихъ пророкомъ,
Тяжко жить, ихъ не кляня.

**
*

Но проклятъя не услышать,
Не поймуть стада звѣрей;
Души ихъ насилиемъ дышать,
Не боится словъ ручей!

**
*

Милосердье, честь и совѣсть—
Вы осмѣяны давно!..
Безталанная вы повѣсть,
Умереть вамъ суждено!

**
*

А любовь!.. Нѣть, я не смѣю...
„Критикъ жизни“, какъ шакалъ,
Газорвать васъ за затѣю
И промолвить: „лучше-бѣ спаль!“

**
*

Геніальность—преступленье
Для безсмысленныхъ людей,
И мечтамъ одни мученія
Суждены въ странѣ страстей.

Просьба къ смерти.

Безпощадная смерть, отойди
И свое ледяное страданье
Отогрѣй у меня на груди:
Я исполню твои приказанья...

Безпощадная смерть, отдаю
Я тебѣ свое нѣжное тѣло...
Вижу я роковую ладью,
Обнимай-же безстыдно и смѣло!

Безпощадная смерть, не жалѣй
Молодыхъ, неземныхъ очертаній
И морщины косою своей
На нихъ вырой въ минуты свиданій.

Безпощадная смерть, лезвіемъ
Поцѣлуевъ меня ты замучай
И, въ величыи спокойномъ своемъ,
Солнце скрой отъ меня, словно тучей!

Только мать, мою милую мать,
Сохрани отъ своихъ ты объятій,
За нее я готова отдать
Юность, тѣло тебѣ безъ проклятій.

Языческий поцѣлуй.

Люблю я мускулы рабочаго простого,
Могучий станъ его, румянецъ смуглыхъ щекъ,
Онъ мнѣ сулить порывъ блаженства неземного,
Онъ—дикій звѣрь въ любви... онъ—огненный потокъ!...

Грудь у него—скала... Волна и грязь разврата
Не тронули его... Онъ многими любимъ...
Не за костюмъ, за титулъ и за злато—
За что-жъ намъ хочется назвать его своимъ?!

За то, что дикій звѣрь, весь страстью ослѣпленный,
Живеть и дышить въ немъ... Въ объятіяхъ его
Забудется позоръ и страстью сожженный
Стыдъ не забыть въ тотъ мигъ набата своего.

Отверженные.

Вы—юноши! Въ глазахъ же старчески-усталыхъ
У васъ горитъ развратъ—меня имъ не обжечь!..
Задушить стыдъ въ объятьяхъ вашихъ вялыхъ,
Страсть для меня и щитъ, и самый грозный мечъ!

Уйдите отъ меня... Не дѣвственнымъ вамъ зорянь
Молиться и любить ихъ чистыя тѣла...
Спасайтесь или васъ погубимъ, опозоримъ:
Одна для васъ звѣзда съ любовю взошла,—

Звѣзда продажности, насилия и рока
Загубленной души и женскаго стыда,—
Она полюбить васъ за деньги и до срока,
Пока надъ ней самой не сжалится нужда.

Смерть кровельщика.

На крышѣ огромной красиваго зданья
Онъ долго работалъ—съ разсвѣта.
Нужда и семья укрѣпляли сознанье,
Протестъ исчезалъ безъ отвѣта.
Онъ долго работалъ... Ужъ солнце wysoko
И время подходитъ къ обѣду...
„Живѣе работай—обѣдъ не далеко“,—
Съ восторгомъ сказалъ онъ сосѣду
И вдругъ поскользнулся... высоки палаты...
Лежить искалѣченнымъ трупомъ...
И люди, тревогой смертельной обѣты,
Стоять въ изумлениі глупомъ...
Проникнуты всѣ фарисейскимъ участемъ,
Всѣ смотрѣть на кровь съ любопытствомъ,
Но скоро и съ болѣе страшнымъ несчастьемъ
Сживутся съ какимъ-то безстыдствомъ.
И только жена и голодныя дѣти
Кормильцевъ своихъ не забудутъ
И грубыя, рабскія, тяжкія сѣти
Корить, проклинать они будутъ.

П о э тъ.

Не считай, милый другъ, за поэта того,
Кто поеть намъ красиво про муки,
А быть-можеть и сердце застыло его,
Не протянеть страдальцамъ онъ руки...
И быть-можеть, когда онъ поеть про любовь,
И весь міръ заключасть въ обѣты,
Не взволнуетъ его ни позоръ и ни кровь,
Не захочеть смягчить онъ проклятья...

Онъ какъ вѣтеръ свободенъ... Ни трудъ и ни гнетъ
Незнакомы ему, какъ невзгода,
А послушай, какъ онъ вдохновенно поетъ:
Мать свободы! Явися свобода!
Онъ фразеръ—не поэтъ... Настоящій поэтъ,
Слегъ живымъ и сокрылся въ могилу:
Онъ созналъ, какъ ничтоженъ и мелокъ напѣть свѣтъ,
И не тратить священную силу...
Но наступить пора... Пробудится пророкъ,
Какъ орелъ распахнетъ свои крылья...
Будетъ пѣть и громить безпощадно порокъ,
Будетъ всѣхъ проклинать за насилия.

Одушевленная природа.

Когда земля заснетъ въ тиши завороженной
И ризой Богъ одѣнетъ небосводъ
И поцѣлуетъ любви, весь страстью окрыленный,
Мечтаніе небесъ кощунственно прервать,

Я знаю—въ этотъ мигъ волшебного покоя
Любовь и трудъ перенесли грозу,
И хоры ангеловъ имъ лѣчать раны боя,
Цвѣты несутъ душистую слезу.

Когда-жъ земля дрожитъ отъ громовыхъ ударовъ,
И нападаетъ вѣтеръ на лѣса,
А небеса, полны безчисленныхъ пожаровъ,
Слѣпять безжалостно огнемъ глаза,

Я знаю—въ этотъ мигъ стихійного волненія
Любовь и трудъ поруганы; во тьмѣ
Пытаютъ страшно ихъ и грубая мученія
Наносятъ имъ въ безсмысленной тюрьмѣ.

И вновь тоскую я, на сердцѣ снова жутко
И не надѣюсь я, увижу-ль вновь лазурь?!

Мнѣ кажется: навѣкъ сіяніе разсудка
Загасяты стоны этихъ грозныхъ бурь...

О Т Д Ы ХЪ.

Оконченъ день труда и мукъ и униженія...
На смѣну ночь въ нашъ міръ красавица грядеть,
Она несетъ дары волшебнаго забвенья...
Поконченъ цѣлый рядъ мучительныхъ заботъ.
Я дома у себя... Царить вездѣ отрада...
Замолкъ и стихъ давно столичной жизни адъ...
Повсюду полумракъ... Дрожитъ, горя, лампада,
Святые образы привѣтливо глядѣть.
Надѣла ночь на все фату и покрывало,
Все успокоилось, забывши тяжкій трухъ,
Отъ мукъ душа моя больная отдыхала,
И грэзы дивныя и рѣютъ и плывутъ...
Какая тишина въ углу моемъ убогомъ!
Какъ весело мнѣ здѣсь, спокойно и свѣтло,
Я не сравню его и съ царственнымъ чертогомъ.
Здѣсь солнце счастія явилось и засило.
И здѣсь постигнула, что значить жить—трудиться;
Я измѣнилась здѣсь и стала тьмы врагомъ...
И обстановка вся и каждая вещица
Мнѣ ясно говорить о счастіи быломъ.
Оконченъ день труда и мукъ и униженія—
На смѣну ночь въ нашъ міръ красавица грядеть,
Она несетъ дары волшебнаго забвенья...
Поконченъ цѣлый рядъ мучительныхъ заботъ.

Одна изъ многихъ.

Она явилась къ намъ изъ дальняго селенья;
Деревни тишина шумъ столицы промѣняла
И обрекла себя на труда и на лишенья,
Мечтая здѣсь найти хоть отблескъ идеала.
И какъ ошиблася! Холодной и бездушной
Ей показалася надменная столица;
Она-жъ лѣтѣла въ своей мечтѣ воздушной
Участье встрѣтить здѣсь и честно потрудиться.
Но честно жить одной безъ денегъ и знакомства
Въ столицѣ мудрено... Повсюду униженья...
Повсюду требуютъ отъ васъ низкоуклонства,
Повсюду терпн, преграды и мученья...
Она нигдѣ у насъ не встрѣтила участья,
А деньги взятая замѣтила исчезали...
Работы нѣть совсѣмъ... Дни горя и несчастья
Вдали ее въ свои объятья поджидали...
„Что дѣлать?! Гдѣ искать совѣта и подмоги?“
Шептала дѣвушка съ безумною тоскою...
„Куда ни посмотри—и роскошь и чертоги
„А я стою одна съ протянутой рукой!..
„Сбылося все... Мечты разбились и прошли,
„Вдали виднѣется холодная могила...
„Лишенья горькія мнѣ сердце истерзали;
„Исчезло все навѣкъ; энергія и сила...
„И смерть голодная стоить передо мною!..
„Иль мнѣ идти, какъ вѣсъ, обычною дорогой?“
„И явно торговать своею красотою
„И быть камеліей презрѣнной и убогой!“
„Нѣть, нѣть!..“
Ее нашли уже остывшей на постели...
Кровь запеклась давно... Въ груди зияла рана...
Знакомые нашлись, притворно пожалѣли,

Что молодая жизнъ окончилась такъ рано...
Она явилась къ намъ изъ дальняго селенья,
Деревни тишина шумъ столицы промъняла
И обрекла себя на трудъ и на лишенья,
Мечтая здѣсь найти хоть отблескъ идеала...
Нашла!..

Утопленницѣ.

Людскія сердца холоднѣе, чѣмъ волны,
Въ которыхъ нашла ты пріютъ,
Попрежнему грубымъ насилиемъ полны
Дороги, гдѣ борется трудъ.
Богатство глумится надъ тяжкой нуждою
И бѣдность позоромъ клеймить;
Законъ, напоенный любовью святою,
Поруганъ, осмѣянъ, забыть.
Ты хочешь опять на землѣ поселиться,
Страдать и томиться опять,
Чтобъ вновь за спасеніемъ къ волнамъ обратиться
И снова ихъ холодъ лобзать.

Подъ колесомъ.

Сколько напрасныхъ мученій,
Жизнь намъ даруетъ всегда...
Нѣть, не найти облегченій,
Нѣть, не смягчится бѣда!
Видѣлъ я: дѣвшушки руки
Въ зубья попали машинъ...
Словно имъ надобны муки,
Словно кровавыхъ картинъ
Души ихъ мертвяя просить.
Лучше-бъ узнали онѣ

Люди за хлѣбъ что выносять,
Жгутъ ихъ какіе огни?!

Гдѣ тутъ уроду бороться,
Пламя нужды загасить,
Даже порвать не придется
Сильнымъ ужасную нить!

Господи! Дѣвшкѣ честной
Гдѣ же работать безъ рукъ
Въ чуждой странѣ неизвѣстной,
Дышащей стонами мукъ.

И суждены подаянья,
Жизнь бездомовыхъ калѣкъ—
Это тому, чье желанье
Было трудиться весь вѣкъ!

Проклятие любви.

Я дочь несчастія! Не смѣеть грудь мою
Копье любви пронзить...
Любовь горячую въ себѣ я затаю,
Чтобъ послѣ не тужить

Я дочь несчастія, и дѣти для меня—
Кровавая роса!
Погубить и сожжетъ она ихъ безъ огня
И выѣсть имъ глаза.

Я дочь несчастія! Сулить мнѣ грозный адъ
Волненіе въ крови...
О, сердце, замолчи! Любовь—позоръ и ядъ
И хуже ласкъ змѣи.

Я дочь несчастія... Замучаетъ любовь
Меня—рабу труда...
Пусть стынеть безъ любви и леденѣть кровь
И грѣеть грудь нужда.

Я dochь несчастія! Любовь не для могиль—
Она имъ не вѣрна!..
Такъ пусть въ землѣ гніютъ остатки бурныхъ силъ
И днѣй моихъ весна.

* * *

Удалися, муза!.. не терзай поэта,
Онъ и такъ истерзанъ жизненной грозой;
Просить онъ забвенья, ласки и привѣта,
Хочеть отдохнуть онъ, смятый весь борьбой.
Истомили сердце страшныя страданья...
Злоба и коварство надломили грудь...
Не сбылися грезы... Не сбылись мечтанья...
Впереди лишенья и тернистый путь...
Соловей и звѣзды и царицы-розы
Не прельщаютъ сердце честнаго пѣвца;
Стихъ его исполненъ ядовитой прозы,
Какъ святое слово грознаго бойца...
Но для битвъ суровыхъ, нужно много силы,
Нужны перерывы, отдыхъ и покой.
Чтобъ подъ сѣнь холодной и сырой могилы
Не унесъ бы пѣсенъ нашъ поэтъ съ собой...
Удались же, муза,—не терзай поэта,
Пѣсни печали, мести мигомъ оборви...
Просить онъ забвенья, ласки и привѣта,
Просить чудныхъ звуковъ нѣги и любви.

Оружіе уродовъ.

Низкая злоба уродовъ надѣла на тѣло наряды...
Гады пируютъ всегда подъ защитой гробовъ;
Всѣ одѣянья—оковы, оружье досады...
Чуждъ красотъ настоящей стыдливый покровъ...
Чудныя линіи мраморныхъ бюстовъ открыты:
Нуженъ для вора развитый до недуга слухъ;
Полныя груди всегда обнажаютъ Хариты,
Плотно скрываютъ отжившіе сонмы старухъ...
Грѣхъ и насилие кругомъ порождаютъ одежды;
Много онъ налагаютъ безпутныхъ заботъ...
Вводятъ въ обманъ, обѣщаю блаженство надежды
Тамъ, гдѣ дряблость съ позорнымъ уродствомъ
живетъ.

Сила любви и красоты.

Съ непорочнou грудью малютка
Разметалась на ложѣ моемъ...
Ей со мною не, страшно, не жутко .
Снать, обнявшись во мракѣ ночномъ.
Гений свѣта приникъ къ изголовью...
Наші мысли чисты, какъ лазурь.
Мы хранимы святою любовью
Отъ огня оскверняющихъ бурь.
Нашу кровь не волнуютъ желанья,
Мы грязнить не желаемъ себя...
Насъ не жгутъ, не туманять лобзанья,
И мы любимъ, красотъ не губя...
Намъ невѣдомы прелести тѣла.
Мы сливаемся только душой,
И, прильнувши къ груди моей смѣло,
Снить малютка покойно со мной.

Кошмаръ.¹⁾

Возьмите ребенка: лицо его въ язвахъ объятій...
Онъ трудно такъ дышитъ, и слышатся тлѣные и
смрадъ.

Скорѣй скрохоните, чтобы мать не узнала проклятій,
Мнѣ тяжко! какъ силенъ преступно - забытый
развратъ;

Васъ ужасъ объялъ, и тревога вамъ руки сковала!
Спасите: отецъ я! Убейте такого отца.

Нѣть казни страшнѣй! Нѣть яростнѣй пытки и
жала.

Любить, содрогаясь, при видѣ родного птенца!
Покрыты глаза его слизью и съѣдены гноемъ,
Все тѣльце ребенка смертельная сыпь золотить...
Онъ жертва распутства, сожженъ упоительнымъ
зноемъ,

Что въ юные годы насыть бездной своей веселить...
Онъ призракъ! Онъ душить меня... Прочь, злое
видѣнье!..

Я слышу, какъ раны его говорять и грозятъ...
Онъ—призракъ—скажите?! Не вѣрю въ такія му-
ченія:

Онъ—роза! Уйдите! Вы въ комнату вносите смрадъ...

1) Это стихотвореніе помѣщается, какъ *устрешеніе* для
молодыхъ людей. Я увѣренъ, что оно многихъ заставитъ въ
будущемъ не относиться съ такимъ легкимъ сердцемъ къ
распутству.

Отрывокъ.

(Изъ Верлэна.)

Для древнихъ таинство печали
Скрывало непроглядный страхъ...
Его въ бессмертныхъ матеряхъ
Творцы искусства воплощали...
Перенести судьбу не смѣя,
Бессильна въ горести своей,
Въ слезахъ надъ трупами дѣтей,
Недвижный мраморъ—Нюбэя...
Потерей сына сражена,
Передъ страданіемъ во прахѣ,
Блуждаетъ, ищетъ словно плахи
Пріама вѣрная жена.
Но знаемъ мы иную мать!
Она безмолвно у Распятъ
И съ упованьемъ, безъ проклятья,
Умѣеть въ будущемъ страдать...
И въ день торжественный Сиона
Мы передъ праведнымъ судомъ
Въ Ея страданьяхъ обрѣтемъ,
Себѣ Заступницу у Трона.

Памяти Ницше.

На жизнь глядя орлинымъ окомъ,
Смѣялся ты надъ сожалѣніемъ...
Всю жизнь считая скорбь порокомъ,
Любовь казнить ты съ наслажденіемъ...
Ты умеръ, Ницше!.. сожалѣній
Твои насмѣшки не сгубили:
Богиня скорби, бурный гений,
Безумно плачетъ на могилѣ...

Обманутая.

Честь сожжена любовью пезаконной...
Я брошена: онъ жилъ со мной шутя!
О, какъ вскормить мнѣ грудью оскорбленной
Его дитя—проклятое дитя!
О, пощади, святое Провидѣніе!
Смягчи мой гнѣвъ, заставь меня любить,
Чтобъ не могла я—мать, безъ сожалѣнія,
Своей рукой ребенка загубить.

Небо было ясно... Звѣздочки, какъ глазки
Дѣвушки влюбленной, радостно блистали.
И, любуясь ими, я припомнилъ ласки,
Ласки дѣвы милой... И ко мнѣ слетали
Чудной вереницей свѣтлые видѣнія—
Грезы золотыя, сладостныя грезы...
На моихъ рѣсницахъ снова отъ волненія
Заблистали слезы, сладостныя слезы...
Мнѣ хотѣлось вѣрить въ призрачное счастье,
Вѣрить въ идеалы, вѣрить въ наслажденія,
Вѣрить клятвамъ милой и въ ея участье,
Ожидать съ терпѣніемъ жизни обновленья...
И опять на небо я взглянулъ, и ясно
Небо также было... Звѣздочки блистали...
Вдругъ меня обвили руки милой страстно...
Трепетныя губки усть моихъ искали...

Черепъ.

Ты устала... Не дышишь, родная,
Ткань прилипла къ высокой груди...
На лицѣ твоемъ полночь лихая...
Ты устала... Устала, родная... Грусти...
Полночь мрачно стоять изваяньемъ...
Тихо стонуть больные часы...
Что, скажи, съ твоимъ нѣжнымъ дыханьемъ?!—
Ты ужалена влагой росы?!
Ты ревнуешь... Ты мнози недовольна,
Что огонь мой въ могилу зарыть!
О, какъ грустно, печально и больно!—
Ты боишься зеленыхъ ракить?
На столѣ ея черепъ... Ревнуешь?!
Онъ страдалъ, наслаждаясь со мнози...
Что съ тобою?! Ты молчишь—не цѣлуюшь...
Тѣло—гробъ у тебя золотой!..
Полночь мрачно стоять изваяньемъ...
Слышишь шорохъ? О, ужась!—тамъ шорохъ,
Гдѣ вѣсъ розами черепъ покрыть...
Встань... откинь съ себя шелковый пологъ...
Ты боишься зеленыхъ ракить?!
Вновь молчанье... Въ груди моей жало...
Какъ мнѣ душно, какъ страшно!! Ты спишь?..
Вспыхнула свѣтъ... Она мертвой лежала,
А на черепѣ темная мышь.

Я началъ привыкать, чтобы дома ждалъ меня
Влюбленный взоръ жены, чтобы вечеромъ за чаемъ
Болтали мы вдвоемъ о неудачахъ дня,
А полночи приходъ былъ ласково встрѣчаемъ...

Такъ странно мнѣ теперь за этимъ-же столомъ
Безъ друга отдыхать подъ ропотъ самовара,
Былое кажется мнѣ невозвратнымъ сномъ,
А настоящее—созданіемъ кошмара.

О с е н ь.

Осень наступила... Мрачной пеленою
Небеса покрылись; дождикъ моросить,
И туманы ходятъ низко надъ землею,
Голый лѣсъ печально о быломъ шумитъ...
Травка пожелтѣла, и цвѣты завяли;
Штички разлетѣлись въ теплые края,
И въ садахъ синицы грустно запицали,
Замѣнивши трели, пѣсни соловья...
Въ сердцѣ, охладѣвшемъ отъ тоски и муки,
Нѣтъ мечтаній чудныхъ; взоръ блеститъ слезой...
Отъ сомнѣній—пыткъ опустились руки,
Смѣты стихійной, жизненной грозой...
Тяжко, если вспомнишь, что придется обратно
Фея-чаровніца—красная весна,
А въ разбитомъ сердцѣ будетъ также внятно
Нотою печальной все звучать струна.

Предчувствіе.

Близокъ послѣдній и грозный мой часъ:
Трупъ мой снесутъ на кладбище...
Бѣдные черви! жалѣю я васъ:
Жалкая будетъ вамъ пища...
Трупъ мой снесутъ на кладбище...
Раны замолкнутъ и сердце замретъ...

Духъ перестанеть томиться...
Будеть далеко таинственный гнетъ,
Станеть, какъ смерчъ, огъ клубиться,
Духъ перестанеть томиться;
Въ души проникнетъ безумныхъ людей,
Сердце наполнить отравой;
Будеть глумиться надъ жертвой своей,
Тихо застонеть неправый:
Сердце наполнить отравой...
Близокъ послѣдній и грозный мой часъ:
Трупъ мой снесутъ на кладбище...
Бѣдные черви! жалѣю я васъ:
Жалкая будеть вамъ пища...
Трупъ мой снесутъ на кладбище.

П ъ с н я.

Я устрою кровать изъ травы и цвѣтовъ,
Положу на нее мою милую;
И таинственный лѣсь будеть вѣрный покровъ:
Клевету онъ не пустить постылую.
Только страстно листвой запшумить,
Заворожить мою ненаглядную;
И смягчить она дѣвичій стыдъ
И прильнеть ко мнѣ съ ласкою жадною...
И замолкнетъ вблизи соловей,
Онъ смущать не захочеть насъ пѣнiemъ,
И волна ароматныхъ грудей
Мысль затонить безумнымъ смятенiemъ.
Загорятся отъ нѣги глаза,
И засвѣтятся зорькой ланиты...
Отъ истомы заблещетъ слеза,
Будуть горе и муки забыты...
овнаженные нервы.

И густой и таинственный лѣсъ
Трепетать будетъ страстно вѣтвями,
А луна съ безмятежныхъ небесъ
Усыплять насть своими лучами.

С о нъ.

Мы очнулись во мракѣ могилы...
Одуряющій запахъ цветовъ
Воскресилъ наши мертвые силы,
Пробудилъ отъ томительныхъ сновъ...
Дай мнѣ воздуха, дай, дорогая!
Пламень сердца въ землѣ затуши...
Перестань говорить, вся сгорая,
О любви для спасенія души...
Я задохнусь... Оставь мое тѣло...
Пощади... Черви, черви ползутъ...
Безъ тебя гробъ сломаю я смѣло...
Не терзай... Разорви гибель путь...
Но она, умирая, сказала:
Задыхайся въ объятьяхъ моихъ...
И на грудь мою страстно припала...
И я счастье болѣю постигъ...
Ея руки упали, какъ плети...
Я свободенъ... О, счастіе!.. Нѣть!
Я попался въ прекрасныя сѣти
И замру въ нихъ... Противень мнѣ свѣтъ...

* * *

Я не люблю тебя въ минуты наслажденій,
Когда трепещешь ты въ объятіяхъ моихъ
И просишь ласкъ въ пылу волшебныхъ упоеній,
Забывши про весь міръ въ тотъ чудный, сладкій
мигъ.—

Твои глаза блестятъ отъ нѣги, сладострастья,
Вздымается твоя высоко, страстно грудь,
А губки алые смыются, дышать счастьемъ,
Желая вновь и вновь къ устамъ моимъ прильнуть...
Тогда ты для меня, о милый другъ, чужая;
Вакханка, а не ты, стоить передо мной—
Она меня зоветъ, волнуясь и сгорая
Отъ страсти пламенной, на пиръ веселый свой!..
Я жду, когда пройдутъ безумье, увлеченье,
Когда воспрянешь ты великою душой;
Захочешь вновь пойти за правду, убѣжденья
Въ неравный грозный бой съ невѣжествомъ и
тѣмой.

Я первый преклонюсь тогда передъ тобою,
И гимны въ честь тебя съ восторгомъ запою,
И буду жить тобою, дышать тобой одною,
И кончу жизнь, какъ ты, погибнувши въ бою!

Изъ Гейне.

Со сводовъ таинственной урны
Глядять очи духовъ мигая,
Ихъ взоры угрюмо-безбурны,
Въ нихъ прелесть видна неземная.
Какъ бѣдные люди ничтожны
Съ любовью своей быстротечной:
Въ ней радости кратки и ложны,
Страданія делятся въ ней вѣчно.
Взгляните: съ природой согласно,
Мы въ холодѣ нашемъ блаженны...
Намъ вѣчные дни—неизмѣнны,
Намъ вѣчное счастье безстрастно.

* * *

Я истомленъ душевною тревогой,
Навѣкъ лишенъ волшебныхъ чувствъ и силь,
Бреду одинъ тернистою дорогой,—
Неравный бой мнѣ сердце изсушилъ!
Я, какъ пловецъ, застигнутый грозою,
Противлюся разгнѣваннымъ волнамъ;
Хочу открыть съ безумною тоскою
Глаза, глаза всѣмъ видящимъ слѣпцамъ!
Но волны бьютъ, вздыхаютъ все выше...
Челнокъ разбитъ, идеть ко дну пловецъ...
И гибну я, и сердце бьется тише...
Разбита грудь, и наступилъ конецъ...

Наказаніе.

Богиня меня увѣнчала короною
И блескомъ покрыла алмазовъ своихъ,
И тогой волшебною, тогой зеленою
Укрыла сіянье порывовъ моихъ.
„Какъ смѣль ты“,—шептала богиня чудесная,—
„Любить и бояться поклонницъ моихъ...
„За это пусть кара постигнетъ тѣлесная
„Тебя и отравить божественный мигъ...
„Вся жизнь твоя будетъ—молчанье безстрастное,
„И жены осыпать упрекомъ лицо,
„И будетъ для труса волненье прекрасное
„Позоромъ и станетъ давить, какъ кольцо...
„Тебя наградила я съ дѣства величіемъ:
„Красою волшебной и тѣломъ зарницъ...
„Тебя одарила надменнымъ обличіемъ
„И много тебѣ приготовила жрицъ.
„Ты могъ бы любить и губить безнаказанно
„Весталокъ, вакханокъ и иѣжныхъ супругъ,
„И я бы тебя охраняла несказанно,

„И факель любви никогда-быть не потухъ...
„Но ты убоился преступного счастія
„И мнѣ измѣнилъ, перестать быть жрецомъ...
„Такъ гибни: зажглися огни сладострастія,
„Болѣзнь обвилася змѣю—вѣнцомъ...
* * *

Полно... полно!.. Зачѣмъ отраженьемъ
Дней печальныхъ тревожить себя;
Предаваться унылымъ сомнѣньямъ,
Молодыя желанья губя.
Все кругомъ торжествуетъ!.. Природа
Жизни новой и мощной полна,
На землѣ вновь явилась свобода;
Все согрѣла дыханьемъ весна...
А печали твоей нѣть исхода!..
Всѣ воскресло. Сады и луга
Скоро будутъ покрыты цвѣтами...
Посмотри, какъ, играя лучами,
Свѣтить солнце, цѣлуетъ снѣга;
Страстно плачутъ они, и ручьями
Слезы лются журча и шумя.
Теплый вѣтеръ гуляетъ по волѣ,
Забѣгаешь въ лѣса и поля;
Клонить къ низу деревья, о долѣ
Имъ счастливой своей говоря...
Возвѣщасть, что время настало:
„Солнце ярче, пурпурнѣй заря.
„Отъ кольчуги, отъ брони, забрала
„Совершенно свободна земля...—
„Вы опять расцвѣтете, какъ прежде!..“
И деревья, тѣмъ пѣснямъ внемля,
Распускались; повѣривъ надеждѣ,
Позабыли про выюги, мороозъ;

Позабыли, что вътеръ сердитый
Самъ же холодъ въ страну къ нимъ принесъ
И съ улыбкою злой, ядовитой
Нападеть на нихъ осенью вновь...
Такъ воспрянь же душою разбитой,
Ободрись и забудь про любовь,
И съ печалью вступи въ бой открытый
И взволнуй, взгорячи свою кровь!..

* * *

Она отдается шутя,
Когда передъ нею дитя...
Она его любить за глазки,
За трепетъ руки молодой,
За нѣжные, чистые глазки
И запахъ груди огневой.
Она отдается шутя,
Когда передъ нею дитя...
Но гнѣвъ ея страшенъ и дикъ,
Когда передъ нею стариkъ...
Она его губить, лаская,
Огня не щадить своего
И, мертвыя губы лобзая,
Она не глядить на него.
Но гнѣвъ ея страшенъ и дикъ,
Когда передъ нею стариkъ.

Любовь крестьянки. *)

(Быль).

„Нѣть, баринъ, не болтай пустого, не болтай!
„Какая я жена?! Всѣ куры засмѣютъ...

*) Означенное стихотвореніе очень многимъ покажется искусственнымъ, поддѣльнымъ. Но я смѣю увѣрить всѣхъ, что я самъ лично наблюдалъ подобную исторію.

„Осудять всѣ тебя! Родныхъ я знаю, чай,
„Они не любять нашъ простой, крестьянскій людъ...
„Люби меня, покуда я, покуда молода,
„Ласкай меня, пока не надоѣло...
„Забудь, что плачу я... Слеза у насть вода...
„Женой не буду я... Гуториши ты не дѣло!
„Смѣшная буду я... Надъ глупостью моей
„Смѣяться стануть всѣ... Простая, скажуть, дѣвка,
„И стала барыней... Охъ, страшною змѣей,
„Мнѣ въ сердце заползеть ихъ злобная издѣвка!
„Отравить счастіе, соколикъ дорогой!..
„Ты будешь сожалѣть, попреками засушишь:
„Зачѣмъ я съ дурою связался, моль, такой,
„И въ душенькѣ своей любовь ко мнѣ заглушишь.
„А я, вѣдь, жить хочу, хочу тебя любить,
„Ласкай меня тайкомъ и не лишай покоя
„И перестань меня хоромами манить,
„И сердце не смущай мое ты ретивое...
„А если Богъ пошлетъ намъ малое дитя,
Люби и не бросай и научи его,
Чтобы оно, совсѣмъ въ наукѣ возростя,
Какъ я, не плакало отъ счастья своего.

Мольба къ смерти.

(Отрывокъ).

Прелюдія.

Мнѣ жизнь не нужна послѣ медленной смерти
Страстей моихъ въ тѣлѣ умершемъ моемъ.

Когда грудь не дышить безумнымъ огнемъ.

О, смерть, приходи, приходи—ты дороже
Червонцевъ и женщины роскошно-нагихъ...
Я стражду, тебя ожидая на ложѣ,
Потухнемъ, замершемъ отъ нѣгъ неземныхъ...
Сними съ себя, милая, мантю тлѣнья
И бѣлыя кости всѣ тѣломъ покрой...
Вдохни въ себя жизнь и ея наслажденія
И пѣсню любви торжествующей спой...
И кровь пробуди мою мертвую въ жилахъ,
Сожги блескомъ глазъ безнадежно-больныхъ,
Чтобъ я наслаждаться, какъ прежде былъ въ силахъ,
Дрожать, забываясь въ объятьяхъ твоихъ...
Я знаю, ты будешь, какъ геній прекрасна,
Какъ демонъ безчестна, лобзая меня.
Я знаю, что гибель отъ нѣги ужасна,
Но я не сгорю отъ такого огня...
Мнѣ хочется снова упиться любовью
И женщину-смерть увидать предъ собой,
Чтобъ руки мои обагрилися кровью
Чтобъ былъ мнѣ понятенъ весь ужасъ живой...
Пусть грудь молодая покроется тлѣнiemъ,
Пусть черви начнутъ твои ноги точить...
Съ какимъ наслажденiemъ, съ какимъupoенiemъ
Я буду дыханье изъ устъ твоихъ пить...
И буду смотрѣть, какъ провалятся глазки,
Блиставшіе мнѣ, освѣщавшіе путь,
И мракъ, ожидающій мерзостной ласки,
Проглянетъ изъ нихъ и сожжетъ мою грудь...
И я упаду бездыханный, и скрежетъ
Зубовъ обнаженныхъ оглушить меня...
Рука костяная мнѣ горло изрѣжетъ,
И кровью напьюсь я, тебя не кляня.

Призраки.

Беастрастная луна на мрачномъ небосклонѣ,
Богиня молодыхъ, осмѣянныхъ гармоній...
Увы! твой бѣлый лучъ не обольстить меня!
Я слышу голоса—сверкая и звения,
Они летятъ ко мнѣ, они растутъ и крѣпнутъ...
Врываются огни—въ сіяны очи слѣпнутъ,
Закрывъ глаза, я жду—десятки сильныхъ рукъ
Меня, обнявъ, влекутъ; дрожа отъ страстныхъ мукъ
Свиваюсь, какъ змѣя, тянуясь назадъ къ кровати
И вотъ перехожу въ обѣянья изъ обѣятій.

Отчаяніе.

(Отрывокъ).

Надѣяться найти конецъ своихъ мученій
Въ любви святой не могъ: я женщину пыталъ
И не нашелъ я въ ней здоровыхъ наслажденій
И только загрязнилъ свой милый идеалъ.
Просить, молить людей принять во мнѣ участье
Не въ силахъ больше я,—я знаю напередъ,
Что каждый, не понявъ, въ чемъ состоить несчастье,
Меня, какъ злой глупецъ, враждебно осмѣять.
Искать въ религіи нельзя себѣ спасенія,
Мнѣ въ душу заползла невѣрія змѣя,
И я смотрю на все съ улыбкой сожалѣнья
Но скоро, скоро жизнь окончится моя...

Видѣніе.

Я въ минуты холодныхъ лобзаний зарѣзалъ её...
Стонъ отъ боли сливался со стонами страсти...
Ночь страдала: лишилася ирака и власти...
Пробуждалася жизнь, замирало сознанье моё.
Изъ пронзеннаго горла на пышную, мертвую грудь
Кровь текла безпрерывной и алой струею...
Ночь сражалась за жизнь и за царство съ зарею,
Но заря не сдавалась, и ночь уступала ей путь.
Красотою мучительной смерти я быть опьяненъ,
Пораженъ быть тоскою застывшаго взора

И горячее солнце пронзило лучами укора:
Я узналъ, что мое преступленье болѣзnenный
сонъ...

Проклятье.

Проклятие! Любить и сознавать безсилье,
Откликнуться на вопль ужасный: „помоги“
И говорить, лѣча израненныя крылья:
Оставьте! я усталъ... Безчисленны враги.
Проклятье! Видѣть стыдъ измученной паденьемъ
Красивой женщины и мигомъ не унять
Безуміе въ крови и снова съ упоенiemъ
Ей раны наносить и снова оскорблять...

Проклятье! Видѣть мощь безоблачнаго неба,
Стремленіе къ нему всѣмъ сердцемъ понимать,
Но за позоръ заботъ о черствой коркѣ хлѣба
Проклятие одно и къ небу посыпать...

Д. В. Григоровичу.

Полвѣка мыслить, жить, страдать,
Любить душою всей искусство
И чудной рѣчью, полной чувства,
Къ добру и правдѣ призывать,—
Держать всю жизнь въ рукахъ весло,
Смирять стихійная теченья,
Не загасить къ добру стремленье,—
Такъ жить, всѣ знаютъ, тяжело...
Рѣка—величія полна—
И та въ полвѣка высыхаетъ;
Ее, какъ все, уничтожаетъ
Стихіи грозная волна...
Прими-жь въ день свадьбы золотой
Отъ насъ привѣтъ и выраженье
Любви, восторга, восхищенья,
Писатель—жрецъ земли родной!
Ты воспарилъ теперь орломъ;
Твои бессмертныя творенья,
Твои труды и убѣжденья
Забыть живительнымъ ключомъ!
И будутъ жизнь давать рѣкамъ,
Освѣтять мрачныя дороги,
Чтобъ всѣ могли мы безъ тревоги,
Какъ ты стремиться къ небесамъ!

Памяти Надсона.

I.

Арфа разбита... И чудные звуки
Вихремъ по ней не промчатся опять...
Умеръ пѣвецъ... Прекратилися муки...
Умеръ... Не будетъ сердца волновать...
Много онъ вынесъ наスマѣшекъ, позора;
Много его окружало враговъ...
Ласки не встрѣтилъ и нѣжнаго взора

Въ мірѣ у насть—у живыхъ мертвѣцовъ...
Пѣсни его мы забыли при жизни!
Чести и правдѣ онъ въ пѣсняхъ училъ,
Быть онъ примѣрнымъ слугою отчизны,
Близкихъ, какъ братьевъ своихъ, онъ любилъ...
Умеръ онъ честно, какъ воинъ въ сраженьи,
Видя, что злобнымъ врагамъ нѣть конца...
Умеръ поэтъ... И въ слѣпомъ озлобленыи,
Память почтить не желаемъ пѣвца...
Сердце сгорало отъ мелкаго чувства...
Гордость въ душѣ у насть вѣчно жила...
Труженикъ бѣдный святого искусства
Правъ не имѣлъ насть карать за дѣла!..

II.

Тяжело!.. Опускаются руки...
Каждый день мы хоронимъ борцовъ!..
Кто, скажите, смягчить наши муки?!
Кто замѣнить друзей—мертвѣцовъ?
Нѣть!.. Покрылися мракомъ надежды...
Торжествуетъ повсюду Бааль!..
„Взоръ ласкаютъ повсюду невѣжды“
И забыть, оскверненъ идеалъ!..
Лучъ зари не блеститъ въ отдаленъи...
Тьма окутала міръ нашъ кругомъ...
Въ смерти ищутъ всѣ люди спасенія,
А людышки сживаются съ зломъ...
Честь и правда, бояся нахальства,
Удалились съ презрѣнной земли...
Слышны крики вездѣ самохвальства:
Въ роли пошлость и глупость вошли!..
О, какъ счастливъ ты, братъ незабвенный!,
Ты правдиво свой путь совершилъ!..
Ты угасъ, какъ борецъ вдохновенный,
И ушелъ подъ защиту могилъ!

* * *

Наступает весна-чаровница.
День подросъ... Уменьшилась ночь.
Такъ, начнемъ же — начнемъ веселиться
И мечтать, моя милая дочь!
Посмотри, какъ привѣтливо солнце
Смотрить съ чудныхъ лазурныхъ небесъ
И бросаетъ свой лучъ къ намъ въ оконце!..
Обновился весь міръ!.. Мракъ исчезъ...
О, поди же, моя дорогая,
Полюбуйся на Божью красу
И, быть-можеть, весна золотая
Обласкаетъ тебя и росу
Ниспошлетъ на тебя обновленья,
Какъ на скромный цвѣтокъ полевой,
Чтобъ онъ жилъ, доставлять наслажденья,
Украшая природу собою...
Прекратятся, исчезнутъ мученья;
Ты успѣешь, какъ роза, расцвѣсть,
И, повѣрь, что весна избавленья
Принесла всѣмъ чудесную вѣсть!..
Принесла и свободу и счастье,
Какъ богиня, съ собою она...
О, я знаю, природы участье
Исцѣлить тебя вновь — ты больна.
Такъ довѣрься!.. Природа, въ объятия
Заключивъ тебя, къ жизни вернетъ!..
Ты забудешь злой рокъ и проклятия
И тяжелый, убийственный гнетъ;
Ты воскреснешь... Утихнуть страданья,
Горесть въ сердцѣ навѣки замреть
И проснутся въ груди всѣ желанья!..

Забытая книга.

Забытая книга!.. Вся пылью густой
Волшебная книга покрылася:
Изложена въ ней геніальной рукої
Вся правда, чтò міру открылась!
Но всѣ позабыли ее. И она
Въ нашъ вѣкъ не достойна вниманья...
По свѣту гуляетъ свободно волна
Насилья, борбы и стяжалья...
Въ нашъ вѣкъ и великое имя творца
Бесмертныхъ, святыхъ вдохновеній
Достойно названья лжеца и глупца,
Достойно позорныхъ глумленій...
Забытая книга караетъ порокъ
И жжетъ своимъ огненнымъ словомъ...
Вѣщаетъ, что явится скоро пророкъ
И правда въ владычествѣ новомъ...
Но эти волшебные звуки небесъ,
Сокрыты въ книгѣ, забыты...
Забыты!.. Но свѣтъ ихъ совсѣмъ не исчезъ,
И смыслъ и значеніе открыты.

Памяти Кольцова *).

(Посвящается русскимъ дѣтямъ)

Прошло полвѣка, дѣти,
Какъ умеръ наппъ Кольцовъ;
Онъ въ память много чудныхъ
Оставилъ вамъ стиховъ.
И пѣлъ онъ про отчизну,
Про русскій нашъ народъ,

*.) Читано извѣстнымъ артистомъ К. на одномъ изъ литературныхъ вечеровъ въ память 50-лѣтія смерти Кольцова.

Про радости и горе
Его, про трудъ и гнетъ.
Про пахаря, какъ въ полѣ
Съ лошадкой пашетъ онъ,
Про мысли всѣ и думы,
Которыми онъ полнъ.
Онъ пѣлъ вамъ про несчастье,
Безпечность мужика,
И какъ до разоренъя
Довелъ сонъ бѣдняка.
Про тяжкія кручины,
Страданія сиротъ;
Про ихъ тоску, что сердце
Имъ, какъ змѣя, сосетъ.
Онъ пѣлъ про рожь и ниву,
Про ширь степную, мощь;
Про шопотъ и про тайны
Тѣнистыхъ, темныхъ, рощъ,
Про чудное сіянье
Луны, пѣснь соловья.
Про говоръ, тихій лепеть
Бѣгущаго ручья.
Повѣдалъ вамъ желанья
И пѣсни жницъ, жнецовъ;
Про силу и про удаль
Лихихъ степныхъ косцовъ.
Повѣдалъ про стремленья
Къ свободѣ и любви,
Про горе и страданья
Жестокія свои.
Про грусть свою и долю,
Про ненависть людей!
Про думы и мечтанья
Въ безмолвіи ночей.
И долго-бѣлъ пѣлъ онъ, дѣти,
Но злой недугъ сразилъ

Его, и онъ скончался
Въ расцвѣтѣ моцныхъ силъ.
Не вынесъ онъ мученій,
И грозныхъ бурь-тревогъ
И умеръ, не допѣвши
Намъ всѣхъ своихъ стиховъ.
Почтемъ же память, дѣти,
Поэта и народъ
Полюбимъ всю мыслью,
Какъ иѣсно, что зоветъ
Васъ облегчить страданья,
Несчастія людей
И Русь, какъ мать родную,
Любить душею всеятъ.

Въ веселомъ домѣ *).

(Истинное происшествіе).

Какой ты миленький, хорошенький, дитя!
И вдругъ, какъ всѣ, пришелъ ко мнѣ! Зачѣмъ—
учиться
Безстыдству мерзкому?! Ты, можетъ-быть, шутя
Забрелъ къ развратницѣ?! То не забудь, что
сжиться
Не долго, милый другъ, съ позоромъ и со зломъ...
Ты заплатилъ... Тебя пустили... Наслажденье
Доставлю я тебѣ... Но помни, что потомъ
Тебѣ не устоять предъ массой искушеній...
Нѣть! лучше уходи!.. Невинность, милый другъ,
Новремени терять... Причиню паденья

*) Въ этомъ стихотвореніи умышленно не соблюдается цезура.

Мнѣ тяжело служить. Такихъ, какъ я, подругъ
Отыщешь много ты, безъ всякаго сомнѣнья...
Но ты лежишь... Не хочешь уходить къ другимъ
И грудь мою своими чистыми руками
Ты гладишь и дрожишь... Лобзаніямъ твоимъ
Нѣть и конца. Какъ жарь, горячими устами
Ты дышишь на меня... И взоромъ чудныхъ глазъ
Ты просишь у меня блаженства и обѣятья...
Бери-жъ меня скорѣй, но помни, что сейчасъ
Достоинъ ты, юнецъ, и моего проклятъя!..

Воскресенье *).

Были Святки... Тяжелыя муки
Истерзали, сломили меня,
Опустились усталыя руки
Отъ трудовъ пережитаго дня...
Мрачный демонъ тоски и сомнѣнья
Влилъ мнѣ въ душу мертвящій свой ядъ,
Отравилъ мои думы, стремленья,
А изъ жизни моей сдѣлалъ адъ...
Что-жъ я медлю?! Въ холодной могилѣ
Обрѣту я блаженство, покой!..
Неужель у меня нѣту силы
Хладнокровно покончить съ собой!?.
Вотъ револьверъ... Никто не мѣшаетъ,—
Я одинъ... Все замолкли кругомъ;
Только вѣтеръ шумитъ, отпѣваетъ
Мои думы о счастьи быломъ...

*) Семь постѣдныхъ стихотвореній этого отдѣла написаны
мною въ пору самой ранней юности, точное воспроизведеніе
которой, если такъ можно выразиться, приложено къ книгѣ
въ видѣ *портрета-наброска*.

Нѣть, довольно, довольно!.. Спасеня
Не найти въ жизни пошлой, пустой!..
Я усталъ... И, дрожа отъ волненя,
Взялъ револьверъ холодной рукой...
Но блуждающій взоръ мой случайно
На кивотъ съ образами упалъ:
Освѣщенный лампадой, печально
На меня Богъ-Страдалецъ взиралъ...
„Образумься!“—вѣщалъ мнѣ съ тоскою
Взоръ пречистый, смиренный Христа:
„Что свершить ты задумалъ съ собою—
Пріди подъ защиту креста!
„Ты забылъ Мой завѣтъ и ученье;
„Позабылъ, что за правду, любовь
„Я пріялъ оскорбленья, глумленья
„И пролилъ на крестъ Свою кровь...
„Такъ смирись... Ты найдешь облегченье,
„Беззавѣтно и страстно любя...
„Посвяти же всю жизнь на служеніе
„Людямъ-братьямъ, отвергнувъ себя...
„Обрѣтешь ты и цѣль и значеніе
„Въ жизни, полной тревоги и бѣдъ,
„Если будешь сносить все съ терпѣньемъ,
„Давъ незлобія вѣчный обѣтъ...
„Такъ прозри!..“
Я прозрѣлъ. И, Христомъ просвѣтленный,
Предъ иконой Его я упалъ
И, отъ смерти ужасной спасеный,
Я рыдалъ, какъ ребенокъ рыдалъ...
И молился съ тоской, съ сокрушенѣемъ,
Какъ давно не молился ужъ я,
И далъ клятву сносить все съ терпѣньемъ,
Сложить душу за други своя!..
Я созналъ, что такъ жить невозможно,
Какъ я жилъ, никого не любя,
Что безсмысленно, глупо, безбожно

Признавать и любить лишь себя...
И смягчились сомнѣнья, тревога...
Сталъ понятенъ мнѣ жизни удѣлъ,
И, надѣясь и вѣруя въ Бога,
Жить я страстно опять захотѣлъ.

Отрывокъ изъ романа.

Улица была до Леонтьевскаго переулка безлюдна и пуста... Но далѣе начинались Содомъ и адъ. Мелькомъ посмотрѣлъ онъ на эти пьяные и циничные „картузы и платки“, которые шли, покачиваясь и обнавившись „любовно“, по тротуарамъ. „И это тоже развратъ и любовь и порокъ, красивый порокъ!“ прошепталъ онъ... „Нѣтъ! Я начинаю немного сомнѣваться въ силѣ и въ особенности въ „красотѣ“ разврата!.. Эта грязь, подлая грязь не чаруетъ меня! Я во всемъ желаю видѣть красоту... Можетъ-быть и въ этомъ есть красота—я только не понимаю ся!..“ Лихачъ мчался какъ бѣшеный... На-встрѣчу попадались такие же лихачи... Они, какъ сказочные чудовища, проносились мимо, погружая мысль въ нирвану... Скучно, мрачно было на его душѣ... Хотѣлось погрузиться въ небытіе... Хотѣлось умереть въ объятіяхъ красиваго порока, а вокругъ грязь, мерзость, зловоніе!.. Страшно жить безъ вѣры даже въ добро зла... Вотъ Тріумфальныя ворота!.. Счастливый юноша, изображеній на нихъ вверху!. Онъ не живетъ... окаменѣлъ... Смѣло, отважно держитъ онъ въ твердѣхъ рукахъ монетныхъ коней... Не знаеть онъ ни бѣзразія, ни грязи, ни людей... Онъ видитъ всегда въ руѣ себѣ одну красоту—небо, одну свободу: равнодушіе, вѣчность, окаменѣлость!.. А лихачъ, какъ юноша на Тріумфальныхъ воротахъ, летитъ, летитъ, ни о чѣмъ не думая, не страдая... Онъ знаетъ, что везетъ „щедраго“ барина и летитъ, летитъ какъ стрѣла...

Мои афоризмы.

Поэзия—раба и царица.

Человекъ тѣмъ и величественъ, что онъ склоненъ къ раскаянью, и нѣтъ такой свиньи, которая бы, въ концѣ-концовъ, не созналась бы, хоть себѣ по секрету, что она свинья.

Не убивай, если ты потомъ въ состояніи будешь оплачивать свою жертву.

Ученіе о непротивлѣніи злу есть уже противлѣніе ему.

Только тотъ вѣнокъ прекрасенъ, въ которомъ живые цвѣты переплстаются вмѣстѣ съ мертвыми бессмертниками.

Сейчасъ же послѣ рожденія ребенка женщина теряетъ свои прекрасныя формы; сама природа приказываетъ ей ради дѣтей отказаться отъ собственныхъ наслажденій.

Поэзия есть „очеловѣченный языкъ боговъ“.

Мысль идеяного поэта, какъ осеннее солнце, свѣтить, но не грѣсть.

Чистая и тенденціозная поэзія! Безусловно, брилліантъ не такъ полезенъ въ обыденной жизни. Но кто предпочтеть булыжникъ брилліанту?! Кто будетъ читать Некрасова, а не Пушкина?

Пользоваться протекціей—значитъ предпочитать черный входъ парадному.

Рискъ—благородное, но въ кориѣ не доброе начало.

Недостижимый идеалъ самопожертвованія безъ искренней преданности ему—мертвъ; когда же проводить его въ жизнь, не зная ея, онъ преступенъ.

Хотя мертвому все равно, но я не хотѣлъ бы умереть зимой; пока я живъ, я не могу представить себѣ, что миѣ не будетъ холодно!

Если природа не виновата, что люди злы, то люди, какъ продукты природы, и подавно.

Не логика и иправда предписываютъ жизни, а жизнь имъ.

Творить зло и выдавать за зло -- полгоря; но творить добро, зная, что оно принесетъ зло—вотъ настояще преступлѣніе.

Полная инкуриная обеззначенность при голодѣ другихъ безиравственна,—какъ же назвать людей, стремящихся только къ ней?..

Безумные хотѣли наказать Сократа смертью, а доставили ему величайшее наслажденіе: умереть за правду своихъ словъ.

Сладострастіе утомляетъ глаза, укрощающіе льва.

Гдѣ есть красота, тамъ нѣтъ ни добра ни зла.

Въ раю я буду мечтать объ адѣ; въ аду — о раѣ безмятежномъ.

Фантазію мою проводить въ жизнъ смѣшино, но и жизнъ передъ ней ничтожна и смѣшина.

Нѣть выше наслажденія, какъ быть постоянно на волосокъ отъ смерти.

Иной человѣкъ не совершаетъ преступленія потому, что даже самыя смѣлые изъ нихъ оскорбили бы своимъ ничтожествомъ его грозное и злое воображеніе.

Когда сладострастъ спорить съ любовью, то первое побѣдить.

Зло только видимо, а на самомъ дѣлѣ его нѣть.

Красота — корона; любовь зажигаетъ на ней бриллианты.

Мы ненавидимъ и осуждаемъ въ другихъ людяхъ самихъ себя.

Грустно умирать тому, кто интересуется не однимъ только собой.

Музыка вѣщасть о смерти-свободѣ, а пѣнье — о пошлости и страсти земной.

Я за то презираю себя, что давно не убилъ себя.

Учить идіота, чтобы продолжить его существованіе въ ущербъ умнымъ людямъ, глупо.

Бойся слушать сплетенія и въ особенности передавать ихъ по секрету, иначе тебя самого авторомъ ихъ назовутъ.

Дать толчокъ безграничной фантазіи, но не обезоруживать мысль читателей *своей фантазіей* — вотъ назначеніе настоящаго, чистаго искусства.

Если бъ покупка женщины и наслажденіе ею, какъ вещью, не сопряжены были съ униженіемъ человѣческаго достоинства, развратъ не былъ бы такъ силенъ и пріятенъ.

Люди ненавидятъ чужую власть надъ собою, а сами всегда стремятся къ ней.

Не строй въ юности надежды на пескѣ — въ старости построишь каменные палаты.

Красота — казнь и месть въ приличіяхъ застывшему уму.

Безумцы всегда обвиняютъ поэта за развратныя и вредныя, по ихъ мѣнію, мысли, но чѣмъ онъ виноватъ?! Поэтъ порой, какъ море, гроза, буря, наноситъ вредъ, но кто же обвиняетъ стихію?!

Страданія возвышаютъ человѣка. Поэтому развратъ, какъ одинъ изъ источниковъ муки, долженъ быть терпимъ.

Кто хоть разъ оскорбилъ человѣка сознательно, тотъ подлый звѣрь.

Отъ несчастія душа и волосы становятся бѣлыми.

Преступникъ требуетъ помощи скорѣй, чѣмъ честный человѣкъ.

Правда, которая ведеть человека къ гибели, должна быть уничтожена.

Если будешь всегда съ людьми, то не свои будешь знать пороки и недостатки, а ихъ.

Умирающей червякъ дрожитъ отъ наслажденія, если видѣть, что съ нимъ вмѣстѣ гибнетъ другой.

Видѣть въ мукахъ падшихъ женщинъ одно только наше лѣкарство—подло.

Даже старыя женщины въ искусстве должны быть молодыми и красивыми.

Какъ ни обсуждай гибель ближняго съ точки зреінія своей пользы, но если ты человѣкъ, эта гибель не дастъ тебѣ послѣ жить.

Во всякомъ преступлѣніи, если его нельзя избѣжать, должна быть красота.

Гдѣ живетъ любовь, тамъ пышно цвѣтетъ зло.

Я не боюсь смерти, но страшусь, что въ червяхъ я продолжу свою дальнѣйшую земную жизнь.

Мое сердце — жертвенникъ сладострастія, мои жилы — вакханки, а мой мозгъ — разбитая рояль.

Мать, рождающая дѣтей въ мукахъ, любить ихъ за страданія; отцу дѣти мѣшаютъ наслаждаться.

Я боюсь проявления мимолетныхъ добрыхъ чувствъ: они ослабятъ мою мысль, но не отвлекутъ меня отъ злобнаго пути.

Находящемуся всегда въ дурномъ обществѣ кажется, что нѣтъ хорошаго.

Только для человѣка съ душой и нравственнымъ мышленіемъ существуетъ загробный міръ.

Посредственная среда, какъ моль, постепенно уничтожаетъ умъ у крашаго человѣка.

Холодъ и жаръ выдумали больные и изгнѣженые люди.

Я бываю очень счастливъ, если знаю, что кто-нибудь тщетно мечтаетъ, что обманула меня.

Любить вѣчно невозможно, но каждый человѣкъ можетъ жить мигомъ, промчавшагося метеоромъ, счастія.

Если ты можешь хотѣть мечтать о любви и семье — ты уже необыкновенно счастливъ.

Начиная любить женщину, я уже впередъ прощаю ей измѣны, какъ припадки проклятой человѣческой патологии.

Кто въ другомъ исправляетъ свои собственные грѣхи и тѣмъ спасаетъ его отъ несчастій, тотъ достоинъ всякаго уваженія.

Поэтъ, какъ цветокъ, умирая во-время, приносить роскошный плодъ.

Ученіе Толстого оскверняетъ жизнь, уничтожая честный гибель.

Дайте мнѣ оковы, засадите меня въ темницу, чтобы я могъ жить хотя надеждой на освобожденіе.

Художнику не нужна грамотность, какъ ее понимаютъ пошлыя люди, — она вредитъ только *грамотности въ красотѣ*.

Не злые чувства заставляютъ художника рисовать дикія и откровенныя картины изъ его жизни, а жажда публичнаго раскаянія и казни.

Декадентъ испавидитъ настоящія, пошлыя, жизненные условія и ищетъ удовлетворенія въ несуществующихъ грезахъ, находящихся въ видимаго міра.

Умные люди даже свою глупость заставляютъ чтить.

Что лучшее: зло, дающее въ итогѣ добро, или добро — зло?

Только одна злоба на себя можетъ довести до самоубийства.

Искореняя зло зломъ, ты изъ крови дѣлаешь грязь.

Я силѣ не противлюсь, но не потерплю, чтобъ она глумилась надо мной.

Только при убѣжденіи, что жизнь — безпрерывное страданіе, и можно еще жить.

Мнѣ средства нужны для того, чтобы виѣшній міръ не налагалъ оковъ на мой внутренній.

Современный молодой человѣкъ отнимаетъ у женщины здоровье, а она у него—умъ.

Медицина вредна: она поддерживаетъ хилые организмы, а они даютъ больное потомство.

Добродушный смѣхъ—самый оскорбительный.

У меня красота культурная: иѣть ухода за ней, и она пропадаетъ.

Мстить злодѣю можно только добромъ: такая месть гораздо ужаснѣе.

Мы дошли до того, что продающіяся женщины хвалятся своимъ ремесломъ и явно смѣются надъ мужчинами и ихъ трудомъ.

У кого любовь борется съ долгомъ, тотъ не имѣть настоящихъ: ни любви ни долга.

Деньги—самая нужная и ненужная для жизни вещь.

Самолюбіе — уточненная глупость; себялюбіе — первобытный умъ.

Высшія существа, чтобы напрасно не утруждать себя, могутъ жить за счетъ низшихъ.

... Надшая женщина одна смягчаетъ своей лаской грубыя сердца бездомныхъ бродягъ; безъ нея они не знали бы восторговъ обладанья...

Я хочу въ мученіяхъ другихъ смягчить свои невыносимыя страданія.

Какъ завидна судьба вѣтреюженницы! Она всегда можетъ любоваться какими угодно ландшафтами и не утомлять своихъ глазъ скучнымъ однообразіемъ.

Для геніального писателя не существуютъ плохихъ и подозрительныхъ сюжетовъ: то, что выливается изъ подъ его пера, все прекрасно.

Слезы Плѣшиваго Чорта.

(Сатира и юморъ).

Кто умышленно будетъ смѣшивать
произведенія этого шутливаго отдѣла
съ моими серьезными венцами, того я
буду преслѣдоватъ какъ клеветника.

Авторъ.

Сатира.

Pro domo suo.

Въ жизни много неумѣстнаго,
Жизнь безъ мысли есть угаръ;
Пусть же „искры“ смѣха честнаго
Разгораются въ „пожаръ“,
И пусть „зарево“ зловѣщее
Пробуждаетъ тѣхъ, кто спить;
И пусть слово наше вѣцее
Будеть правды вѣрный щитъ.

Гуттенбергу.

(По поводу 500-лѣтнаго юбилея.)

Сотни лѣтъ промчались, какъ станокъ печатный
Ты, ревнитель свѣта, миру подарилъ...
Слышишь славословье, слышишь гимнъ нашъ
внѧтный—
Мы не забываемъ тѣхъ, кто намъ служилъ...
Только жаль, что геній твой хулять порою
И печатнымъ словомъ сѣютъ только зло,
Но, что будешь дѣлать съ лютою змѣю:
Въ міръ для всѣхъ тварей солнышко взошло!

Всюду псевдонимъ.

По бумагамъ онъ сынъ генерала,
И гордится онъ званьемъ своимъ,
Но отцу его мать измѣняла,
И на дѣлѣ отецъ—псевдонимъ. . .
По протекціи въ службу зачисленъ,
Quasi-сынъ генерала былъ глупъ...

Онъ въ рѣчахъ былъ наивно-безсмысленъ,
А въ дѣлахъ безгранично былъ тупъ.
Но не прочь былъ доносы порою
На своихъ сослуживцевъ строчить,
Псевдонимомъ всегда, какъ горою,
Прикрываясь, чтобы лучше чернить.
Былъ уволенъ со службы безъ чина,
Взялъ супругу съ приданнымъ-большимъ,
Но отцомъ его первого сына
Былъ какой-то другой псевдонимъ.

З Л О С Т Ъ.

(Посвящается нашимъ линерамъ) *).

Міръ мой и живеть для меня!
Я умеръ, и міръ весь исчезъ...
Лишился сердце огня:
Не вижу я куполь небесъ.
Что горе ничтожныхъ людей?!
Въ немъ жизнь я свою находилъ,
А сгинулъ—замрите: теплѣй
Мнѣ будеть во мракѣ могилъ...

*) Прошу г. Михайловского (критика) не принимать этого стихотворенія глубоко къ сердцу. Въ первомъ изданіи моей книги я шутя назвалъ сего многодумнаго и совершенно одряхлѣвшаго мужа лже-либераломъ, за что и былъ съ пѣной у рта, въ серъезъ, назвалъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ Ноздревымъ, хватающимъ за икры танцующихъ женщинъ. Нежели г. Михайловскій логически допускаетъ, что называть его лже-либераломъ и хватать за икры женщинъ—одно и то же! Если это такъ, то не мѣшало бы критику но-время обратиться къ одному извѣстному профессору, собиравшемуся мѣнять испорченные мыслительные аппараты на свѣжие—юные. Тѣмъ болѣе это необходимо г. Михайловскому, что онъ стоялъ на какомъ-то славномъ посту или, какъ я уже гораздо раньше сказала: на стражѣ птицшиной и куриной нравственности.

Вы землю надъ прахомъ моимъ
Смягчите: цвѣты расцвѣтутъ!
Посадить, съ притворствомъ большимъ,
Ихъ дѣва, лишившия путь...
Польеть ихъ слюною она,
Всю грубость припомнивъ мою,
И скажетъ, коварства полна:
„Ага! Хоть теперь заплюю!“

В а м п и р ы.

(Посвящается „огнедышащимъ“ поэтессамъ бальзаковскаго возраста).

(Д а л о гъ).

О нъ.

Что возьмешь, моя прелестъ, съ меня
Провести ночь со мной безъ огня?!

О на.

Чтобъ ты умеръ въ объятьяхъ моихъ
Въ этотъ чудный и сладостный мигъ.

О нъ.

Да, мы вмѣстъ съ тобою сгоримъ,
Если буду на мигъ я твоимъ.

О на.

Смерть близака... Я готова... Идемъ,
Но умремъ мы съ тобою вдвоемъ.
овиаженные нервы.

О нъ.

Если страсть не убеть, такъ кинжалъ
Насъ загубить съ тобой наповалъ.

О на.

Смерть близка... Я готова... Идемъ...
Но умремъ мы съ тобою вдвоемъ.

О нъ.

Жизнь—мгновенье, а ночь такъ длинна,—
Нашъ позоръ обласкаетъ она.

Памяти Крылова.

(По поводу 50-летия его смерти).

Спишишь ты полвѣка въ холодной могилѣ,
Дѣдушка добрый Крыловъ,
Басни жъ твои мы, повѣрь, не забыли,
Другъ и дѣтей и отцовъ.
Юнъ и прекрасенъ, какъ прежде, твой гений,
Онъ не подвластенъ годамъ:
Даромъ волшебныхъ живыхъ вдохновеній
Свѣтишь, какъ прежде, ты намъ.
Въ басняхъ своихъ ты собралъ со вселенной
Птицъ и различныхъ звѣрей,
Но, къ сожалѣнью, пѣвецъ незабвенный,
Въ нихъ узнаемъ мы людей.
Въ нихъ поселились знакомыя лица,
Въ нихъ мы друзей признаемъ,
Хочется снова предъ тѣмъ преклониться,
Же гъ кто пороки огнемъ!
Кто заклеймилъ своей трезвой сатирой
Гнусныя рѣчи лѣстеца,

Кто исправлялъ своей честной лирою
Душу проходи-лжеца!
Дѣдушка милый! ты въ басняхъ такъ вѣрно
Родь нашъ людской рисовалъ,
Кажды оселъ себя, скажемъ примѣрно,
Мигомъ въ „Остѣ“ признавалъ!
Добрый Крыловъ! Мы гордимся тобою,
Ты всей Россіи краса,
Ты открываешь, другъ, мыслю святою
Людямъ порочнымъ глаза!
Слава твоя разнеслася повсюду,
Честь твое имя народъ!
Басня жъ, какъ прежде, глаза колеть люду
Правдой и къ правдѣ зоветъ!

Миръ тайнъ *).

(Посвящается критику-декаденту А. Волынскому).

И горю весь въ огнѣ: не входите ко мнѣ!
И обѣять славнымъ подвигомъ пекла:
Выпускается лентою Гекла!
Не входите ко мнѣ: я горю весь въ огнѣ!
Всѣ микробы дрожать—ихъ смущаетъ раскатъ:
Океанъ низверзается въ фонѣ...
Не тревожьте меня вы на лонѣ!
Быть набатъ, и клокочеть убийственно гадъ.
Не пугайте дѣтей, не бросайте сѣтей!
Поклонитесь пугливо закону,
Всѣ подвержены этому стону!
Не бросайте сѣтей, не пугайте дѣтей!

*) Стихотвореніе это такъ же трудно постичь, какъ и всѣ „желтые“ писанія г. Волынскаго-Флексера.

* * *

Нѣтъ, муга, уходи!.. Прошло златое время!
Пѣснь честная, повѣрь мнѣ, больше не нужна;
Явилось жалкое и пошленкое племя:
Для нихъ пѣснь горькая противна и страшна!
Пѣвецъ-пророкъ, пѣвецъ, измученный сомнѣньемъ,
Для нихъ, пойми, пустой и жалкій человѣкъ!
Они, они его готовы съ озлобленьемъ
Стереть съ лица земли, заѣсть короткій вѣкъ!..
Душа у нихъ пуста: нѣтъ правды, нѣтъ и вѣры!..
Пропой имъ пѣснь, гдѣ есть луна и соловей,
И гдѣ-бѣ безъ отдыха, на разныя манеры,
Поэтъ бы тѣшился съ возлюбленной своей.
Они тебя поймутъ, они тебя полюбятъ
И назовутъ пѣвцомъ заоблачныхъ небесъ,
За глупости твои, бездарность не осудятъ,
И скажутъ: пѣснь его есть чудо изъ чудесъ!..
Но если вадумаешь за зло и преступленья
Каратъ пустыхъ людей и пробуждать отъ сна,—
Тебя осудятъ всѣ на страшныя мученья,
И будешь чашу пить ты горькую до дна!

С м ъ х ъ.

Глубокій смѣхъ—моя стихія...
Бросаю желчные стихи я
Тому, кто правды не пойметъ,
Кому противенъ шумъ острогъ...
Кто мухи даже не обидѣлъ
И въ ней подругу жизни видѣлъ

И все засиживалъ порою
Въ союзѣ съ мухой дорогой...
Кому противенъ разумъ *вздорный*,
Кто голосъ совѣсти задорной
На предразсудки размѣнялъ—
Натурой—крѣпокъ, духомъ—вялъ.

Онъ молодъ былъ.

Онъ молодъ былъ—сурою и жестоко
Каралъ за зло безсовѣстныхъ людей;
Глядѣлъ на жизнь осмысленно, высоко
И тосковалъ въ безмолвіи ночей...
Живя прескромно, тихо, одиноко,
Имѣлъ враговъ, но не имѣлъ друзей,
И чистыя и свѣтлые стремленья
Лишили сна его и чуднаго забвенья...
Теперь онъ старъ... И муки и видѣнья
Оставили его... Забылъ онъ идеалъ...
Потухъ огонь святого вдохновенія,
Но по ночамъ, какъ прежде, онъ не спалъ...
Его не мучили вопросы и сомнѣнья,—
Онъ ихъ, какъ старецъ, злобно презиралъ—
Не спить, не спить онъ по другой причинѣ:
Язвить его клопы и блохи нынѣ.

* * *

Люди правдивые—вѣчные странники,
Горемъ убитые, злобой сраженные!
Вѣчно скитаетесь вы, какъ изгнанники,
Страшной борьбою вконецъ истомленные.
Кто же обрекъ васъ на эти мученія?..
Правда-ль открытая? честность примѣрная?..

Или же васъ тяготить преступлениe?
Или терзаетъ васъ гордость чрезмѣрная?...
Нѣть, истомила васъ битва бесплодная...
Чужды вамъ гордость и ненависть вздорная,
Мучить васъ злоба людская, холодная,
Подлость безмѣрная, подлость позорная.

Индійское сказанье.

„Если любишь до забвенья
И страдаешь цѣлый вѣкъ
И въ молитвѣ наслажденье
Обрѣтешь—ты человѣкъ!..“
Такъ индійское сказанье
Говорить... Въ немъ я узналь
Настоящее призванье,
Милый, чудный идеалъ...
И любить сталъ безконечно
Ложь, безбожіе и грязь,
Уважать всѣхъ сталъ сердечно,
Кто со зломъ имѣеть связь...
И страдать я сталъ ужасно
И безумно сталъ рыдать,
Если дни кончалъ несчастно
Другъ мой вѣрный... ловкий тать...
И прожить такъ идеально
Я мечтаю цѣлый вѣкъ,
Но позвольте... досконально,
Неужель я человѣкъ?!

Цвѣты Анчара.

(Дневникъ „умалишеннаго генія“).

Посвящается всѣмъ „чепушистымъ“ новаторамъ“
искусства.

I.

Единственное утѣшеніе.

Если бъ творенья мои были понятны толпѣ,
Я погубилъ бы себя за ничтожность созданій моихъ!..

II.

Огонь и воду и мѣдныя трубы прошель...

Изъ объятій безумныхъ людей
Перешелъ я въ объятья червей...
Испыталъ теперь все я... Проклятья
Посылаю изъ гроба вамъ, братья!

III.

Романсъ.

Ты прекрасна какъ вялое тѣло старухъ,
Говорящихъ, про грезы
И розы,
Чтобъ сильнѣе казнился подкупленный другъ.
Ты прекрасна какъ свистъ оскорбляющей лозы,
Что съчетъ нѣжныхъ слугъ...
Вѣрный слухъ
Заставляетъ меня обезсиливать слезы.
Ты прекрасна какъ гнусныи и тайныи недугъ,
Искривляющей поэзіи
Мимозы...
Ты прекрасна: ты тѣло и духъ!

IV.

Мочалка.

Наивность славненькой дѣвчурки,
О, какъ прекрасенъ женскій стыдъ
И сколько нѣгъ онъ намъ даритъ!..
Ему мечети строять турки.
Наивность дѣвственной малютки...
Мнѣ горько, снѣжно, горячо,
А дѣва страстно такъ плечо
Цѣлуется.—Сторожъ, гдѣ ты?—„Въ будкѣ“...

V.

Эхо.

Плынутъ зеленыя кадрили
Полу-изношенныхъ чертей...
Оркестръ гремитъ сильнѣй, сильнѣй:
Во всемъ разгарѣ балъ въ могилѣ...
Ты слышиши: головы хрустять
И пьетъ нашъ мозгъ противный гадъ...
Ты знаешь: насъ живѣемъ зарыли!

VI.

Сирена.

Ты цѣпь, укрытая въ цвѣтахъ,
Но я порву цвѣты-оковы:
Витаетъ смерть въ твоихъ очахъ,
Твои предательства такъ новы!..
Уйди... какъ шелестятъ покровы!

VII.

Крылья мертвой бабочки.

A.

Какъ пріятно старуху лобзать, и мечтать, что лобзаешь прекрасную дѣву!

B.

Испѣли мои раны порочною кровью холодныхъ, яа скрягу похожихъ, блудницъ.

VIII.

Nocturno.

Звѣзды плыли по рѣкѣ...

Сышенъ шумъ былъ вдалекѣ:
Умри...

Сышенъ шумъ былъ вдалекѣ...
Мы съ тобою на членокѣ
Зари.

Грудь покрылъ твою лишай—
Обо мнѣ ты не рыдай
Съ огнемъ.

Обо мнѣ ты не рыдай...
Мы про полныи грусти раб
Поемъ...

Запахъ! вонъ скорѣй изъ тѣлъ!
Ты дрожишь, ты помертвѣлъ,
Мой духъ!

Ты дрожишь, ты помертвѣлъ!..
Ты такъ гордъ, прекрасенъ, смѣлъ...
Тамъ лугъ...

IX

Ложная наука.

Ядовитые трупы танцуют,
Ядовитые трупы кричать;
На ихъ персяхъ туманы гарцуютъ.
А изъ усть вырываются чадъ.
Они умерли всѣ отъ волненъя,
Отъ безумныхъ и наглыхъ рѣчей;
Отъ удавовъ, что губятъ моленъя
И горючую нѣгу очей...
Изъ могиль поднимаются звуки,
Почва мерзнетъ отъ мыслей лихихъ,
И надменная тупость науки
Отравляетъ таинственный мигъ.
Не поймутъ одряхлѣвшія дѣти
Суety окровавленный мечъ
И усталыя, мертвыя сѣти
Ниспадаютъ съ болѣзненныхъ плечъ.
Пѣна страсти трепещетъ, какъ зорька,
На потухшихъ отъ муки небесахъ...
Жизнь рыдаетъ о счастіи горько...
Кровь гнѣтъ на холодныхъ устахъ.

Памяти Салтыкова-Щедрина.

Твоя чудная, мощная лира
Безпощадно громила порокъ!
Ты защитникъ былъ чести и мира—
Убѣжденный, могучій пророкъ!
Въ своемъ сердцѣ добро возлелѣя,
Ты, какъ грозный и злой Ювеналь,
Безпощадно клеймиль фарисея,
Нечестивыхъ разилъ и каралъ;

Ты былъ добръ и отзывчивъ душою,
Но всѣ рѣчи и пѣсни твои
Проклинали съ безумной тоскою
И смиряли шипѣнья змѣи.
Но ты умеръ... И свѣтлого слова
Не услышимъ, пѣвецъ, отъ тебя,
Не ободришь ты пѣснею снова,
Какъ огнемъ „мракобѣсцевъ“ губя...

Фальсификація.

Фальсификація повсюду,
Фальсификація вездѣ!
Она грозитъ въ столицѣ люду
Во всемъ: въ напиткахъ и ъдѣ!
Но съ этимъ можно-бѣ было сжиться —
И съ пищей скверной жизнь красна!
Обидно только жить, трудиться,
Когда повсюду фальшь видна!
Куда ни ступишь—всюду гадость,
Куда ни сунешь носъ—обманъ!..
Поддѣльны стали: горе, радость,
Поддѣльны:—умникъ и болванъ!
Фальсифицируютъ свободу,
Фальсифицируютъ любовь...
Въ рѣчахъ сочувствіе народу—
На дѣлѣ пьютъ его же кровь!
Кричить невѣжда о наукѣ,
И плутъ волить про идеаль...
И воръ, нагрѣвши ловко руки,
О правдѣ воетъ какъ шакаль!
Поэты хнычутъ съ вдохновенiemъ;
Въ стихахъ ихъ—стонъ, въ душѣ—пожаръ,
А сами мыслять съ упоенiemъ
Слупить побольше гонораръ!

Фальшивы братскія объятья,
Уловка — страстный поцѣлуй...
Правдивы только: ложь, проклятья,
Безъ маски: извергъ и холуй!..

Моя характеристика.

Я тотъ, кто пьетъ ведро сивухи,
Сидить по мѣсяцамъ въ Титахъ *),
Я тотъ, кого людскіе слухи
Всегда рисуютъ въ... дуракахъ.
Я тотъ, чья рожа украшаетъ
Духи Брокара и мыла **),
Я тотъ, кого Москва ругаетъ...
Какъ отъ чумы бѣжитъ хвала.
Я въ буркѣ лѣтомъ и зимою
Хожу по граду, словно тѣнь!..
За буйство бьють меня порою,
Но это, право, дребедень...
Я — другъ притонамъ всѣмъ московскимъ,
Я — грозный бичъ столичныхъ фей:
Моимъ присутствiемъ чертовскимъ
Наполненъ воздухъ всѣхъ частей.

Благотворительность и московскія мостовыя.

(„Мораль“ и проектъ).

Я не вѣрю въ чистокровную благотворительность нашихъ купцовъ-кулаковъ. Ихъ родословное дерево заставляетъ меня сомнѣваться въ чистотѣ ихъ порывовъ. Говорятъ — яблоко отъ яблонинедалекопадаетъ...

*) Московскій арестный домъ.

**) Мой портретъ въ видѣ „Демона“, приложенный къ первому изданію книги, былъ купленъ фирмой Брокарь и К° и выдавался покупателямъ въ видѣ преміи къ духамъ и мыламъ.

Что-же можетъ добраго произойти отъ *п.юда*,
прадѣдъ котораго былъ поддѣлыватель кредитныхъ
билетовъ, а мать—содержательница пансіона безъ
древнихъ языковъ!

Но вы скажете: для нась все равно, кто бы ни
благотворилъ—онъ вѣдь дѣлаетъ добро.

Немного не такъ.

Тогда и разбойникъ, убивающій и грабящій лю-
дей, а потомъ раздающій „чужое имущество“ на
добрая дѣла, тоже благотворитель! Есть, конечно,
и чистокровные благотворители, но они, какъ исклю-
ченія, подтверждаютъ правило.

Въ большинствѣ случаевъ наши благотворители
сродни разбойнику...

По закону теперь нельзя брать болѣе 12% въ годъ.
Но для кулаковъ законъ не писанъ, или они его
умѣютъ обходить: скупаютъ по дешевымъ цѣнамъ
дома и страшно увеличиваютъ цѣны на квартиры!

Благородный, но бѣдный человѣкъ умираетъ, а
платить.

Да-сь, господа благотворители!

Вы сначала заэксплоатируете нась, заразите воз-
духомъ своихъ домовъ, а потомъ для нась и для
нашего большого потомства предупредительно по-
строите больницы. Эта *предупредительность*, вызывае-
мая на свѣтъ честолюбіемъ, фарисействомъ или же
раскаяніемъ—ваша прямая обязанность по отно-
шению къ намъ,—не больше.

Если уже мы дожили до абсурда, позволивъ быв-
шимъ рабамъ-лакеямъ явно глумиться надъ нами:
нарочно калѣчить, а потомъ для прославленія сво-
его имени *цѣлить*, то надо дойти до сознанія не-
обходимости этой *милостивой* благотворительности!

Но уважать ее..

Уважать ее могутъ только тѣ люди, которые смот-
рять на міръ и его дѣла сквозь розовыя очки!

Московская мостовая—дама распутная... Для исправления ея нравственности нужны деньги, а денегъ у города нѣть. Гдѣ-жъ ихъ взять?!

Я найду.

Обращусь къ вышеописаннымъ благотворителямъ. Зная же ихъ любовь къ прославленію своего имени, я заблаговременно выдумаю проектъ, а потомъ найду, за границей, „сверхъ-мостовщика“. Онъ не только разлѣлитъ московскую мостовую на части, назвавъ каждый кусокъ ея именемъ благотворителя-строителя, онъ... онъ...

Въ довершеніе всего онъ такъ расположитъ *мостильные* вѣчные камни, что когда по нимъ будутъ щѣхать, то на сидѣніи нашемъ будетъ ясно отбиваться имя благодѣтеля - строителя. Это „отбитіе“ будетъ такъ нѣжно, такъ сладко, что имена строителей нашимъ... сидѣніемъ будутъ отнесены къ самымъ великимъ людямъ вѣка.

Да, къ нимъ дѣйствительно не заастеть тогда народная тропа.

Актерскій цензъ.

(ПРАВДА О „БРИТОЙ АРМИИ“).

Въ трактирѣ средней руки за столомъ, установленнымъ пустыми бутылками и блюдечками съ совершенно съѣденной „казенной“ закуской, сидѣть четверо достаточно уже „загримированныхъ“ актеровъ.

— Цинзъ, цинзъ,—шепелявить еще совсѣмъ юный жрецъ искусства съ типичной „личностью“ офиціанта,—гиль все это!.. Напрасно подобной чепухой нашъ сѣѣздъ занимается... Цинзъ...

— Да не цинзъ, Вася, а цензъ, — поправлять его трагикъ среднихъ лѣтъ.—Цензъ—своего рода иатентъ.

— Патентъ,—возражаетъ юнецъ,—на кой чортъ артисту патентъ, когда онъ даже трактирщику не-навистенъ... Что я—полбутылка, что ли?!

— Не полбутылка, а „липовый“ актеръ,—вмѣши-вается въ разговоръ пожилой комикъ,—помнишь, какъ ты, въ дни своихъ первыхъ дебютовъ, писалъ антре-ренеру, что въ піесѣ: „О тѣлѣ“ ты играть не желаешь. Актеръ же съ цензомъ сказалъ бы: въ „Отелло“. Образовательный цензъ для актера, что ни говори, капиталъ...

— А на кой лядъ мнѣ вашъ капиталъ,—закри-чалъ совершенно пьяный другой молодой артистъ.— Влюбилъ въ себя богатую купчиху—вотъ вамъ и капиталъ... Купчиха самая лучшая реклама!

— А мнѣ и капитала не нужно, — возражаетъ вновь первый юнецъ. — Да ль въ ухо обругавшѣ тѣбя писакъ — вотъ тебѣ и реклама и цинзъ! За первый сортъ въ газетахъ отзвонять, такъ что и знаменитостью сдѣлаешься...

— И въ тигулевку попадешь... Нѣтъ, купчиха куда лучше! На ея деньги въ геніи произведутъ! Если же купчиха въ твои сѣти не попадеть, то дѣвчонку, примѣрно такъ лѣтъ 16-ти, соблазни, уволоки отъ родителей, да и того... завези въ тар-тарары и брось. Она живо возьметъ въ ручки чисто-летикъ—отъ любви, голода, холода грудь свою го-рячую простиригътъ... Лучше этой рекламы не сыскать! Не на сценѣ, а въ жизни первымъ любовни-комъ назовутъ!..

— Однако мнѣ пора,—сказалъ комикъ расплачи-ваясь.

Всѣ живо поднимаются съ своихъ мѣстъ и рас-ходятся.

Газета „Чего моя нога хочетъ“.

Передовая статья.

Римъ. Папа спить и видить во снѣ маму.

Фельетонъ.

„Тайна океана крови“.

Сенсаціонный романъ Н. Воровскаго-Плагіатова.

Глава I.

Онъ пилъ кровь, словно пиво. А пива онъ могъ випить 3 ведра въ день... Читатели! Вы представляете себѣ, съ какимъ великолѣпнымъ злодѣемъ вы имѣете дѣло!

Дневникъ происшествій.

Самоубійство отъ любви. Вчера застрѣлился молодой человѣкъ, 7 лѣтъ, отъ безнадежной любви ко вдовѣ титулярнаго совѣтника Тромбоновой, 67 лѣтъ.

Потеря носа. Г-номъ Х. потерянъ искусственный носъ. Нашедшаго просить возвратить по принадлежности. По снятіи съ него копіи, онъ будетъ возвращенъ *счастливцу* обратно для ношенія его на доброе здоровіе.

Злоба дня.

(Маленький фельетонъ въ стихахъ и прозѣ).

Недавно въ Питерѣ проворовалась въ одной кондитерской кассирша и „дала тягу“ съ предметомъ своей страсти.

Строчу въ восторгъ эти вирши:
Не все плуты одни кассиры,
Достойны вѣдь бича сатиры,
Теперь и женщины-кассирши.

Въ виду того, что на кладбищахъ назначаются любовныя свиданья, приказано по буднямъ кладбища запирать.

Любви мѣста и возрасты покорны!
Ея порывы благотворны...
И кладбище сверхъ ожиданій
Служить намъ стало для свиданій.

На-дняхъ на Лиговской улицѣ была арестована лошадь съ гробами. Кучеръ ея вмѣсто того, чтобы везти покойниковъ изъ больницы на кладбище, забѣжалъ въ трактиръ выпить малую толику. Лошадь сбѣжала и стала путешествовать съ покойниками по улицамъ.

Куда идемъ, мы этого не знаемъ,
Но чудныя дѣла повсюду мы встрѣчаемъ...
Покойники и тѣ — какое происшествіе!
По улицамъ и днемъ свершаютъ путешествіе.

МАЛЕНЬКІЯ ШПИЛЬКИ.

(О-ву покровит. живот, согласившем. безволнѣнно (?)
истреблять бродячихъ собакъ).

Счастье въ мірѣ беззаботнымъ...
Сочетаетъ же чудакъ:
Покровительство животнымъ
Съ истребленіемъ собакъ!

ВЪ АЛЪБОМЪ.

(„Самой“, увидѣвшей „самого“ на велосипедѣ).

Видно скоро міру крышка—
Дожила и я до бѣдъ:
Толстопузый мужъ мой Мишка
Вдругъ „возсѣлъ“ на „лосипедъ“.

„С а м о м у“.

(По поводу требованій указаній постояннаго мѣстожительства).

Ахъ, что мнѣ дѣлать, какъ мнѣ быть
Вопить купецъ въ истомѣ:
Когда приходится мнѣ жить
Всегда въ арестномъ домѣ!

П и съ м о въ Р Е Д А К Ц И ю.

Я не умеръ, а живъ, какъ сообщено въ вашей газетѣ. Покорнѣйше прошу помѣстить мое стихотвореніе-опроверженіе.

Я жилъ всегда съ смиреннымъ духомъ,
Журнальчикъ „Ребусъ“ издавалъ,
Не глазомъ видѣлъ духовъ—ухомъ,
О чемъ не разъ живописалъ.
Но о моей кончинѣ слухи
Проникли въ этотъ бренный міръ,
И взволновалися всѣ духи,—
Вѣдь духовъ былъ я командиръ.
„Папаша,—слышу подъ кроватью:
Духъ и туда залѣзъ—каковъ!—
„Вступите въ бой съ газетной ратью,
Скажите имъ: я живъ, здоровъ!
„Иначе „Ребусъ“ пострадаетъ
„И мы, сотрудники его:

„Нашъ сонмъ тотчасъ же утеряетъ
„Кормильца, друга своего“.
Съ почтеніемъ. Редакторъ-издатель „Ребуса“

В. Прибылковъ.

СРЕДИ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Газета „Помело“, обсудивъ животрепещущій вопросъ, сколько нужно сицильной кислоты, чтобы отравить... Ладожское озеро, занята теперь серьезнымъ вычислениемъ: сколько у клоповъ—зубовъ, а у блохи—требухи.

Листокъ „Швейцарь“ принялъ сверхчеловѣческое направленіе, и не мудрено: недавно его редакторъ, изъ бывшихъ смотрителей „кабинета задумчивости“ одного изъ нашихъ банковъ, прочелъ при совершенно полномъ... отсутствіи публики лекцію: „О вліянії скрипа сапоговъ пресловутаго Гауптмана на бракоразводныя дѣла лягушекъ въ Московской губерніи“.

МАТУШКА ПРОВИНЦІЯ.

(Отъ нашихъ собственныхъ корреспондентовъ.)

Нижній-Новгородъ.

Не все печалиться, плакать и тужить, надо немного повеселить читателей „печальными“ явленіями жизни, примѣняясь къ выражению русского поэта: „все это было бы смѣшно, если бъ не было такъ грустно“. Плоды нашей исторіи дѣйствительно сладки и велики, но корни иногда печальны, такъ какъ указываютъ на отживающій и все еще кое-гдѣ крѣпкій и живой бытъ многочи-

слениои „купеческой семьи“. Описываемая здѣсь исторія случилась уже два года, но огласку получила недавно. Богатый петербургскій купецъ М. поѣхалъ на ярмарку въ Нижній торговатъ и взялъ себѣ на подмогу испытанныго въ вѣрности старшаго приказчика и сыника единственнаго — саврасика „Шурочку“. Пробывъ нѣсколько дней съ ними въ Нижнемъ, сѧлъ по неотложнымъ дѣламъ уѣхалъ въ Москву. Денегъ сынику оставилъ въ обрѣзъ, чтобы хватило скромно прожить до конца ярмарки. Сынокъ же, почувствовавъ волю, сбросилъ виѣшнюю узду, чѣмъ обыкновенно отличаются забитыя дѣти купеческаго быта, и, увлекшись шансонеточной пѣвичкой, пришелъ въ игривое настроеніе и сталъ пропускать данныя отцомъ деньги, которыхъ хватило только на одинъ вечеръ. Пѣвичка его гонитъ, а купеческій сынъ страдаетъ: влюбился до зарѣзу! Денегъ же нѣтъ ни копѣйки. Что дѣлать? Выпросилъ самимъ Господомъ-Богомъ у старшаго приказчика четвертной билетъ, взялъ отцовскій фотографическій портретъ и отправился въ фотографію. Пришелъ и заявилъ прямо фотографу, что онъ желаетъ видѣть лицо карточки въ гробу, и что будетъ это стоить? Фотографъ прежде, чѣмъ согласиться на фокусъ, спросилъ, для чего ему нужно такое воспроизведеніе. „Видите-ли, отвѣчалъ купеческій сынокъ: этотъ господинъ намъ долженъ, а денегъ платить не желаетъ, такъ мы ему и придумали презентъ учинить: послать ему собственный ликъ въ усопшемъ видѣ, пускай, мазурикъ, отслужить панихиду по нашему капиталу, который онъ присвоилъ. Прошу васъ, сдѣлайте его покойникомъ да поскорѣй! — Можно?..“ — Конечно, можно! — отвѣтилъ фотографъ: глаза только придется подрисовать, чтобы казались закрытыми. Потомъ придется соответствующія декорации устроить, подходящія къ покойнику. За всю же работу могу взять три красицныя, меныше никакъ нельзя! — Саврасикъ даль задатокъ.

Черезъ два дня карточка была готова. Купецъ М. снять былъ лежащимъ въ гробу при всей обстановкѣ, — съ цвѣтами и свѣчами вокругъ. Невозмутимое спокойствіе царило на лицѣ „живого покойника“, изъ-подъ бородки виднѣлись 3 медали. Сынокъ уложилъ мертвый видъ папеньки въ конвертъ и отослать къ маменькѣ. Вмѣстѣ съ портретомъ „любящее чадо“ вложило письмо слѣдующаго содержанія: „Дражайшая маменька Настасья Сидоровна! Потрясенный гибелью папеньки отъ моментательного удара исчезновеніемъ съ полною кассою нашего приказчика Митрича, я посылаю вамъ драгоцѣнныи ликъ тятечки, лежащаго въ гробу, и прошу васъ немедленно сдѣлать по телеграфу переводъ въ койтору Юнкера 3000 р., чтобы я могъ благолѣпно распорядиться съ прахомъ моего неоцѣненнаго и безвременно погибшаго папеньки. Не убивайтесь очень, маменька, во всемъ происшествіи есть воля Божія. Вашъ по гробъ, стоящій у гроба, сынъ Шура“.

Съ купчихою М., получившою такого содержанія письмо, чуть не произошло обморока. Она хотѣлаѣхать сю-же минуту въ Нижній, но не могла по болѣзни тронутться съ мѣста. Немедленно переведены были на имя сына 3000 р., которые онъ очень скоро съ предметомъ пламенной любви и прокутиль. Онь даже забылся до того, что его для охлажденія отправили въ участокъ. Убитая горемъ купчиха М., ожидавшая прибытія „бренныхъ останковъ“ мужа, вдругъ увидала, что въ комнату вошелъ пріѣхавшій домой „самъ“, покойникъ. Вначалѣ, конечно, она испугалась, а затѣмъ испугъ смѣнился радостью. Самый же проступокъ купеческаго сынка, совершенный имъ при помощи фотографіи, былъ достойно оцѣненъ. Сынку дали порку при благосклонномъ участіи трехъ дворниковъ, а товарищи до сихъ поръ иначе не называютъ Шурочку, какъ „фотографъ“.

Какъ волка ни корми—смогрѣть онъ въ лѣсъ все будетъ,
И только до поры его удержитъ страхъ.
Онъ уваженіе, повѣрьте, къ вамъ забудетъ,
Когда не будетъ „длань“ стоять въ его глазахъ ..
Нужна покрѣпче связь не съ тѣломъ, а съ душою,
Чтобъ не считаться намъ впослѣдствіи съ бѣдою.

Кишиневъ.

До чего можетъ дойти провинціальная скука и отсутствіе умственныхъ человѣческихъ интересовъ, можно судить по слѣдующей неостроумной выдумкѣ, обратившейся изъ муhi въ слона и взволновавшей всѣхъ кумушекъ города Кишинева. Одинъ житель сдѣлался до того предметомъ всеобщаго вниманія, что сталъ просить полицію о „разгонѣ разныхъ праздношатающихся и любопытныхъ женщинъ отъ его параднаго крыльца“, у которого онѣ цѣлою толпою стояли, чтобы хоть однімъ глазкомъ взглянуть на него, а между тѣмъ онъ, предметъ ихъ любопытства, не былъ ни карликомъ ни великаномъ. Что же привлекало цѣлый легіонъ кумушекъ къ субъекту, ничего особеннаго изъ себя не представляющему и находящемуся, притомъ, въ преклонныхъ годахъ? Да распущеній слухъ, что онъ разрѣшился отъ бремени.. дѣвочкой. Находились даже свидѣтели, и чуть не повивальная бабка, присутствовавшіе при разрѣшеніи отъ бремени. У дома этого злосчастнаго „фокусника“ ежедневно происходили разговоры относительно его личности. Кто говорилъ, что онъ мужчина, такъ какъ имѣть солидную бороду и усы; кое-кто утверждалъ, что онъ женщина, такъ какъ у эфіопокъ, бываютъ также борода и усы. Какъ пишутъ, что подобная сплетня могла имѣть успѣхъ, но полиціи, для прекращенія разговоровъ, все-таки пришлось разъяснить, что послужившій предметомъ сплетенъ

господинъ — старый одинокій холостякъ, сдѣлавшій недавно доброе дѣло, взявъ къ себѣ на воспитаніе дѣвочку, которую ему ночью подкинули. Что-же касается до какого-то страннаго „кудахтанья“, раздававшагося по ночамъ въ его домѣ, то оно объясняется тѣмъ, что этимъ звукоподражаніемъ старый холостякъ, по неумѣнію, укачивалъ свою нареченную дочку.

Примѣта есть, хотя она стара,
Что совершить нельзя ни худа ни добра,
Чтобъ кто-нибудь, сверхъ ожиданья,
Не предалъ васъ на посмѣянье.

С п а с с и ъ.

Въ городѣ появился чортъ... кромѣ шутокъ. Стульямъ и столамъ надоѣло стоять на мѣстахъ, и они стали летать, полѣнья изъ печки — также. Одной хозяйкѣ дома попало по спинѣ палкой, а разъ утромъ, когда она неожидалась на кровати, чортъ угостилъ ее по лбу башмакомъ. Словомъ, чортъ „заѣхалъ“ далеко, хозяева привлекли полицію и — чудо! Чортъ, боясь прописки вида, совершиенно пропалъ. Бѣднякъ, должно-быть, паспортъ забылъ въ аду или безъ позволенія начальства отлучился. Но стоило только полиціи или вообще постороннимъ людямъ прекратить наблюденіе, уйти, какъ чортъ, пользуясь отсутствіемъ свидѣтелей, вновь принимался за свои прежнія глупости. Тогда домовладѣльцу было сказано, что его домѣ будетъ „раскиданъ по бревну, а черта разыщутъ“. Послѣ такихъ словъ чортъ, подобравъ хвостъ, окончательно исчезъ во-свои. Проказы свои, какъ оказалось послѣ, житель ада началъ съ каретнаго сараевъ, гдѣ спали взрослые дочери домовладѣльца, а затѣмъ, когда „невинныя“ и перепуганныя доинъ-

жуанскими похожденіями Мефистофеля дѣвицы перешли иочевать въ домъ, онъ не преминуть перенести свои похожденія и охоту—туда. Соль сей исторіи такова:

Чтобы избавиться отъ чорта,
Мы посовѣтуемъ отцу:
Всѣхъ дочерей „такого сорта“
Сосватать и вести къ вѣнцу.

Х а ръ к о въ.

Нѣкто И., отправляясь изъ Харькова въ Одессу, вышелъ изъ вагона на одной изъ многолюдныхъ станцій, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. И такъ увлекся счетомъ звѣздочекъ на небѣ и созерцаніемъ хорошенъкихъ станціонныхъ барышенъ, что незамѣтно поплатился бумажникомъ, въ которомъ были: 315 руб., вексель на 650 руб., визитныя карточки и письма. Не зналъ подлинно, гдѣ его обокрали, г. И никому о пропажѣ не заявилъ, продолжая по дорогѣ попрежнему наблюдать за звѣздами и барышнями. И. былъ человѣкъ очень богатый и на потерю мало обратилъ вниманія, но, возвратившись домой, въ деревню, засталъ на письменномъ столѣ почтовое объявленіе о цѣнномъ пакетѣ на 650 руб. Получивъ пакетъ и вскрывъ его, онъ нашелъ въ немъ вексель на 650 руб., похищенный у него, съ надписью на другой сторонѣ: „Безъ оборота на меня. Харьковскій ракло.“ Кромѣ векселя, было письмо слѣдующаго содержанія: „М. Г.! За 315 р. благодарю. Вексель за непадобностію возвращаю, какъ благородный и умный человѣкъ. Визитныя карточки съ вашимъ адресомъ выбросилъ. Письма вашей супруги возвращаю, письма же отъ миссъ Эвелины уничтожилъ, боясь, что они попадутъ женѣ и вамъ за нихъ будетъ трепка. Вообще вы, должно-быть, очень неосторожный человѣкъ: ну, можно ли при супружескихъ союзахъ имѣть подобныхъ огнен-

дышащихъ писательницъ, какъ г-жа Эвелина". Письмо „харьковскаго раклы" не подписано. Р. S. письма: „Хорошо, что въ вашемъ бумажнике оказались деньги, иначе я „щедро отплатить" бы вамъ и, заботясь о нравственности, переслалъ бы сіи любовныя письма вашей супругѣ".

Тебя не только обкрадутъ
Различные воришки,
Но даже проповѣдь прочтутъ,
Узнавъ твои интрижки.

Т а м б о въ.

Одинъ обыватель города, г. К., проведя весело ночь, возвращался домой очень поздно, то-есть скоро рано, такъ какъ солнце уже всходило. Въ головѣ у него шумѣло, на сердцѣ была такъ - называемая „послѣвыпивочная кошачья тоска". Зашелъ онъ по дорогѣ къ колониальному торговцу П. выпить на послѣдній пятачекъ кваску, чтобы хотя немного прійти въ себя. Квасъ былъ поданъ. Г-нъ К. съ жадностю накинулся на него и выпилъ залпомъ два стакана. Оставался одинъ. Грустно смотрѣлъ г. К. на бутылку, но все же сталъ наливать остатки. И,—о ужасъ!—изъ бутылки стали „вылѣзать черти". Одинъ за однимъ, хотя и маленькие, но черненькие и все съ хвостиками. Хмель у кутилы прошелъ сразу, и онъ виѣ себя бросилъ стаканъ съ квасомъ на полъ, думая, что черти испугаются и дадутъ тягу. Но пять чертей преспокойно лежали себѣ на полу, точно замерлп. Испуганный К. закричалъ благимъ матомъ: „черти, черти, караулъ! да еще мертвые!" Сбѣжался народъ и оказалось, что вмѣсто чертей валялись на полу пять маленькихъ мышей. Былъ составленъ протоколъ; торговецъ на судѣ оправдывался слѣдующимъ образомъ: „Не я тому причиной, что покупатель мой

выпилъ вмѣсто квасу наливки изъ мышей. Квасъ у меня настолько вкусный, что даже глупыя мыши бутылки отъ него себѣ въ резиденцію обратили и, видно, тамъ, отъ квасного упоенія, подохли-съ. Бутылки же мыла моя стряпуха, а не я. Съ нея и взыскивайте, а она мѣсяцъ тому назадъ умерла. Потомъ долженъ сказать, что мой покупатель, человѣкъ-съ не чиновный,— персона не великая, если „мышеловочной настойки“ выпилъ. Вонъ „мышу-съ съ крысой“ французскіе „енералы“ во время 1812 г. жарить изволили и съ головами, вмѣсто „бламанжея“, принимали и похваливали. На этомъ основаніи прошу оправдать меня“. Но мировой судья призналъ торговца виновнымъ, приговоривъ его къ заключенію.

Хоть говорилъ купчина ловко
Въ свое, положимъ, оправданіе,
Но за мышей и „мышеловка“
Ему дана для назиданія.

Б и б л і о г р а ф і я.

„Уходъ за красотой“.

Цѣна 25 к.

Кто хочетъ быть до старости красивъ,
Тотъ долженъ прочитать: „Уходъ за красотою“
И, убѣдившись въ томъ, что авторъ справедливъ,
Всегда носить его изданіе съ собою.
А такъ какъ авторъ самъ, составившій „Уходъ“,
Нуждается въ уходѣ, хлѣбѣ и жилищѣ,
Дадимъ „четвертакъ“ ему на обиходъ,
Чтобъ не лишился онъ красы и даже пищи.

О б ъ я в л е н і е.

Продается со вторыхъ публичныхъ торговъ непод-
купное перо известнаго критика - публициста Шан-

тажистскаго. Комиссіонеровъ просить не являться.
Адресъ: Грачевка, вторая поливная. О „цѣнѣ“
доподлинно знаетъ приказчикъ на правахъ хозяина
Чедулъ Недоносковъ.

За редактора-издателя Яю.

Отставной штабсъ-капитанъ и энсъ-поваръ.

(ПРАВДИВОЕ СКАЗАНИЕ.)

Звонъ цѣпей, надѣтыхъ на волю плебея, долженъ
веселить сердце настоящаго мыслящаго аристократа.

Плебей! Торгашъ! Разночинецъ!

Бойтесь соприкасаться съ этой тройкой даже изъ
человѣколюбія.

Любить можно только того, кто понимаетъ, что
такое человѣческая любовь!

А развѣ у этой тройки есть сердце?!

Плебей! Торгашъ! Разночинецъ!

Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсь смот-
ритъ.

Происхожденіе всѣхъ великихъ людей, вышед-
шихъ не отъ особъ высшаго общества, объясняется
ихъ незаконнорожденностію.

Даже шалость человѣка настоящей породы да-
етъ великотѣпный плодъ.

Чистокровные же: плебей, торгашъ, разночинецъ—
не люди, пародія на человѣческое существо.

Плебей! Торгашъ! Разночинецъ!

Видя ихъ, поневолѣ вспомнишь слова Наполеона:
отгоните отъ меня этотъ сбродъ!..“ Недаромъ во мно-
гихъ государствахъ торгashi, въ особенности мясники,

какъ имѣющіе постоянно дѣло съ теплой кровью,
не избираются на общественныя должности.

Они жестоки...

Совершенно справедливо.

Въ нихъ дѣйствительно нѣтъ ни къ кому и ни
къ чему жалости, разъ затронуты ихъ пошлые
шкурные интересы.

Плебей! Торгашъ! Разночинецъ!

Все вышепизложенное пришло мнѣ въ голову,
когда я случайно слушалъ одно дѣло въ судѣ о
клеветѣ.

Отставной гвардейскій офицеръ хорошей фами-
ліи обвинялъ буфетчика, эксѣ-повара, въ клеветѣ.

Очень грустно...

Эксѣ-поваръ, и эксѣ-воръ клевещетъ на благо-
роднаго человѣка!

Что-жъ тутъ страннаго!

Слуги всегда клевещутъ на своихъ господъ! Но
обыкновенно ихъ клевета дальше передней не выхо-
дить.

А тутъ!..

Опять повторяю, очень грустно...

Тутъ клевета вышла изъ границъ передней и
уязвила барина.

И по-дѣломъ.

Какъ онъ смѣлъ войти въ близкія отношенія съ
такимъ неподходящимъ мужемъ, какъ эксѣ-по-
варъ!

Неужели родовитый человѣкъ не зналъ, что
дружить съ плебеемъ все равно, что хозяину дома
въ патріархальной семье съ женской прислугой
шашни заводить!..

Плебей! Торгашъ! Разночинецъ!

Я даже экспромпть составилъ по поводу этого

грустнаго дѣла, посвятивъ его капитану, считавшему плебея за человѣка безъ кавычекъ.

Вотъ начало экспромта:
Недовольны вы стали говоромъ...
Съ богатырскихъ плечъ сняли голову
Не большой горой, а экспъ-поваромъ.

Маленькия эпиграммки.

I.

Г-ну Ермилову.

Вы, какъ „чехолъ“ пустой отъ шпаги,
Торчали все въ „Народномъ Благѣ“...
Не потому ли сей журналъ
Намъ все о прошлости ораль.

II.

Когану (компилятору).

Въ васъ нѣту мысли, но „идейки“
Чужія вы въ свои статейки
Довольно ловко уловляете
И „гельди“ въ брючки отправляете.

III.

Дорошевичу.

Болтаетъ безъ-умолку
Онъ намъ про все безъ толку...
Уймите грубый гласъ
О, Дорошевичъ Власъ!..

Изъ свинской жизни.

I.

СВИНСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ.

Жолуди высоко,
Листьями укрыты,
А у свинокъ нашихъ
Рядомъ аппетиты—
Не достать конфетокъ,
На дубу растущихъ!
Надо звать знакомыхъ,
Въ томъ помочь могущихъ...
И на зовъ явились
Двѣ преумныхъ свинки,
„Снастями“ избрали
Собственныея спинки...
И плохая доля
Жолудямъ досталась:
„Свинская“ затѣя
Лихо увѣнчалась...
Вотъ что солидарность
Значить и мышленье!
Да, они и свиньямъ
Нужны, безъ сомнѣнья!

II.

ФАНТАЗІЯ.

Я вѣрю, что умные люди
Учиться идутъ, чтобы отдать
Наукѣ всю жизнь и готовы
За это служенье страдать...
Зачѣмъ же въ числѣ ихъ я вижу
Похожихъ на дикихъ звѣрей?!

—Ихъ типъ я старательно вывелъ,
Въ фантазіи чудной моей:
По тихому морю чуть слышно
Плыть одиноко ладья,
Въ ней, хрюкая мрачно и грустно,
Сидить эмигрантка-свинья...
Путь держить она за границу,
Послушная волѣ небесъ...
Она похудѣла съ заботы
И спала отъ горя съ тѣлесъ...
Она поняла, что безъ знанья
На свѣтѣ нельзя уже жить,
И что уже волей-неволей
Ей нужно дипломъ получить...
И вотъ она Ѹдетъ ученой
Чтобъ быть, полюбивши прогрессъ,
И молить, сердечно взывая:
„Спаси меня, мощный Зевесъ!..
„На путь свой наставьте, о Музы!
„Учите искусствамъ меня,
„Забудьте на время, что просить
„Объ этомъ невѣжка-свинья...
„А то я живу, пресмыкаясь,
„И пищу хватаю, какъ тать...
„Тогда-жъ подъ покровомъ науки
„Могу „благородно таскать“.

Современники.

Критикъ.

Его карманы часто пусты...
Какъ критикъ онъ—суровъ и яръ,
Но „критикуетъ“ онъ лишь бюсты
У фей, что ходятъ на бульваръ.

Статистикъ.

Онъ былъ поклонникомъ науки...
Постигнуть все желать отъ скуки,
И даже счастье онъ былъ готовъ
Приплодъ россiйскихъ воробьевъ.

Проектеръ.

Въ умъ его гнѣздилися картины,
Онъ былъ всегда исполненный тревоги:
То на луну выдумывалъ дороги,
А то „отходникамъ“ резиновые шины.

Натурщикъ.

Художникамъ онъ не служилъ моделью
И къ одному лишь склоненіи былъ: къ бездѣлью,
Но сколько онъ скandalовъ произвелъ!
Съ него не разъ былъ „списанъ“ протоколъ.

Естественникъ.

Наукой онъ пренебрегалъ;
Не признавая ничего,
Онъ все-жъ порою пытать желалъ
Числомъ бутылокъ „естество“.

Портной.

Къ статьямъ хорошимъ очень чутокъ,
Онъ все „выкраивалъ“ газету:
Боясь сотрудниковъ и утокъ,
Усвоилъ онъ привычку эту.

Поэть.

Всѣмъ фирмамъ торговымъ желаю
Успѣха душевно въ дѣлахъ,
Поэтому я предлагаю,
Рекламу составить въ стихахъ.

Издатель.

Онъ былъ „издателемъ“—тетеря!
Но что же, что-жъ онъ издавалъ?!

Онъ „издавалъ“ лишь звуки звѣря,
Когда напьется „наполовъ“

Адвокатъ-конкурсистъ-газетчикъ.

Банкротствъ и краховъ онъ привратникъ,
Несостоятельныхъ онъ врагъ!
Живеть, какъ падалью стервятникъ,
Сдирая шкуры съ тѣхъ, кто нагъ.

Фрлнть.

Я одѣть совсѣмъ по модѣ:
Трость, цилиндръ, монокль, „спинжакъ“,
Но попрежнему въ народѣ
Говорятъ, что я дуракъ.

Декадентъ.

Его стихи — икота,
Когда наѣстся онъ...
Такого идіота
Съ древнѣйшихъ нѣть временъ.

Переводчикъ.

Не зная вовсе языковъ,
Романъ коверкаетъ французскій
И переводить безъ трудовъ
Онъ книги съ русскаго на русскій.

Счетчикъ.

Онъ пишеть здѣсь, онъ пишеть тамъ,
Хоть много терпить и аварії,
Но все-жъ считаетъ по утрамъ
Свой онъ по строчкамъ гонорарії.

Гробовщикъ.

Я ремесло свое виню:
Мнѣ смерть друзей одна награда...
Я ихъ съ восторгомъ схороню
По цѣнамъ первого разряда.

Писатель.

Онъ съ грамматикою въ ссорѣ...
Пишеть—сразу не понять...
Эхъ, ему бы на заборѣ
Только оды составлять.

Читатель.

Живеть на свѣтѣ чадо,
Читаетъ же, ей-ей,
Романъ изъ жизни ада
Иль повѣсть про чертей.

Компиляторъ.

Что ему авторитеты:
Онъ изъ нихъ творить „окрошку“,
Глупымъ словомъ понемножку
Разбавляетъ ихъ совѣты.

Адъютанты Фемиды.

Фемида—барыня слѣпая
Играеть очень часто въ фанты.
И адвокаты-адъютанты
Еї служать, служать, не смолкая;
Они слѣпятъ своею рѣчью
Глаза безжалостныхъ судей;
Зовутъ порой пшено—картежью,
Убийство—нѣжностью людей...
Фемида—барыня слѣпая,
Не потому ли адвокаты,
Добро и зло подчасъ мѣшая,
Бываютъ слѣпотой объяты.

Поэту - декаденту и агенту похоронныхъ процессий.

(Въ альбомъ мнѣ отъ неизвѣстнаго поэта по поводу
„Обнаж. Нервовъ“).

Похудѣлъ я пальца на три,
Прочитавши вирши ваши,
Ничего въ стихахъ нѣть краше
Посвященья Клеопатрѣ.
Въ нихъ не мало разной чуши
Отъ Омоновскихъ щедротъ,
Ихъ читая, вянуть уши—
Это плѣнной мысли плодъ.
И свершить такое дѣло
Нужны смѣлость и отвага,
И за автора бумага
Даже въ книгѣ покраснѣла *).

*) Первое изданіе настоящей книги было напечатано на
розовой бумагѣ.

Разныя разности.

Органъ вегетаріанцевъ.

По міру разнесся ужаснѣйшій слухъ,
Что будетъ журналъ издаваться „Лопухъ“.
Въ статьяхъ его будуть „бобы разводить“
И всѣхъ „плотоядныхъ“ корить и громить.
Писать же въ немъ будутъ: капуста и хрѣнь!
И всѣхъ убѣдять нась, что мясо есть тлѣнъ!

Конецъ борьбы.

Была борьба такъ въ циркѣ зла,
Пустивъ роскошно злаки,
Что чуть на-дняхъ тамъ не дошла
И... до всеобщей драки.

Нѣчто Державинское.

Узнавъ про подлость несомнѣнну,
Мы зrimъ въ ней веющъ обыкновенну
И дѣву соблазнившій ферть
Все также будетъ въ мысляхъ твердъ,
Хоть сей герой, на ликъ надменный,
Есть негодяй обыкновенный.

Мои посвящения.

Мальчику „ЛЕГКАГО ПОВЕДЕНИЯ“.

Плюетъ мой другъ на всѣ права:
Добро и зло все тринъ-трава,
Съ несчастнымъ грубъ, а съ сильнымъ кротокъ;
Хвалясь на лбу несетъ слова,
Что содержанецъ трехъ кокотокъ.

Укротительница звѣрей.

Что у васть за грозный видъ?!

Даже царь звѣрей, самъ левъ,
Передъ вами присмирѣвъ,
Мокрой курицей глядить!

Каскадной звѣздѣ.

Вы зоветесь звѣздою, madame,
Но наводите мракъ повсемѣстно,
Вы бросаете свѣтъ на свой срамъ,
Освѣщаете то, что безчестно.

Полному актеру.

(Въ роли „Антона Горемыки“).

О, если бъ былъ такъ толстъ Антонъ
И вздумалъ горе мыкать онъ,
То всѣ, смотря на тучную фигуру,
Сказали бы: волнуется онъ съ дуръ.

„Подлицисту“ Р.

(Нѣчто НЕКРАСОВСКОЕ).

Настало время грустное,
Когда за мысли честныя
Печатно шарлатаномъ васть
Зоветъ извѣстныи... воръ.

Наброски.

(ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСЛЕДНИХЪ ГОДОВЪ).

Шестидесятые—свобода и броженье,
Семидесятые—война, лѣченье ранъ,
Восьмидесятые—тоска и утомленье,
А девяностые—нахальство и канканъ.

Что было и что есть.

Бывало граждѣне на подвигахъ чести
Могли свой воспитывать умъ...
Теперь всѣ сгораютъ отъ злобы и лести,
Отъ замысловъ разныхъ и думъ...
На картахъ имѣютъ теперь воспитанье
Всѣ „нервныя дѣти“ кругомъ,
И въ картахъ находять они и „питанье“,
Какъ нашъ воспитательный домъ.

Соль премудрости.

I.

Прези, что ты правдивъ и честенъ,
Не раздражай, дружокъ, глупцовъ,
Хотя и будешь ты безвѣстенъ,
Но будешь хлѣбъ имѣть и кровъ.

II.

Предъ тѣмъ склоняйся, кто въ лѣтахъ,
И бойся, чтобъ тебя не сѣѣли...
Будь гений добрый на словахъ
И „лютымъ чортомъ“ въ самомъ дѣлѣ.

III.

Забудь о правдѣ, человѣче!..
Не споры! Живи съ смиреннымъ духомъ,
Веди дебаты только съ брюхомъ,
И будутъ горести далече.

Ошибки.

Вездѣ встрѣчаемъ мы ошибки!
Ошибки тамъ, ошибки тутъ...
И сумасбродныя попытки
За „гениальность“ часто чутъ.
Подчасъ за „кроткія созданья“
Ошибкой принимаютъ „змѣй“;
Зовутъ притворныя рѣданья
Избыткомъ горя и скорбей.
Ханжу „угодникомъ“ считаютъ,
„Груднымъ“ ребеночкомъ—жену...
Нерѣдко въ свѣтѣ принимаютъ
За „херувима“—сатану.
Мѣшаютъ съ златомъ часто фольгу
И съ „гражданиномъ“—болтуна;
Зовутъ Матреной часто Ольгу
И пьютъ „бурду“ взамѣнъ вина.
Порой за чистую монету
Считаютъ ложь и вздоръ льстецовъ...
Едятъ изъ „падали“ котлету
И въ колбасѣ кого?! Котовъ!

Философъ и Блохи.

(Басня).

Однажды на груди поймалъ философъ блохъ,
Но сразу умертвить ихъ все-таки не могъ;
И, посмотрѣвъ на гнусныя творенья,
На землю бросилъ ихъ съ улыбкой сожалѣнья
И рекъ, исполненный таинственныхъ заботъ:
„Мудрѣе всѣхъ вѣдь тотъ, кто милуетъ и скотъ“.

Тоже птичка.

Франтикъ съ Невскаго не знаетъ
Ни заботы ни труда,
Все поетъ и не желаетъ
Онъ работать никогда.
Долгу ночь въ трактирѣ дремлетъ,
Встрепенется—завопитъ;
Увѣщеныемъ франтъ не внемлетъ
И въ „участокъ“ отлетитъ.
За безумьемъ и сидѣнiemъ
Подъ „шарами“ вновь скандалъ
Онъ затѣтъ съ наслажденiemъ
И напьется—„наповалъ“.
Людямъ скучно, людямъ горе,
А ему все „ничего“:
По колѣно ему море—
Въ кутежахъ вся жизнь его.

Мелочи.

„Нѣчто гейневское“.

Горитъ душа моя отъ муки,
Порваться想要 съ жизнью нить:
Приди-жъ разорванныя брюки
Мнѣ напослѣдокъ починить.

Quasi-поэту.

Долой съ чела вѣнецъ лавровый!
Сѣдло къ коровѣ не идетъ!..
Тебѣ идетъ, піить здоровый,
Колпакъ, что носить идѣтъ,
Свободный ото всѣхъ заботъ.

Исповѣдь современной мужеубийцы

Какъ что было все, какъ есть,
Расскажу я безъ утайки,
Только дайте мнѣ доѣсть
Двѣ начатыхъ мною салки.

Quasi-художнику.

Много чуши есть на свѣтѣ,
Вы же—чуши властелинъ!
Только глупости всѣ эти
Скоро гибнуть въ мутной Летѣ,
Чепушистый господинъ!

О т вѣтъ.

Спросили одного купца: зачѣмъ онъ въ церковь
ходить,
Когда грѣха въ обманѣ онъ безбожномъ не на-
ходитъ,

Зачѣмъ потомъ онъ молится, когда домой при-
деть,
Усердно, долго такъ, что градомъ льется потъ?
Купецъ въ отвѣтъ сказалъ:—Эхъ, вы! не знаете вы
дѣла!
Молитвы для души, обманы же—для тѣла!

Одному антреprенеру.

Прошли и въ вѣчность канули года,
Когда смотрѣли издали лакеи,
Какъ „листья лавра“ ъли господа
Въ своей гастрономической затѣ...
Теперь не то! Лакей содержить садъ,
Въ саду театръ, въ театрѣ служить Мавра *),
И въ бенефисъ его вѣнчать и баринъ радъ
„Чело холуїское“ вѣнкомъ изъ лавра.

Корень зла.

Утверждаютъ ученыя лица,—
Имъ все знать и все вѣдать дано:—
Гдѣ стоитъ наша Питеръ столица
Было будто морское тамъ дно.
Оттого-то, быть-можеть, съ тоскою
Вамъ,—промолвлю съ наукой и я,—
По колѣно бываетъ порою
Даже синее море, друзья!

Современнымъ купцамъ.

Не хочешь, чтобы постигъ прогаръ
Твою торговлю, смѣло

*) „Маврой“ дразнили одну извѣстную шансонетную пѣвицу, теперь уже ушедшую, по старости лѣтъ, со сцены.

Сокги страхованый товаръ,
И въ шляпѣ будеть дѣло.

Велосипедисту.

Объяты всѣ умы тревогой,—
Тамъ хлѣба нѣть, а тамъ война...
Но онъ идетъ своей дорогой,
Душа его однимъ полна...
Она полна однимъ смятеньемъ,—
Въ своихъ онъ убѣжденіяхъ твердъ!
И только мучится сомнѣнью:
Побѣть ли снова онъ... рекордъ.

Ницше и русскіе переводчики.

Не признавалъ совсѣмъ морали
Сверхъ-философскій Ницше умъ...
Его творенія познали:
Сверхъ-переводчики марали
Его творенія наобумъ!

Стихотворенія въ прозѣ.

I.

Страшная сказка.

Весна вступала въ свои права... По тротуарамъ было невозможно идти: ихъ покрывалъ силошной ледъ. У одного громаднаго дома упалъ и разбиль себѣ голову старикъ. Внѣ себя отъ гнѣва, онъ сталъ тревожить „дворницкій“ звонокъ... Выходить старший дворникъ, старикъ ударилъ его и продолжать звонить. Выбѣгаеть самъ домовладѣлецъ... Его ожи-

даетъ та же кара. Но вдругъ стариkъ упалъ въ обморокъ. Передъ нимъ предсталъ обыкновенный московскій домовладѣлецъ, но только не въ прикрашенномъ видѣ, а, такъ сказать, въ дезабилье. Но что это было за „дезабилье“! Голова домовладѣльца была украшена рогами, алчные глаза сверкали какъ у волка, и вообще онъ былъ настоящій чортъ. Есть, дѣйствительно есть отчего упасть въ обморокъ.

II.

НѢЖНАЯ ПАРОЧКА.

Она страстно любила своего супруга. Она бродила за нимъ повсюду словно тѣнь. Разъ супругу понадобилось пойти купить „невыразимые“. Супруга сопутствовала ему... Вошли въ магазинъ... Продавецъ показалъ „невыразимые“... Супруга „ошалѣвъ“ отъ любви, воскликнула: „Пожалуйста, дайте брюки получше, а то мы ихъ скоро износимъ!“ Нѣжный супругъ тутъ ужъ не выдержалъ: любовь выходила изъ границъ, онъ всыпалъ и сказалъ: „Матушка! опомнись, кто это — мы ихъ скоро износимъ!“ Супруга опомнилась, но было уже поздно. Звѣрь продавецъ захихикалъ и своимъ смѣхомъ разъ навсегда осквернилъ ея нѣжную любовь и необыкновенную заботливость.

III.

„Петрушки“ милъї.

Я разъ спросилъ у Катеньки:—Скажи мнѣ, Катя, любишь ли ты „Катеньки“?

— Да, я люблю „Катеньки“,—отвѣчала Катя,—но Петруши болѣе мнѣ по сердцу. — Почему такъ, — спросилъ я Катю въ свою очередь,—мнѣ это крайне странно... я вѣдь не Петруша, а Ваня.—Ахъ, не то, совсѣмъ не то,—отвѣчала Катенька, — Катенька стоитъ сто рублей, а Петруша пятьсотъ...

Желудокъ и сердце.

(Подслушанный диалогъ).

— Пришла пора занятная...
Я радъ, я веселюсь!
Меня ждеть жратва знатная,
Вотъ окорокъ! Вотъ гусь!
— Оставь свое веселіе!
— Ты сердце—злой кошмаръ,
И рѣчъ твоя есть зеліе
И хуже, чѣмъ катарръ...
Голодные! Холодные!
Я эти... всѣ свободныя
Слова такъ не терплю!
Я, знаешь, что люблю?!

• • • • •

Я жизнью наслаждаюся
Я, право, обѣдаюся

Свининою своей...
Я хорошо воспитывалъ,
Возлюбленныхъ свиней!
Я, знаешь, чѣмъ упитывалъ
Зарѣзанныхъ „друзей“?!—
Чистѣйшимъ миндалемъ! *)
— Подъ крикъ и стоикъ людей
Нѣть хлѣба, мы умремъ.

Невинная пародія **).

Стихотвореніе Г. К-го.

Слыхали вы когда-нибудь, какъ сердце плачетъ,
По каплѣ исходя кровавыми слезами,
Какъ бьется мысль безумья отъ муки,
Какъ леденѣть пламенное чувство?..
Видали вы безумныхъ въ краткій мигъ,
Въ случайный мигъ разсудка просвѣтлѣнья,
Когда они нежданно прозрѣваютъ
Всю глубину несчастья своего?
О, если вы съ себя срывали крышку гроба,
Когда въ нее послѣдній гвоздь воизался,
И жизнь предъ вами вся мгновенно пролетала...
О, если такъ,—вы поняли меня!

Моя пародія на него.

Слыхали вы когда-нибудь, какъ яйца
Поютъ про смерть, на сковороду вливаясь,

*) Можетъ-быть, я ошибаюсь, что свиней откармливаютъ миндалемъ, но эта неточность мнѣ не должна быть поставлена въ вину: я не свиноводъ!

**) Для рельефности рядомъ съ пародіей помѣщается и подлинное стихотвореніе г-на К-го.

И какъ бѣлки, съ желтками обнимаясь,
Поють, что люди злы и птичекъ забижаютъ?
Видали вы зрачковъ котовскихъ колыханье,
Когда сей котъ поймалъ мышенка-бѣдняка.
Что мыши хвостъ кота, когда лишь оставался
Послѣдній пальчикъ ножки лѣвой у звѣрка?
О, если вы ловили таракана
И далѣе—ногой хотѣли задавить,
И вдругъ, опомнившись, его вы отпускали
Съ напутствіемъ во щи,—вы поняли меня!

Городскія амбулаторіи.

Амбулаторіи тревогу
Вселяютъ въ души бѣдняковъ.—
Ну, гдѣ жъ найти себѣ подмогу.
Когда ты будешь нездоровъ?
Туда, туда идти придется!
О, сколько грустныхъ тамъ картинъ:
Больныхъ до сотни соберется,
А врачъ, цѣлящій ихъ,—одинъ!
Осмотретьъ онъ въ мгновеніе ока,
Понявъ всѣ болѣсти у вѣсъ,
Но только часто у профака
Шалитъ его усталый глазъ.
Животъ врачъ лѣчить камфорою,
Касторкой—головную боли,
И принимаетъ онъ порою
Гангрену даже... за мозоль.
Уйти бѣ отсюда безъ оглядки!
Уйти и дома умереть...
Кричать лѣчебницъ всѣхъ порядки:
Бѣднякъ, какъ смѣешь ты болѣть!

Пѣсня алкоголиковъ.

(По поводу „заботъ“ о нихъ).

Мы—алкоголики...
Отъ водки колики
Въ мозгахъ у нась.
На нась охотятся,
О нась заботятся
Не съ пьяныхъ глазъ!
Но вотъ въ мышленіи
Встаетъ сомнѣніе:
Она умретъ,
Винъ монополія?!
— „Одна вѣдь въ полѣ я!“—
Она взреветъ.

Вербное гулянье.

На Красной площади народъ
Глядить на вербное катанье...
Вотъ пара въ дышль рой везетъ
Дѣтишекъ, полныхъ ликованья.
Вотъ за коляской щегольской
Гремитъ убогий шарабанчикъ,
И въ немъ сидить съ своей „самой“
Лѣтъ такъ подъ сорокъ „мальчуганчикъ“.
А вотъ у самыхъ стѣнъ Кремля
Еще толпа народа гуще,
И подъ ногами здѣсь земля
Подобна стала грязной гушѣ.
Здѣсь шумъ и гамъ со всѣхъ сторонъ,

И крикъ людей и пискъ игрушекъ—
Слился въ какой-то общій стонъ,
И онъ сильнѣй пальбы изъ пушекъ...
Торговцы межъ толпой снують,
Языкъ продажный тутъ смѣлѣе:
Здѣсь въ видѣ чорта продаютъ
Купца-савраса иль злодѣя.
Съ утра до ночи здѣсь галдятъ,
Хотя не видно въ томъ резона:
Старуха лѣтъ подъ шестьдесятъ
Здѣсь покупаетъ купидона,
И, пузырѣ скупивши, фатъ
Пускаетъ ихъ на волю кучей,
И съ любопытствомъ всѣ глядятъ,
Какъ тѣ скрываются за тучей.

Ю м о ръ.

* * *

Я Нардисъ въ себя влюбленный...
Что мнѣ жизнь съ ея печально!

М о е „п е р о“.

Клянемся отличать „собаку ото льва“
И честный смѣхъ отъ глупой шутки,
Клянемся не терять „крылатыя слова“
Лишь для „кабацкой прибаутки“.
Клянемся быть въ тискахъ не алобы, а добра,
Смѣяться честно надъ врагами,
И гдѣ потребенъ умъ, потребна желчь пера,
Отнюдь не драться сапогами.

ДЕКАДЕНТЫ, СИМВОЛИСТЫ, ДЕМОНИСТЫ, ЕРУНДИСТЫ И
ПРОЧАЯ „ТВАРЬ“.

(Мои посвящения-характеристики).

У щ е р б ъ.

(Г-ну Д. М-му).

Мъсяцъ скачеть, словно шалый,
По волнистымъ облакамъ,
Быть онъ, вѣрно, подъ опалой:
Тутъ пятно, тамъ цѣлый шрамъ.
Иль быть-можеть онъ, бродяга,
Дрался-бился безъ конца,
Пострадалъ за „честь“, бѣдняга,
И лишился поль лица.

П а ш а.

(Г-ну Н. М-му).

Мъсяцъ бродить, словно турка,
Межъ вакханокъ-звѣздъ,
Но звѣзда одна вдругъ юрко
Прыгъ съ небесныхъ гнѣздъ.
И, увидѣвъ то „паденье“,
Сразу облака
„Откололи“ въ восхищены
Пылко трепака.
Мъсяцъ сталъ ворчать тревожно:
„Евнухъ! Ба!.. Завестъ!..
„Или будетъ скоро можно
„Женъ всѣхъ перечесть.“

Лепетъ полумладенца.

I.

(Г-ну К. Л-ву).

Я влюбленъ въ нее страстно какъ котикъ...
Она чудо-созданье распутной мечты...
Я влюбленъ, какъ въ касторку животикъ,
Въ эту прелесть и сънье неземной красоты!
Какъ дно таза блестятъ ея глазки!
Я готовъ ее выкрасить, похитивъ, какъ тать,
А за ласки ея, да за ласки
Я готовъ даже брюки худыя продать!
А за плечи, за алые губки
Съ нею въ адъ я пойду, или нѣть—подъ вѣнецъ,
Даже если бы мнѣ отъ голубки
И рога суждены, суждены подъ конецъ!

II.

Я декадентъ! Во мнѣ струится сила
И свѣтить мнѣ полуночная мгла...
Судьба сама меня не разъ щадила,
Полиція-жъ въ участокъ отвела...

Визгъ „Торжествую щаго поросенка“ *)

(Г-ну К. Б-ту).

Свинаноси, свинаноси,
Свинаноси, свинана...

· · · · ·

*) Эта визгъ постоянно вѣщалъ одинъ буйный малиновый декадентъ. Жилищемъ его былъ желтый домъ, а единственной одеждой—горячечная рубашка.

Охъ—охъ—охъ
Сколько блохъ!..
Даже догъ
Весь изсохъ,
Счастье не могъ
И быть плохъ,
Съѣлъ сто блохъ.

Мѣсяцъ юбку сняль стыдливо,
Въ брюки авѣзочки одѣлись,
Души пестрыхъ символистовъ
Синимъ персикомъ зардѣлись.

Вы дураваганты,
Носъ вашъ—чистый сплинъ;
Снять съ васъ эти банты,
Иль надѣть фуксинъ.

Точка, почка, дочка, кочка—
А итогъ поэту—клочка.

НЕСООБРАЗНОСТЬ.

(Посвящается юному (!!) беллетристу чеховской школы А.
Г—с—у и „вуквоѣду“ Н. Т—у).

Бездарность вопіющую
„Главой“ поставять дѣла,
Травить чтобъ „тварью злющею“
Того, кто мысля зреѣло,
Въ лицо ей плонеть смѣло.

Наступлēнiе зимы.

(Г-ну В. Б-у).

Снѣгъ хрустить какъ камышъ,
Рамы всѣ въ хрусталѣ,
И морозъ съ масломъ шишъ
Корчить хрупкой землѣ...
И сосульки въ носу
Вызвалъ онъ у меня;
Затвердилъ колбасу
Въ сердцѣ полномъ огня.
Какъ мнѣ быть, бѣдняку—
Зло природѣ отдать!
Приказать вахлаку
Глупо—вамъ не понять!..
Горло хрипъ издаетъ:
Въ немъ хрустить злой морозъ—
Я въ кишкахъ слышу гнетъ,
Въ животѣ много слезъ.

Пропажа солнца.

(Г-ну А. Д-ву).

Всю ночь мнѣ снился странный сонъ,
Что солнце закатилось;
Что стадо цѣлое воронъ
Въ разсудкѣ поселилось.
Вдругъ стала холодѣть земля...

Что-жъ приключилось съ солнцемъ?!
Ужель не будетъ на поля
Оно глядѣть червонцемъ?
Но это вздоръ одинъ—брехня!
Я знаю: въ чемъ причина!
Трактиры, полные огня,
Закрылися—картина!

Символъ „мухи“.

(Г-ну А. М-т-п-му).

Небо стонеть... Звѣзды плачутъ...
Рожи строить мнѣ луна...
Какъ лягушки грезы скачутъ,
Ласки грудь моя полна...
И гористую кокетку
Вижу я передъ лицомъ,
Будеть ёсть она котлетку,
Даже съ синимъ мертвѣцомъ...
И отъ страха мерзнутъ губки,
А въ глазахъ царить туманъ...
Быть я ночью у голубки
И напился сильно пьянъ.

Забытая фантазія.

(Г-жѣ З. Г-усъ).

Ночь ароматная...
Барышня ватная
Сходить, цѣлуюсь съ луной!
Грязью полночною,
Тещей лубочною

Бредитъ съ кровавой тоской!
Ласки трескучія,
Звѣзды пахучія
Мнѣ обѣщаетъ она.
„Будешь Поприцинымъ“,
Вздоромъ насыщеннымъ
Съ нею гудить сатана!..

Ч у ш ь.

(Г-ну Іосафу К.).

I.

„Тигры стонали въ долинахъ“...
Кошка свой пупъ посолила,
Крысъ послала въ подарокъ:
„Кушай его ты, Анфиса,
„Вральмона кашу забывши!..“

II.

... И былъ онъ исчадье мансарда,
Носилъ онъ капотъ изъ дерюгъ,
Служила питьемъ ему барда:
Онъ вѣдьмы былъ бѣглый супругъ.

Краткая энциклопедія.

„Юмористы“.

Вы ополчаетесь на зло
И на преступниковъ закона
И критикуете ихъ зло
И гдѣ-жъ—съ подмостковъ у Омона!

Врачебная тайна.

Скажите намъ, обязанъ или нѣть
Повѣдать врачи, когда „случайно“ имъ
Больной отправленъ мигомъ на тотъ свѣтъ,
Иль, помня „тайну“, сдѣлаться нѣмымъ!?

„Рыцари“.

Гдѣ-то каркаетъ ворона...
Темь кругомъ... Ни аги!
Мрачный шопотъ у балкона,
Тихіе шаги.
То Ромео и Джульетта
Подъ покровомъ тьмы?..
Нѣть, ошиблись! Это, это...
„Рыцари“ тюрьмы.

Время.

Время—демонъ злой, коварный!
Пей, товарищъ мой, вино:
День веселый, какъ сегодня,
Снова встрѣтить... мудрено!
Посмотри: твой носъ, какъ вишня,
Весь отъ водки покраснѣлъ!
Выпьемъ съ радости, товарищъ:
Выпивать—вѣдь нашъ удѣль.

Итоги.

Диллентанство... Наслажденье...
Садъ... Венгерскій хоръ...
Пѣсня... Пляски... Упоенье...
Кабачокъ... Фуроръ...
Лъпболванство *)... Музы... Тоги...

*) Выдуманное мною новое слово, означающее скульптуру.

Удовольствій тьма,
А потомъ, потомъ въ итогѣ
Лишь тюрьма, тюрьма...

Красная Горка.

Страшись, какъ порки,
Ты Красной Горки!
Невѣсты кучей
Откроютъ пасть:
Удобный случай
Совсѣмъ пропасть.

Ангерскій «цензъ».

Споръ о вопросѣ „цензъ“ неистовъ
Былъ на собраніи артистовъ,
И члены многіе пресмѣло
Кричали: „Цензъ—пустое дѣло.
„Мы первый разъ о цензѣ слышимъ:
„Мы черезъ „ѣ“ корову пишемъ!“

Идеальная пара.

Мы съ тобою—идеальная пара!
Ты желанья и нѣги полна,
Я-жъ въ минуты любовнаго жара
Безупречень какъ самъ сатана!
Другъ для друга мы, право, приманка!
Мы для страсти и нѣгъ рождены,
Я мазурикъ, а ты шарлатанка,
И любить мы другъ друга должны.

Охотничьи трофеи.

Охотникъ мужъ, забывъ супругу,
По лѣсу ходить, словно тѣнь,
И, благо, если хоть пичугу
Подстрѣлить онъ за цѣлый день...
Съ лицомъ счастливымъ отъ удачи
Кладеть онъ въ сумку свой трофей
И поздно ночью тихо къ дачѣ
Онъ приближается своей...
Супруга спить... Охота тоже
У ней преважная была,
Но разъясните, на кого же
Она-бѣ охотиться могла!?.
Она охотилась премило,
Стрѣляя глазками въ сердца,
И даже ими прострѣлила
Сосѣда дачника юнца...
Трофей ея былъ не пичуга:
Роговъ „тайственная сѣнь“
Плѣшь украшала у супруга,
Когда онъ шлялся цѣлый день.

„Наука“ въ скотинѣ.

„Спасенье“ все теперь въ скотинѣ!
Наука свѣтлая и та
Стремится очень часто нынѣ
Цѣлить при помощи скота...
Чтобъ укатить отъ дифтерита,
Кровь стоять лошади впустить,
И будеть болѣсть въ мигъ побита,
И оборвется съ смертью нить!..

Чтобы упрямая чахотка
Сводить въ могилу не могла,
Нашли спасенье (вотъ находка!)
Въ крови упрямаго осла.
Клинъ вышибають часто клиномъ!
Исчезнуть, можетъ-быть, глупцы?
Не вспрыснуть ли, раставшись съ сплиномъ,
Имъ кровь преглупенькой овцы?

Р о м а н с ы.

„Холерный“.

Приди ко мнѣ, мой чудный гений...
Въ тебѣ весь міръ... вся красота...
Ты мнѣ нужна въ часы сомнѣній,
Какъ соляная кислота!..
Глаза твои, какъ у газели,
Красивы, кротки, ангель мой...
Я, какъ набрюшникъ изъ фланели,
Люблю ихъ пламенной душой...
Приди ко мнѣ въ мой уголъ тѣсный,
Грудь у меня полна огня—
И дезинфекцией прелестной
Ты будешь, ангель, для меня!..

„Смертельный“.

Только станеть смеркаться немножко,
Подъ чарующимъ свѣтомъ луны,
Приходи ко мнѣ, милая крошка,
И скорѣй зачини мнѣ штаны!

Преисполнена нѣги и счастья
И высокой и нѣжной любви,
Загаси въ себѣ пыль сладострастья
И носочки заштопай мои...
И хотя всѣ изъяны въ одеждѣ
Ты исправиши, мой милый дружокъ,
За любовь и заботы, какъ прежде,
Я тебя поцѣлую разокъ!

„Зоологический“.

Зачѣмъ ты мнѣ сердце пронзила
И въ душу, какъ клопъ, заползла?..
Любовь, словно ношу, вавалила,
Меня погубивши, осла?
Когда я, припавъ на колѣни,
Мурлыкалъ о пылкой любви,
Ты выла о хрякѣ-кузенѣ,
А брюки все терлись мои.
И гнулась въ истомѣ тоскливо
Моя, какъ осина, спина;
Но вижу теперь: ты спесива,
Въ мужья подцѣливши слона.

„Велосипедный“.

Только станетъ смеркаться немножко,
Я свой тэндемъ къ тебѣ привезу.
Мы помчимся съ тобой по дорожкѣ,
Гдѣ я встрѣтилъ тебя—егозу.
Твоя ножка скользить по педали

Будеть вмѣстѣ съ мою ногой,
И, чтобъ съ тэндема мы не упали,
Цѣловаться не будемъ съ тобою.
И когда ты устанешь, малютка,
Мы привалъ свой устроимъ въ глухи,
И, чтобъ не было страшно и жутко,
Ты въ объятьяхъ меня задуши.

Смиренная вдовица.

Со вдовушкой смиренной
Гуляль я цѣлый годъ,
Съ улыбочкой блаженной
Къ ней ластился какъ котъ...
Она-же все вздыхала
И даже что... порой
Супруга поминала
Чувствительной слезой...
Ну, какъ тутъ приступитьтъся
Ко вдовушкѣ такой?
Чиста, какъ голубица,
Была она,—разбой!
Прошло еще полгода,
А дѣло было „швахъ“—
Печали и невзгоды
У ней лишь на глазахъ...
И я рѣшилъ: довольно!
Съ ней „пива не сваришь“,
Вѣдь это, право, „больно“—
Въ итогѣ видѣть „шишъ“.
Я выбралъ день и смѣло
Ей началъ говорить:
„Какъ вамъ не надоѣло

„По мужъ-то тужить?!
„Совсѣмъ другія грезы
„Лелѣялъ я о васъ!..
„Прощайте! ваши слезы
„Бѣсили столько разъ!“
Она-жъ, потупивъ глазки,
Сказала мнѣ: „постой“!
И спала мигомъ маска
Съ лица ея долой...
Она вся задрожала,
Желаніемъ горя,
И краска заиграла
На щечкахъ какъ заря...
Она ко мнѣ припала
Головкою на грудь
И тихо мнѣ шептала:
„Какъ можно обмануть!“

Прежде и теперь.

(Поэма въ двухъ октавахъ).

Онъ молодъ былъ... Полуночной порою
Къ чужой женѣ онъ крался въ тишинѣ.
Кипѣла страсть горячею волною,
Отъ нѣги грудь пылала какъ въ огнѣ...
Супругъ уснуль и лысой головою
Мотаетъ онъ и говоритъ во снѣ:
„Люби меня, о милая супруга!
Вѣрнѣе нѣть меня на свѣтѣ друга...
Теперь онъ старъ!.. Безжалостное время
Похитило румянецъ у ланить,

Согнуло станъ и оголило темя,
И онъ теперь отъ старости кряхтить...
Женъ своей противенъ онъ какъ бремя!
Она его не любить и бранить,
И въ часъ ночной, какъ вѣрная супруга,
Ласкаеть не его, а друга.

Вопорсы и отвѣты.

I.

—Что прекраснѣй у душки Анеты,
Глазки, ротикъ, иль „груди-гора“?!
—На рукахъ золотые браслеты—
Остальное-же все мишура.

II.

—Расскажите, когда небо
Генералами полно?!
—Когда звѣздами блистаетъ
И покрыто все оно...

III.

—Кого любить опасно
Во времена холеры?!
—Да женщину сырую
И толстую безъ мѣры.

Странное превращение.

Давно, давно всѣ говорять,
Что розы вянуть отъ мороза,
Но насы, „пьяничугъ“, ей-ей, смѣшать
Такая пѣсня и угроза.
У насы, подите,—вотъ курьезъ!
Чѣмъ ядовитѣ морозы,
Тѣмъ „крапаше“ выглядитъ нашъ носъ
И расцвѣтаетъ „лучше“ розы.

Прежде и теперь.

Часто въ дѣтствѣ на колѣни
Ставили меня,
Чтобы вылечить отъ лѣни,
Въ шалостяхъ виня...
Много, много пролетѣло
Съ той поры ужъ лѣть;
Я возросъ душой и тѣломъ,
Сталъ плѣшивъ и сѣдъ...
Но, какъ прежде, становлюся
На колѣни я,
Если, знаете-ль, влюблуся,
Милые друзья!
На колѣняхъ открываю
Чувства ей свои,
На колѣняхъ умоляю
О любви, любви!

Появленіе зари.

Поэтъ на толкучкѣ штанишки купилъ
И, шаря въ карманахъ, вдругъ онъ^ъ
Бумажку какую-то тамъ ощутилъ,
И что-жъ оказалось?!—Купонъ...
О, музъ, я счастливъ,—воскликнулъ поэтъ,—
Я, право, любимецъ боговъ...
Заря появилась, открылся мнѣ свѣтъ
И гдѣ-же?! Въ карманѣ штановъ...

Кончина буквы „Ђ““.

Скончалась буква „њ“!
Не будетъ затемнять
Она умы детей
Нелепостью своей...
И только плачетъ коль,
Что векъ ея прошелъ.

I.

Собачій налогъ.

Очень скоро лопнетъ на собакъ налогъ,
Заживутъ „Мимишки“ снова безъ тревогъ.
Нищихъ думъ жалко,—что же, помогай,
Но собакъ на помошь впредь не призывай.

II.

Д i а л o g ъ.

— Прощайте! Я бѣгу въ уѣздъ...
— Зачѣмъ? У васъ тамъ тоже съѣздъ?
Иль вы бѣжите за Москву,
Быть-можеть, такъ, для *rendez-vous*?!
— Какой безсмысленный предлогъ
Нашли для бѣгства вы: налогъ
Меня гнететь... Противный онъ!..
— Напрасно,—онъ и тамъ введенъ.

Монологъ Сальвини.

(По поводу ЕГО ГАСТРОЛЕЙ ВЪ МАЛОМЪ ТЕАТРѢ).

Играть мнѣ не съ кѣмъ, несомнѣнно:
Не люди—тѣни предо мной!
Ужели съ ними непремѣнно
Являться мнѣ передъ Москвой?!

Не знаю, какъ унять тревогу,
Отъ нихъ я брежу наяву...
Нѣть, капельдинеровъ въ подмогу
Взамѣнъ актеровъ призову!

Съ итальянскаго перевель

Яго,

(*m. e. „я“*).

Новый проектъ.

Проектами бываетъ
Унизанъ грозный адъ,
И это подтверждаетъ
„Нововременскій“ А—ть. *)
Онъ брачную реформу
Всѣмъ предлагаетъ намъ.
„Сожительствъ пробныхъ“ норму
Онъ выработалъ *самъ*.
Сожительство, однако,
Прекраснѣшій предлогъ
Выслушивать до брака
Подобный диалогъ:
— Куда ты дѣлъ зазнобу?!

— Какой вопросъ—куда!

Я бралъ ее *на пробу*...

— А дѣти?—Ерунда!..

Мои изречения.

Плохъ тотъ человѣкъ, который въ несчастьи прибѣгаешь не къ уму, а къ веревкѣ.

Истина—весталка, но добродѣтельный мужъ заставляетъ ее любить его.

Кто постоянно говоритъ о равенствѣ, свободѣ и братствѣ, тотъ непремѣнно бѣть своихъ слугъ.

Свинья, чтобы видѣть небо, принимаетъ неестественное положеніе.

Жена и дверь постоянно притворяются.

*) *А-ть*—псевдонимъ извѣстнаго и талантливаго публициста газеты „Новое Время“.

Сейчасъ же послѣ смерти мужа вдовѣ прилично имѣть товарища только въ торговомъ дѣлѣ.

Жизнь свободная—голодная.

Я ей доставляю наслажденія... Почему же мнѣ не пользоваться ея средствами?!

Боги были несправедливы къ Прометею; если бъ онъ не укралъ огня съ неба, то имъ самимъ пришлось бы обжигать горшки.

Самая дѣйствительная философія—пьяная.

Иногда барышни, принадлежащи къ сливкамъ общества, представляютъ изъ себя снятое молоко.

Чтобы затушить страстный огонь въ моемъ сердцѣ, созовите со всего міра пожарныхъ команды, и онъ погибнутъ въ его пламени. (1)

Женщина, остывшая отъ поцѣлуевъ моего друга, для меня въ нѣсколько разъ дороже.

Младенчество и старость лучшіе друзья цѣломудрія.

Не слѣдуетъ обвинять писателя, если онъ работаетъ въ сомнительныхъ органахъ; онъ быть можетъ ихъ, какъ помойные ямы, своей чистой мыслью желаетъ дезинфицировать.

Молодымъ женщинамъ строго воспрещается смотрѣть на лысины мужчинъ, такъ какъ онъ представляютъ изъ себя все-таки оголенное мѣсто.

Лучше имѣть дурную шляпу и хорошую голову, чѣмъ наоборотъ.

Пріятнѣе и безопаснѣе въ нѣсколько разъ жить съ десятю кровожадными тиграми, чѣмъ съ однимъ дуракомъ.

Не вѣрь, если говорять, что мужъ и жена — одна сатана *): когда жена будетъ тебя бить по спинѣ, то тебѣ одному только будетъ больно.

Жена! не давай мужу потачки и не пускай его на бѣга и скачки.

Мужъ! если у тебя жена влюблена въ тотошку, то лучше сдѣлай изъ нея окрошку.

Многіе „цѣломудренные“ люди стѣсняются истины. Имъ навѣрняка представляется, что она дѣйствительно голая.

Очень многія молодыя женщины считаютъ излишнимъ покупать ширмы: старыя мужья съ успѣхомъ замѣняютъ ихъ.

Въ лѣсъ возить дрова — все равно, что, уѣзжая за границу, везти туда съ собой... супругу.

Говорятъ, что — кто спить, тотъ не грѣшить. Но я знаю очень многихъ субъектовъ, которые и во снѣ ругаются.

*) Изъ пѣсни слова не выкинешь: для сохраненія текста поговорки приходится при согласованіи мѣстоименія со словомъ „сатана“ — относить сатану къ женскому роду.

Неразумно считать вегетаріанцами и врагами убоины мясниковъ, торгующихъ мясомъ дохлыхъ животныхъ.

Хорошо быть знаменитымъ писателемъ Альфонсомъ Додэ, но еще лучше и выгоднѣе быть альфонсомъ безъ Додэ.

Когда кавалеръ говоритъ дамѣ, что онъ готовъ отдать за нее полжизни—это фразы; если же онъ прибавляетъ къ сказанному: и полсостоянія—это настоящая любовь.

Прачки! Кто изъ молодыхъ заказчиковъ пишетъ вамъ на манжетахъ любовныя записки, тотъ навѣрняка не заплатить вамъ за стирку бѣлья.

Звѣзда небесъ, падая, перестаетъ свѣтить, а звѣзда кафешантана, наоборотъ, падая, начинаетъ только „свѣченіемъ“ заниматься.

Не большая вина—не допить бутылки вина.

Лучше жить на собственныея средства, чѣмъ ожидать съ небесъ наслѣдства.

Многіе не знаютъ, что значить книгу почитать, за то они великодѣльно знаютъ, что значить ее зачитать.

Не зубоскаль надъ тѣмъ, что сердцу свято и что смертельно ранить брата.

Помни: что вода въ колодцѣ не будетъ чище, если ты въ немъ будешьъ купать грязныхъ порослятъ.

Проворовавшійся общественный дѣятель! Не говори по привычкѣ: „объявляю засѣданіе открытымъ“, входя въ общую тюремную камеру.

Не точи жену—острой будешьъ.

Не довѣряй такому свидѣтелю, который берется за деньги показывать на судѣ неправду. Взявъ съ тебя деньги, онъ все же будетъ говорить правду, въ особенности, если противная сторона пообѣщаетъ ему за это вознагражденіе.

Если ты работаешьъ въ газетѣ „Швейцарь“ и считаешьъ себя жрецомъ литературы—ты не правъ, какъ не правъ котъ, мяющій изъ себя музыканта, если онъ загадилъ рояль.

Не считай настой изъ семи смертныхъ грѣховъ квасомъ, а сальце покойной собачки за масло иначе острымъ катаромъ желудка страдать будешьъ

Произведенія 1902—1904 г.

Стихотворенія.

І. Намяти Н. Ф. Филатова.

Прости меня, что я съ твоей сливался славой,
Когда вънокъ тебъ я изъ стиховъ сплеталъ,
Но знаеть, видить Богъ Всевидящій и Правый,
Что честолюбіемъ тогда я не сгоралъ!
И не кривлялся я, когда передо мною
Предстала смерть твоя: страдалъ тогда и я!
И жизнь казалась мнъ безсмысленою тропою
И поражать меня весь ужасъ бытія!
Весь ужасъ бытія! Презрѣнная стихія
Все губить, все гнететь, что нашу жизнь цѣлить!
Однѣ лишь пощности да помыслы лихіе
Она бессмертіемъ позыбленнымъ даритъ...
Что сдѣлалъ ты, скажи? Кому мѣшалъ твой геній?
Чьихъ не отеръ, какъ вратъ, ты материальныхъ
слезъ?
Ты не гасилъ своихъ божественныхъ стремлений
И жизнь свою провелъ, какъ завѣщалъ Христосъ!

„Блаженъ, кто жизнь свою за ближнихъ полагаетъ“.
Но въ миллионы разъ терновый тотъ вѣнецъ,
Когда дѣтей своихъ на гибель осуждаетъ,
Дабы спасти другихъ, несчастный врачъ-отецъ!..
Ты эти испыталъ бессмертныя мученья
И долгъ врача всегда ты свято исполнялъ;
Ты и мъ своихъ дѣтей губилъ безъ снисхожденья *).
А послѣ самъ надъ ихъ могилой умиралъ.....
Прости меня, прости!

2. Зло и истина.

Мнѣ снился геній ала въ лицѣ вакханки чудной,
Она смѣялася, какъ ранняя весна,
И нѣгой взоръ горѣлъ и страстью безразсудной
Дышала грудь ея, желаніемъ полна...
Нагое тѣло все пылало и молило...
И губы алые змѣились точно кровь.
Она звала къ себѣ и рай земной сулила
И всѣмъ готовила преступную любовь.
А рядомъ съ нею, скрывъ въ лохмотья нищѣй тѣло
И не гордясь, какъ зло, презрѣнной наготой,
Стояла истина униженно, несмѣло,
Отъ муки блѣдная, сіяя красотой.
Съ прелестнаго лица лились потокомъ слезы,
И всѣ смѣялися надъ нищенской слезой:
Всѣ чувства, вся любовь, всѣ помыслы и грезы
Неслись туда — къ вакханкѣ молодой!

*) Знаменитый профессоръ по дѣтскимъ болѣзнямъ, Ниль Федоровичъ Филатовъ скончался сравнительно очень не старымъ человѣкомъ отъ повторнаго первого удара. Года за два, за три до смерти профессоръ, вернувшись отъ дефтеритныхъ больныхъ, несмотря на всѣ предосторожности, заразилъ своихъ собственныхъ дѣтей этой страшной болѣзнью. Дѣти погибли (сыворотки доктора Ру тогда еще не было). Это такъ повліяло на знаменитаго ученаго, что съ нимъ вскорѣ случился первный ударъ.

3. Безплодность.

Кто можетъ знать тебя, о вѣчность?!

Кто можетъ жизни безконечность

Постигнуть трепетнымъ умомъ?!

Не блещетъ громъ.

Ломиться въ дверь, чтобы передъ новой,
Такой же крѣпкою основой,

Какъ отъ мученій изнемочь...

Пусть будетъ ночь!

Въ душѣ людской отъ всѣхъ скрытой,

Печалью неземной повитой,

Порой мы слышимъ благодать:

„Зачѣмъ роптать?!”

За дномъ глубокимъ океана

Зарыта мысль того Титана...

Онъ тайны жизни всѣ постигъ

И мигомъ стихъ.

4. Кошмаръ.

„Какъ небо чисто!“ — Дьяволъ властно

Шепталъ, смотря мнѣ въ очи страстно.

„Въ крови мы оба — посмотри!

„Ты былъ моимъ слугой съ рожденія,

„Тебѣ открылъ я наслажденья.

„Лучай божественной зари

„Не признавали мы съ тобой,

„Повиты сладостной борьбой!“

— Клевещешь ты! Ты врагъ Господній! —

Сказалъ царю я преисподней.

— Вѣка твой длится злобный сонъ...

Очнись... Ты властью обольщенъ,

Но властью гордою и тлѣнной...

Въ душѣ твоей — рабынѣ плѣнной —

Я вижу, тлѣеть лучъ добра...

Смирись, и сдвинется гора.
„Молись! Мой рабъ, отъ зла усталый,
„Покоя ищешь, снѣгъ ты талый!“—
Мнѣ дьяволъ грустно прошепталъ.
„Молись, забывъ о прежнихъ битвахъ,
„И помяни меня въ молитвахъ,
„Меня, кто лишь себя молилъ,
„Чтобъ дать себѣ я новыхъ силъ“.

5. Юноша.

Юноша странный съ прелестнымъ лицомъ,
Съ тайною думой во взорѣ!—
Рано заснулъ безконечнымъ ты сномъ,
Рано увѣнчанъ безмолвнымъ крестомъ,
Бросивши шумное море...
Образъ твої дивный стоитъ предо мною!
Все испытать ты стремился.
Грудью хотѣлъ ты обнять огневой
Тайны блаженствъ. И любви неземной
Воинъ въ тебѣ затаился!
Воинъ красивой, но дерзкой мечты.
Всѣхъ бы она воскресила...
И заласкали бѣ жреца красоты!..
Но полюбили тебя съ высоты
Всѣ неземныя свѣтила.

6. Опасный путь.

Я шелъ одинъ, боясь враговъ...
Кругомъ ночная мгла,
И я не зналъ, что гибель тамъ
Меня вдали ждала.
Я сбился и пути пе могъ
Найти, но вдругъ въ глаза
Сверкнула мнѣ и помогла

На путь набресь гроза...
Я увидалъ, что я стоялъ
Надъ пропастью крутой,
Еще бы мигъ и я бъ погибъ
Въ пучинѣ роковой.
Съ тѣхъ поръ мнѣ дорогъ блескъ очей
Чудовищъ—темныхъ тучъ...
Стихія пусть меня казнить
И свергнетъ съ знойныхъ кручъ.
Кто жизнь мнѣ даль, тотъ пусть возьметъ,
Пусть буду я сожженъ...
Я былъ отъ трусости огнемъ
Навѣкъ освобожденъ.

7. Зачѣмъ?!

Христосъ, Христосъ! Вѣнцомъ терновымъ
Онъ спасъ людей отъ зла и тьмы:
Зачѣмъ же мы стремимся къ новымъ
Грѣхамъ, забывши мракъ тюрьмы!
Какимъ надежнымъ служать кровомъ
Мученья Господа Христа!
Къ чему жъ Его торгуютъ словомъ
Людей коварныя уста?!
Зачѣмъ мы любимъ такъ Иуду!
Зачѣмъ намъ дорогъ фарисей?!
Зачѣмъ, какъ прежде, зло повсюду
Царить опять среди людей?!

8. ПАЛАЧАМЪ.

Рабы всегда сильны и мѣтки,
У нихъ найдутся „кучи“ словъ,
Когда они—у крѣпкой клѣтки,
Въ которой много плѣнныхъ львовъ!
Съ какою страстью кровожадной

Рабы взираютъ на позоръ!..
Цари въ неволѣ безотрадной.
Язвить ихъ можетъ трусъ и воръ!
При видѣ гордаго страданья,
Рабы не въ силахъ затушить
Стремлений гнуснаго созданья:
Царя въ неволѣ заушить!

9. БЕЗСМЕРТИЕ.

Волна безсмѣртія покорна
Тому, кто, дикій, укротиль
Свои желанья. Непрітворно
Свободу—мыслю напоилъ.
Пускай прекрасная царица
И не сняла своихъ цѣпей:
При немъ она вольна, какъ птица...
Онъ благороденъ—сынъ степей...
Пигмей не вынесеть дыханья
Ея волшебной чистоты...
Что всѣмъ рабамъ благоуханье
Неоскорблennой красоты!

10. ПЕРЕЛИВЫ.

Когда была со мною ты—
И я былъ полонъ свѣтлыхъ грезъ.
Но лишь ушла, мои мечты
Разбились въ пракъ; потоки слезъ
Затмили очи; ясный день
Исчезъ какъ дымъ; настала ночь;
Ея зловѣщій мракъ и тѣнь
Не въ силахъ мыслю превозмочь,
Я жду—настанетъ ли пора,
Когда пронзитъ меня, какъ мечъ,
Подруга смерть и, какъ гора,
Свалится жизнь съ усталыхъ плечъ.

11. ЛЕРМОНТОВУ.

Ты былъ страстенъ и юнъ для жреца!
И средь насъ, промелькнувъ какъ комета,
На вопросы ты не далъ отвѣта
И погибъ, не надѣвши вѣнца.
Ты, какъ левъ, ненавидѣлъ людей
И шутилъ надъ своими врагами.
Ты къ землѣ былъ прикованъ богами
И страдалъ, какъ страдалъ Прометей!
Ты не разъ, истомленный борьбой,
Жить не смѣлъ и... судьбѣ былъ покоренъ,
Былъ безсильнымъ глупцомъ опозоренъ
И осмѣянъ ничтожной толпой.
Но волшебница-муза твоя
Пѣсней гнѣва тебя усмиряла
И тебѣ божество довѣряла,
Отъ тебя ничего не тая.
И тебя оцѣнило, пѣвецъ,
Даже жалкое то поколѣнье,
О которомъ вѣщалъ ты съ презрѣніемъ,
Громовержецъ и демонъ-гордецъ!

12. КОСМОПОЛИТАМЪ.

Я дикарь! Я свободнѣе птицы!
Чужды намъ ваша совѣсть и честь—
Ими полны всѣ ваши теплицы
И туда насъ опасно отвестъ.
Намъ противны всѣ ваши отравы,
Вамъ изъ тигровъ не сдѣлать машипъ...
Посмотрите: гнѣютъ ваши нравы,
Не достать вамъ могучихъ вершинъ!
Дикари! Вы смѣетесь надъ нами,
Но покровомъ намъ служить лазурь,
Не бредемъ мы, какъ вы, табунами.

Въ нихъ не ищемъ спасенья отъ бурь.
Мы не любимъ безкровнаго тѣла,
Пошлияку не бывать дикаремъ!
Въ очи смерти взираемъ мы смѣло,
И за волю мы, тигры, умремъ!

13. ЗЛ ГРОВОМЪ.

Я умеръ. Прахъ мой въ крѣпкомъ гробѣ
Укрыли бережно рабы...
Прошелъ конецъ крикливой злобѣ,
Законченъ пиръ людской судьбы.
Смирила всѣхъ со мной стихія
И мнѣ враги въ рѣчахъ кадять...
Какой-то шутъ стихи плохіе
Спустить со мною хочетъ въ адъ.
И все идетъ какъ по заказу,
Но такъ грязнятъ послѣдній путь!—
Что хочешь эту всю заразу
По-русски, тщательно ругнуть...

14. ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО.

Она исчезла, какъ туманъ,
И только зеркало одно
Запечатлѣло этотъ станъ,
И чаръ оно теперь полно.
Истлѣла грудь ея давно,
Затихъ тревожный, нѣжныій стонъ.
Но мнѣ любить ее дано
И я не знаю похоронъ.
Я слышу: дышитъ пылко грудь,
Я вижу властно-страстный взглядъ:
Она не хочетъ отдохнуть,
Надѣть не можетъ свой нарядъ.

Она исчезла, какъ обманъ,
Но это зеркало—она:
Ея лицо и гибкій станъ
На немъ трепещутъ, какъ волна.

Афоризмы.

Если мы не будемъ ставить женщинамъ препонъ, то останемся безъ хорошихъ женъ.

Не вездѣ попранъ законъ, гдѣ слышится стонъ.

Не говори скоро—наболтаешь много вздора.

Свиньи думаютъ, что и жолуди на дубу не росли бы, если бы ихъ, чистенькихъ существъ, на свѣтѣ не имѣлось.

Гдѣ золота груда, тамъ много злобы и худа.

Тотъ не сердитъ, кто не бывалъ бить.

Дуракъ почти всегда умника питаетъ и — что хуже всего — обѣ этомъ даже не подозрѣваетъ.

Если ты не уничтожишь клопа, такъ этотъ клопъ доставить тебѣ массу хлопотъ и залѣзеть тебѣ въ ротъ.

Если ты долго хочешь любоваться восходомъ солнца, то привыкни безъ тоски смотрѣть и на его заходъ.

О самомъ зломъ, но честномъ врагѣ ты долженъ, какъ о покойникѣ, говорить только одну правду или молчать.

Изохъ тотъ сноть, который, прежде чѣмъ понасть „на лицубу“, лаять безъ толку па прохожихъ у воротъ.

Можно теперь писать и творить гориллѣ, если воры-босяки о правдѣ заговорили.

У иного человѣка его языкъ самая острая, по невкусная закуска для пошляковъ, его окружающихъ.

Въ большинствѣ случаевъ мужчины жалѣютъ о своихъ отъѣзжающихъ пріятеляхъ только тогда, когда имъ сопутствуютъ и ихъ хорошенъкія жены.

Чѣмъ хуже, безиравственнѣе, богопротивнѣе твое звѣрское преступлениѣ, тѣмъ больше ты можешь надѣяться на то, что люди, при помощи темной психиатрической науки, оправдаютъ тебя, назвавъ ненормальнымъ. Для признанія же тебя невмѣняемымъ человѣкомъ (?) можетъ послужить обстоятельство такого рода: твоего пра-пра-прадѣдушику укусила блоха, которая имѣла временную резиденцію на тѣлѣ знаменитаго разбойника Стеньки Разина!

Если какой-нибудь негодяй въ толпѣ оскорблять порядочную женщину и особу легкаго поведенія, то происходитъ слѣдующее: первая молчитъ, вторая кричитъ во всю „ивановскую“.

—
Мессалина любила рабовъ, но предварительно мыла ихъ въ душистой банѣ.

—
Умный человѣкъ—тигръ на свободѣ, окутанный властью разсудка.

—
Голубь людей не боится, а на изверга попасть онъ не разсчитываетъ.

—
Пчела, жаля, умираетъ, а человѣкъ—толстѣетъ.

Когда я спросилъ у одного „раба“, за что онъ бьетъ собаку, онъ мнѣ отвѣтилъ: „За что! Какъ же ее не бить. Мой господинъ вчера сказалъ мнѣ, что она хотя и тварь безсловесная, но въ десять разъ умнѣй меня“.

—
Безкорыстнымъ медіумомъ рѣшительно нельзя назвать того, кто кошелекъ изъ чужого кармана вызываетъ, какъ духа, въ свой карманъ.

Послѣ словіе.

Книга кончена...

Хороша она или дурна — я этого не знаю.

Меня, собственно говоря, это не интересует...

Меня тревожит другое: сумѣть ли я хоть не-
много передать духъ и мысли того времени и того
переутомленного поколѣнія, къ которымъ я имѣю
несчастье принадлежать.

Думаю, что да.

Напрасно только этому „да“ будутъ противиться
мои литературные враги.

Всякому овощу свое время.

Искренно прошу всѣхъ, кто не можетъ обо мнѣ
безапристрастно говорить, лучше ни единымъ словомъ
не обмочиться о моей книгѣ, чѣмъ писать
весьправедливая иасиуаціи.

Онѣ мнѣ совершенно не повредятъ, наоборотъ...

Далѣе, не мнѣшало бы помнить многимъ изда-
ніямъ, меня жестоко критикующимъ и критиковав-
шимъ, что я бытъ ихъ сотрудникомъ.

Умолчаніе о подобномъ фактѣ налагаетъ на нихъ
не особенно красивую тѣль.

Что же касается до критиковъ либерального лагеря, то мнѣ отъ нихъ ждать пощады нечего.

Они бы меня, если бы было возможно, предали всѣмъ мукамъ и пыткамъ испанской инквизиції!

И за что?!

За то, что я неоднократно печатно и устно, а также и на судѣ изобличаю ихъ въ „прелюбодѣяніи мысли“.

По-моему, они люди совершенно деревянные.

А развѣ „деревяжка“ пойметъ, что она деревяжка и совершеннѣйшая невѣжда?

Уже давно господа либералы, просиживающіе стулья въ редакціяхъ толстыхъ журналовъ, пылаютъ ненавистью ко всему молодому, новому, сильному.

Уже давно они пытаются и, къ стыду нашему, не тщетно тушить все, что хоть на время отвлекаетъ общество отъ ихъ некультурныхъ, не имѣющихъ подъ собой честной точки опоры, разглагольствованій о томъ, о чёмъ они даже не имѣютъ права разсуждать по своей некомпетентности. Гг. Зипуновы, Дуриловы, Поганы, Фриштиковы и прочія „зnamенитости“ не хотятъ знать, что настоящій поэтъ никогда не долженъ касаться соціально-гражданскихъ мотивовъ, дабы искусство не отслужило по немъ панихиды. Они не хотятъ знать, что политика не „поле браны“, a terra incognita для поклонника музъ, какъ и для большинства непривѣтныхъ разсуждать объ этомъ честныхъ и благоразумныхъ гражданъ. Вышеозначенные „микробы“ не вѣрятъ, что красота природы, тайны любви, ненависти, страсти — неисчерпаемый источникъ вдохновеній для художника слова. Обнимать весь міръ на словахъ легко, особенно, когда за сіе могутъ посадить за столъ, за которымъ будутъ кушать общественный пирогъ подъ звуки безшаш-

башнаго вальса, начинающагося словами: „Жида
съ лягушко вѣя чаютъ!“

Авторъ.

Москва, 1901 г. 20 мая.

Это же самое подтверждаю и въ 1904 г.

Необходимыя предупреждѣнія и разъясненія.

Въ стихотвореніи „Загробная месть“ говорится о слишкомъ страшныхъ вещахъ. Но всего этого очень легко избѣжать, если подвергнувшаяся мести та-даме пригласить къ своему птенцу кормилицу.

Всякую перепечатку моихъ словъ безъ указанія источника я буду строго и неукоснительно преслѣдовывать по 1683 ст. улож. о наказ.

О первомъ изданіи моей книги былъ отзывъ... даже въ газетѣ „Фигаро“. Разъясняю автору статьи о „Нервахъ“, что Емельяновъ-Коханскій не два, какъ онъ думаетъ, а одно лицо.

A. E.—K.

А. Н. Е.-К. готовитъ къ печати: 1) Тверской бульваръ (романъ), 2) На каторгу! (романъ), 3) Женоподобный красавецъ (романъ изъ временъ Иоанна Грознаго), 4) Мое безсмертіе (послѣдній сборникъ стиховъ).

Того же автора:

„Записки Гръшника“.

(Книга злобы, ненависти, насмѣшки).

Второе, весьма дополненное издание книги
„Почти обо всем“.

Содержание: Изъ гаремной жизни. 1. Непокорная. Какъ я сдѣлался безумцемъ. (Разск.). Ночь подъ Ивана Купала. (Леген.). Вѣщіе сны. (Очеркъ). Неудачная вариація. (Сценка). Изъ дневника купчика-савраса. (Разск.). Забраковали. (Быль). Дамская игра. (Очеркъ). Продавная слава. (Разск.). Несчастье помогло. (Разск.). На кладбищѣ. (Психолог. этюдъ). „Злая яма“. (Штрихи). Маргариновый талантъ. (Критич. очеркъ). Въ защиту чудовища. (Негрустные афоризмы). Горемыка. (Сказка). Энергичная особа. (Типъ). Мертвѣцъ встаетъ! (Быль). Развратники и безумцы. (Критич. замѣтки). Смирилась. (Быль). Тонкоуміе „Шута“. Изъ гаремной жизни. 2. Непосильная жертва. 3. Предательница. У современного книжника. (Спекка). Открытое письмо фарисеямъ либералистамъ. (Правда). О женщины! О мужчины! (Юморист. штрихи). Три преступленія. (Отрывокъ изъ романа). Точное изслѣд. обѣ атрофіи хвоста у черта. (Глава изъ псевдо-научнаго романа). Неронъ. (Психолог. этюдъ). Демонъ и Мельмотъ Скиталецъ. (Очеркъ). Наше поросячество. (Крит. замѣт.). Воспом. о велик. писат. (Правда). Ложь у незарытыхъ могилъ. (Гнѣвъ). Клеветники. Толстой и Талмудъ.

Цѣна книги 1 руб.

Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и
у автора (Москва, 4-я Тверская-Ямская, д. Вечеслова).